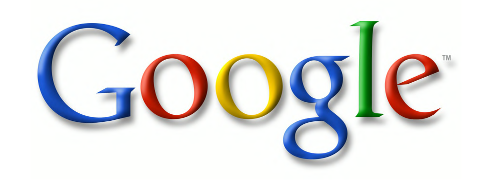

Google

Проф. І. Геффкенъ.

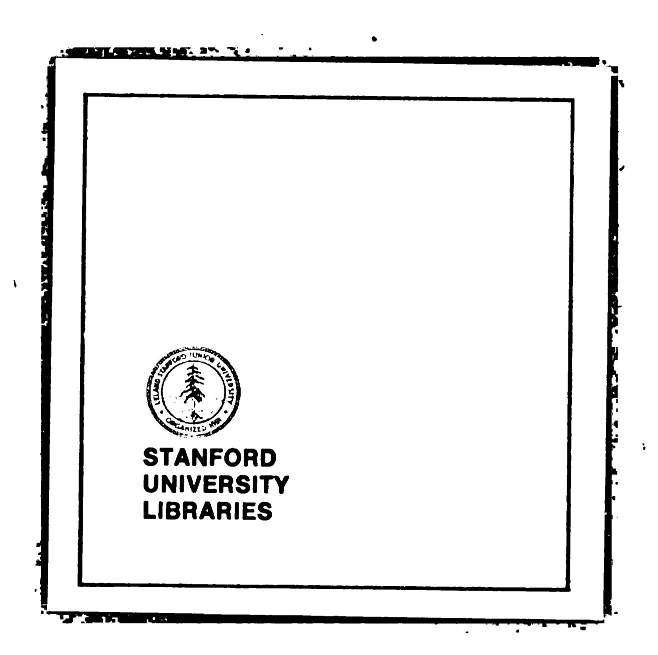
Вѣстникъ Знанія

Исторія первыхъ вѣковъ христіанства.

Библіотека для Саморазвитія.
Издательство «Вѣстника Знанія»
(В. В. Битнера).

Безплат. прилож. къ № 6 „Вѣстника Знанія“. 1908 г.

Проф. I. Геффкенъ.

Изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства.

Переводъ съ нѣмецкаго **А. Я. Брусова,**

подъ редакціей В. В. БИТНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Знанія" (В. В. Битнера).
1908.

Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126 (уг. Суворовскаго)

I. Вступленіе христіанства въ греко-римскій міръ.

Интересъ къ христіанству въ наше время.—Точное опредѣленіе задачи. — Настроеніе міра въ эпоху Христа. — Духовная жизнь въ эпоху Христа. —Вѣра въ бога въ античномъ мірѣ. — Споръ между античными философскими школами.— Значеніе стоической философіи.—Продолженіе философской полемики.

Современная эпоха нашего духовнаго и нравственнаго существованія снова выдвинула на первый планъ вопросы религіозной жизни, и мы, нѣмцы, съ полнымъ правомъ можемъ превозносить ее за это, хотя бы въ другихъ отношеніяхъ мы и считали многое въ ней заслуживающимъ лишь осужденія и не находили бы особаго удовольствія жить въ эту эпоху. На какой бы точкѣ зрѣнія мы ни стояли,—желая вынести вполнѣ справедливое рѣшеніе, мы несомнѣнно должны признать, что среди нашихъ современниковъ лишь очень немногіе принадлежатъ къ разряду хулителей. Настоящая фривольность вообще, слава Богу, рѣдкая гостья въ нѣмецкихъ земляхъ; выраженіе «христіанскіе бонзы» принадлежитъ тому быстро протекшему времени, когда самый грубый матеріализмъ, казалось, завладѣлъ многими умами. Мы, слава Богу, въ этомъ отношеніи ушли далеко впередъ; даже совершенно нерелигіозные философы и историки видятъ въ христіанствѣ великую, отчасти даже величайшую проблему человѣческаго развитія. Помимо лекцій на религіозныя темы, на которыя собираются обыкновенно лишь лица одинаковаго образа мыслей, мы замѣчаемъ, что вообще въ Германіи съ каждымъ днемъ становится все сильнѣе и сильнѣе жажда болѣе близкаго ознакомленія съ содержаніемъ и значеніемъ христіанства. Развѣ не является, напр., важнымъ симптомомъ то, что А. Гарнакъ имѣлъ возможность говорить въ Берлинѣ о сущности христіанства передъ аудиторіей, состоявшей почти изъ 600 студентовъ всѣхъ факультетовъ. Такое же знаменіе времени составляетъ и появленіе въ свѣтъ размышленій и изслѣдованій объ ученіи Іисуса, написанныхъ Чэмберлэномъ, извѣстнымъ авторомъ основныхъ теченій XIX вѣка. Сюда же слѣдуетъ отнести также и тотъ интересъ, который былъ проявленъ сначала германскимъ императоромъ, а за нимъ и всей Германіей къ лекціямъ Делича о «Вавилонѣ и библіи».

Лекціи Гарнака и Делича вызвали цѣлый потокъ полемической литературы. Твердая критическая и теософическая позиція перваго оскорбила ортодоксальныхъ теологовъ, слишкомъ большая переоцѣнка результатовъ, добытыхъ вавилонскими раскопками, сдѣлала Делича объектомъ еще болѣе энергичныхъ нападокъ. Повидимому, въ этой области, касающейся не одного только разума, трудно достигнуть дѣйствительной объективности. Повсюду раздается требованіе безпристрастнаго изслѣдованія и тѣмъ не менѣе, когда въ этой области появится какое-либо новое литературное произведеніе, прежде всего спрашиваютъ о его «точкѣ зрѣнія». И какъ это ни печально, но это почти необходимо. Пока наше воспитаніе будетъ христіанскимъ, до

тѣхъ поръ мы не въ состояніи будемъ разсматривать проблемы христіанскаго преданія, какъ предметъ чистаго разсудка. Какъ бы мы ни смотрѣли на вопросъ о подлинности евангелій, будемъ ли мы считать ихъ дополняющими другъ друга, или же отдадимъ предпочтеніе одному изъ нихъ, признаемъ-ли мы дѣйствительнымъ историческое существованіе Христа или же будемъ считать его лишь миѳической личностью: во всякомъ случаѣ глубокое, подчасъ даже самое сокровенное участіе чувства въ работѣ необходимо. Ибо, если теологъ, занимающійся вопросомъ о явленіи Христа, человѣкъ безъ чувства, то онъ не настоящій теологъ. Но какъ разъ поэтому-то, каковы бы ни были его взгляды, онъ всюду легко наживаетъ враговъ, которые такъ же искренни въ своихъ сужденіяхъ, какъ и онъ, но, къ сожалѣнію, не всегда склонны признавать его честность.

Мы не будемъ говорить здѣсь о личности Христа и его дѣяніяхъ, объ евангеліяхъ и т. п. Историку и филологу, который въ сущности не менѣе близко принимаетъ къ сердцу вопросы христіанства, чѣмъ теологъ, все-таки изучать ихъ гораздо легче. Онъ скорѣе сумѣетъ отнестись къ нимъ безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, онъ можетъ, исходя изъ какой-либо области, проникнуть отъ периферіи къ центру; для теолога же исходнымъ пунктомъ большею частью является самъ Христосъ, и обыкновенно онъ проводитъ свои круги вокругъ одного центра. И здѣсь, въ этой области исторіи христіанства, гдѣ источники становятся тѣмъ обильнѣе, чѣмъ дальше мы уходили отъ самой личности Христа, мы достигаемъ также болѣе положительныхъ, я бы сказалъ, болѣе мирныхъ результатовъ, чѣмъ при изученіи самой личности Христа. Но все-таки подобныя изслѣдованія всякій разъ снова приводятъ къ центру всего разсматриваемаго движенія; по глубинѣ и разнообразію того возбуждающаго дѣйствія, которое оно оказываетъ на умы, мы постоянно вновь представляемъ себѣ величіе того, кто вызвалъ это движеніе.

Посвящая нѣсколько главъ эпохѣ древнѣйшаго христіанства, т. е. главнымъ образомъ эпохѣ II столѣтія, мы, какъ ни стремимся къ этой цѣли, тѣмъ не менѣе никоимъ образомъ не можемъ претендовать на достиженіе полной объективности, или лучше сказать: на установленіе объективныхъ истинъ. На самомъ дѣлѣ, положа руку на сердце, мы должны признать, что въ дѣйствительности существуетъ только одинъ неопровержимый фактъ,—это фактъ побѣды христіанства; причины этой побѣды, какъ-бы просты онѣ ни казались наивному уму, гораздо болѣе глубоки, чѣмъ многіе думаютъ; да, отвѣтить на этотъ вопросъ, можетъ быть, возможно лишь догадками. Но тѣмъ не менѣе мы попробуемъ до нѣкоторой степени безпристрастно прослѣдить самый процессъ осуществленія этого факта и придти къ нѣкоторымъ поучительнымъ результатамъ. Правда, очень возможно при этомъ, что эти результаты оскорбятъ внутреннее чувство нѣкоторыхъ, или пошатнутъ чье-нибудь кровное убѣжденіе. Но здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы должны опасаться смотрѣть истинѣ въ глаза, ибо вѣдь какъ разъ христіане и стремятся къ познанію истины. Такая гигантская эволюція, какъ побѣда совершенно новаго міровоззрѣнія, совершается не безъ заблужденій, не безъ сильнѣйшей, нерѣдко превосходящей всякую мѣру страстности, не безъ временныхъ пораженій: буря и натискъ, весьма человѣческія свойства, характеризуютъ также и ходъ возникновенія христіанства. Но какъ разъ поэтому то человѣческая личность и здѣсь, среди всей этой, часто весьма мало радующей душу борьбы сохраняетъ свой побѣдный блескъ, и цѣль борьбы, достиженіе высочайшаго мыслимаго на землѣ идеала, болѣе чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо сглаживаетъ ошибки страстей.

Мы только-что говорили о все усиливающемся интересѣ, проявляемомъ

въ наши дни къ этимъ вопросамъ. И по какой-то почти таинственной случайности теологическое изслѣдованіе, также вновь воспрянувшее за послѣднее время, получило поддержку въ совершенно неожиданныхъ открытіяхъ. За послѣднее время было сдѣлано и дѣлается множество находокъ, о которыхъ еще недавно никто не рѣшался и мечтать. Древнѣйшія сочиненія, считавшіяся давнымъ давно утерянными, появляются на свѣтъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, древне-христіанскія посланія къ паствѣ, множество апокалипсисовъ, отрывки евангелій, предполагаемыя слова Христа. И чѣмъ больше мы находимъ, тѣмъ сильнѣе дѣлается надежда найти еще большее; и ничего нѣтъ мудренаго, что въ одинъ прекрасный день мы еще узнаемъ о находкѣ новаго древняго евангелія. Правда, одновременно съ этими находками возникаетъ и масса новыхъ проблеммъ, и къ абсолютному знанію, по самой природѣ этихъ проблеммъ, мы приближаемся менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области.

Переходя прежде всего къ разсмотрѣнію состоянія язычества въ эпоху выступленія христіанства, сначала нужно опровергнуть тотъ, еще весьма распространенный, взглядъ, будто бы ко времени появленія Христа язычество, или лучше сказать—греко-римскій міръ былъ уже настолько разоренъ, что самъ объявилъ себя банкротомъ. Алтари будто бы были совершенно оставлены, авгуры занимались высмѣиваніемъ другъ друга, самые неимовѣрные пороки безпрепятственно торжествовали, Римъ сдѣлался Вавилономъ отвратительнѣйшихъ преступленій, и если греки и не были такъ развращены, какъ римляне, то и они проводили время лишь въ безплодной философской болтовнѣ, которую апостолъ Павелъ засталъ въ Аѳинахъ. Все это въ такой формѣ либо совершенно невѣрно, либо, если и вѣрно, то въ весьма небольшой степени и основано на совершенно одностороннемъ взглядѣ.

Несомнѣнно, міръ усталъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ это намъ нерѣдко стараются представить. Въ культурномъ отношеніи онъ вовсе не дошелъ еще до своего естественнаго конца; эпоха, породившая писателей Цезаря, Горація и Тацита (называю лишь наиболѣе крупныя имена), не можетъ считаться исчерпавшей самое себя. Чувствовалось только матеріальное разореніе, благодаря вѣчнымъ междоусобнымъ войнамъ, объ опустошительномъ дѣйствіи которыхъ мы не можемъ даже составить себѣ достаточное представленіе. Ошибки экономической политики Рима совершенно обезсилили провинціи, не смотря на то, что отдѣльные дальновидные люди и старались облегчить положеніе провинціаловъ. И вотъ, послѣ всѣхъ невзгодъ, продолжавшихся цѣлыя десятилѣтія, возникла имперія, и имперія здѣсь дѣйствительно принесла съ собою миръ. Возникло то центральное мѣсто, къ которому провинціалъ могъ обращаться со своими нуждами, щедрые владыки стали править въ Римѣ, который до этого лишь расхищалъ чужое добро: надъ землею былъ снова судья. Матеріальная жизнь, послѣ глубокаго упадка, опять достигла расцвѣта, и если сенатъ въ Римѣ все еще стоялъ отчасти въ сторонѣ, и дружественные ему писатели не находили достаточно словъ противъ тираніи императоровъ, то провинціи напротивъ, почти съ перваго же дня существованія имперіи, сдѣлались фанатическими приверженцами ея, и многіе изъ императоровъ, на которыхъ мы черезъ сенаторскіе очки привыкли смотрѣть, какъ на извергoвъ, въ провинціи считались благодѣтелями. Прежде всего, конечно, самъ Августъ. Благодарная провинція Азія—фактъ, который сталъ намъ извѣстенъ, благодаря лишь одной новѣйшей находкѣ—чтила его, какъ «спасителя», и мы знаемъ теперь, съ какой цѣлью христіанство такъ энергично старалось перенести это имя на основателя собственной религіи: назареянинъ долженъ былъ вытѣснить римскаго императора.—Всматриваясь въ исторію этихъ импера-

торскихъ фамилій и ихъ дворовъ, мы, конечно, не можемъ не содрогаться при видѣ тѣхъ ужасовъ, которые тамъ творились. Но эти противоестественныя преступленія достаточно часто случались и въ другія эпохи. Интимная исторія многихъ европейскихъ дворовъ ничѣмъ не отличается отъ исторіи римскаго двора, и если о нравственности современныхъ народовъ судить только по «chronique scandalense» извѣстныхъ общественныхъ круговъ, то можно придти къ весьма пессимистическимъ результатамъ. Благодаря античной откровенности и пристрастію историковъ къ скандальнымъ фактамъ, эти образцы римской испорченности получили такое освѣщеніе, какъ будто они составляли тогда общее правило. Но два фактора позволяютъ судить о морали данной эпохи: нравственное отношеніе къ совершающемуся въ ней злу и позитивное выполненіе добра. Первый моментъ не находился въ забвеніи въ императорскую эпоху, во всякомъ случаѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ, напр., въ эпоху итальянскаго возрожденія; тѣ римскіе императоры, которые дѣйствительно ничего не стоили, находили всегда осужденіе въ народѣ. Труднѣе отвѣтить на вопросъ: «что добраго дало то время?» Люди тогда, конечно не были многимъ хуже, чѣмъ какое-либо другое время; религіозное чувство и потребность въ религіи постоянно возростали, какъ о томъ свидѣтельствуютъ богослуженія, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, но ростъ матеріальнаго благосостоянія, глубокій миръ въ провинціи погружали общество въ столь же глубокую бездѣятельность. Празднества смѣнялись празднествами, повсюду произносились рѣчи, которыя современному человѣку нужно прочитать, по крайней мѣрѣ, три раза, чтобы понять все ничтожество того повода, по которому онѣ произносились.—Но этой внѣшней бездѣятельности соотвѣтствовала мощная жизнь духа. Безчисленныя надгробныя надписи свидѣтельствуютъ о глубинѣ того чувства, которое вызывала смерть близкаго человѣка, особенно о тѣсной супружеской связи, сближавшей любящія сердца: вѣдь, въ эпоху императоровъ жила та римская женщина, которая, видя умирающаго мужа, вонзила себѣ ножъ въ сердце, воскликнувъ: Пэтъ, мнѣ не больно! Читая, далѣе, произведенія Сенеки или Эпиктета, мы не можемъ не поражаться святостью и возвышенностью ихъ нравственнаго міровоззрѣнія. Не даромъ еще до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что Сенека непремѣнно долженъ былъ имѣть понятіе объ ученіи Христа; это мнѣніе повторяетъ ошибку послѣднихъ вѣковъ древности, когда на основаніи сходства ученія Сенеки съ христіанствомъ, была сочинена даже цѣлая переписка между апостоломъ Павломъ и Сенекой, сохранившаяся до нашего времени.

Но въ эпоху зрѣлости находится въ почетѣ и развивается наука. Здѣсь, несмотря на то, что намъ извѣстны имена выдающихся юристовъ и филологовъ, объ этомъ много говорить не приходится. По крайней мѣрѣ, греческая наука, о которой въ сущности только и можетъ идти рѣчь, достигла уже ранѣе своего высшаго развитія; она не увеличиваетъ дальше запасъ знаній, а сохраняетъ и собираетъ уже извѣстное. Прежде всего бросается въ глаза сильный застой въ точныхъ наукахъ. Математика и астрономія приходятъ въ упадокъ и вновь переживаютъ расцвѣтъ лишь въ концѣ древности, явно противодѣйствуя христіанству, не ожидавшему ничего добраго отъ математики. На ряду съ этимъ коментируются старыя произведенія и традиціи передаются потомству. То же самое и съ географіей. Здѣсь также мы тщетно стали бы обращаться къ отдѣльнымъ представителямъ этой науки съ вопросами объ ихъ путешествіяхъ или самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, мы можемъ спрашивать ихъ только о тѣхъ источникахъ, какими они пользовались, и отъ которыхъ ихъ отдѣляютъ нерѣдко цѣлыя столѣтія. Довольно печальнымъ знаменіемъ для

этой эпохи и ея научныхъ стремленій является также то обстоятельство, что ея величайшій географъ, знаменитый Птоломей, написалъ произведеніе объ астрологіи. Медицина въ свою очередь находится въ жалкомъ состояніи; единственный, дѣйствительно выдающійся, врачъ и писатель этого времени, Галенъ, коментировалъ также болѣе древнія произведенія и кромѣ того жилъ многими другими интересами. Наконецъ, историческія науки, если вообще можно говорить о таковыхъ въ древности, совершенно утратили свое настоящее значеніе. Историка, который дѣйствительно занимался бы серьезнымъ, объективнымъ изученіемъ источниковъ, нѣтъ; все сводится— и это вообще основная ошибка античной исторіографіи—къ красивымъ описаніямъ. Даже такія личности, какъ Тацитъ, главнымъ образомъ привлекаютъ насъ, какъ писатели; строгой истины, несмотря на ихъ обѣщанія, у нихъ искать нечего: Только одна отрасль духовной дѣятельности составляетъ предметъ дѣйствительно всеобщаго вниманія и все возрастающаго интереса, котораго позже не могли избѣгнуть и христіане; это— краснорѣчіе, или вѣрнѣе—искусство высказывать возможно многорѣчивѣе, изысканнѣе и запутаннѣе то, что можно было бы ясно выразить немногими словами. Это съ малолѣтства изучается въ школахъ реторики, гдѣ каждый пріучается писать различнымъ стилемъ, соотвѣтствующимъ различнымъ предметамъ.

Успѣхамъ науки соотвѣтствуетъ ея оцѣнка. Греческая философія уже давно занималась, какъ это мы подробнѣе увидимъ далѣе, внутреннимъ развитіемъ человѣка. Но лишь въ эту эпоху впервые все болѣе и болѣе выдвигается идея, что наука ничему не можетъ помочь, что все должно сосредоточиться на заботахъ о душѣ. Упомянутый уже Сенека, хотя иногда и горячо защищаетъ науку, какъ онъ ее понимаетъ, но дѣлаетъ это лишь потому, что такъ поступали его греческіе предшественники. Тамъ, гдѣ проявляется его собственное убѣжденіе, мы слышимъ нѣчто совершенно иное. Геометрія, по его мнѣнію, ничего не стоитъ: какая польза, восклицаетъ онъ, въ вычисленіи площади даннаго участка земли, если я не умѣю подѣлиться имъ съ братомъ! Не надо знать болѣе того, что необходимо: большинство ученыхъ скучны, болтливы, надоѣдливы и заняты собой. Наука не дѣлаетъ человѣка лучше, это достигается лишь изученіемъ мудрости.—Такимъ образомъ, когда утверждаютъ, что христіанство было враждебно образованію, то въ такой формѣ это невѣрно. Правда, христіане не менѣе враждебно относились къ абсолютному знанію, чѣмъ греко-римскіе философы: но послѣдніе сами дошли до этого, христіане же мыслили такъ, какъ всѣ окружающіе: утомленіе знаніемъ древняго міра и для христіанства является одной изъ его предпосылокъ.

Итакъ, главный интересъ эпохи сосредоточивается на собственномъ я. Это не свидѣтельствуетъ о людяхъ того времени съ худой стороны, тѣмъ болѣе, что такое настроеніе было широко распространено. Но интересъ, проявляемый къ своему собственному внутреннему міру, необходимо приводитъ къ вопросу: кто твой богъ, и какъ ты относишься къ нему? Съ этимъ вопросомъ связано все пониманіе эпохи. Поэтому, мы должны болѣе подробно разсмотрѣть религіозное настроеніе античнаго человѣчества въ эпоху явленія Христа и въ послѣдующія десятилѣтія, тѣмъ болѣе, что теологи въ этой области нерѣдко исходятъ изъ совершенно общихъ представленій, не изучая самостоятельно источниковъ.

Вѣра въ боговъ нерѣдко являлась камнемъ религіознаго преткновенія для мыслителей древности; извѣстно, что Платонъ хотѣлъ совершенно изгнать изъ своего идеальнаго государства чтеніе такого безбожнаго поэта, какъ Гомеръ. Но это были только отдѣльныя выступленія. Новая эпоха теологическаго мышленія впервые зарождается лишь въ концѣ IV вѣка.

Безпримѣрное величіе Александра Македонскаго, повидимому, до безконечности раздвигало предѣлы человѣческой мощи, и желаніе царя, чтобъ ему воздавали божескія почести, было исполнено, не смотря на протесты нѣкоторыхъ скептиковъ. Его преемники дѣйствовали также. А разъ люди стали считаться богами, то, какъ прямой выводъ отсюда, могъ возникнуть и взглядъ на боговъ, какъ на людей. Подобныя раціоналистическія мнѣнія, что культъ боговъ возникъ изъ почитанія особо выдающихся людей, нерѣдко высказывались уже и ранѣе, но впервые въ систему привелъ ихъ грекъ Эвгемеръ, по имени котораго и все это раціоналистическое направленіе получило названіе эвгемеризма. Эвгемеръ написалъ нѣчто въ родѣ романа-путешествія, въ которомъ онъ разсказывалъ, что въ одной древней надписи ему удалось найти разсказъ, гдѣ дѣянія боговъ описывались, какъ дѣянія древнихъ царей. Эти цари позднѣе, будто бы, объявили себя богами. Выдающіеся умы древности относились къ этой неостроумной, но, повидимому, пользовавшейся въ то время успѣхомъ книгѣ довольно пренебрежительно, вслѣдствіе множества, встрѣчавшихся въ ней, выдумокъ; христіанамъ она во всякомъ случаѣ нерѣдко служила хорошую службу въ ихъ борьбѣ противъ язычниковъ. Для насъ она является только знаменіемъ времени, только симптомомъ, а вовсе не планомѣрнымъ, глубоко продуманнымъ нападеніемъ на народныя вѣрованія въ боговъ; иначе авторъ не придалъ бы своимъ разсужденіямъ формы романа-путешествія. Этой полемикѣ впервые была придана система, когда приверженцы Эпикура, того философа, именемъ котораго впослѣдствіи злоупотребляли для обозначенія стремленій ко всякаго рода пустымъ наслажденіямъ, открыли походъ противъ народныхъ греческихъ боговъ. Мы должны остановиться на этомъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ не будетъ понятна полемика христіанства противъ язычниковъ. Эпикурейцы прежде всего останавливались на человѣческихъ несовершенствахъ боговъ. Если на Критѣ показываютъ могилу Зевса, то слѣдовательно, отецъ боговъ когда-то дѣйствительно умеръ, такъ же, какъ и прекрасный любовникъ Афродиты, Адонисъ; поэтому, онъ не могъ быть богомъ. Кромѣ того, эти боги часто испытывали тяжкія муки и страданія, Геркулесъ находился въ услуженіи у Еврисѳея, Аресъ и Афродита были ранены, а сколько было еще подобныхъ же сказаній. Не менѣе недостойно божества также, что оно постоянно носитъ съ собою символъ своей должности, лукъ или молотъ, зеркало и т. п. И какъ должны мы представлять себѣ боговъ? Неужели у Аполлона постоянно гладкія щеки и все одна и та же внѣшность, неужели богъ-кузнецъ, Гефестъ, постоянно хромалъ на одну ногу? Сыновья Зевса наполнили собою весь міръ; самъ верховный богъ ради любовныхъ похожденій не боялся превращаться то въ быка, то въ лебедя, то въ орла. Далѣе, развѣ эти боги не находятся въ постоянной враждѣ между собою? Во время троянской войны они отчаянно нападали другъ на друга, на высотѣ Олимпа Зевсъ угрожаетъ богамъ низверженіемъ, а когда супруга верховнаго бога хочетъ что-нибудь выполнить, то она безъ зазрѣнія совѣсти обманываетъ своего мужа. На самомъ дѣлѣ эти боги не обладаютъ ни однимъ божественнымъ качествомъ; они думаютъ предсказывать будущее жалкимъ людямъ, и тѣмъ не менѣе, самъ Аполлонъ, божественный прорицатель, преслѣдуя Дафну, не подозрѣваетъ, что она тотчасъ превратится въ лавръ. Такіе боги не могутъ служить образцами для людей; напротивъ, ихъ примѣръ дѣйствуетъ чрезвычайно пагубно и только побуждаетъ людей ко злу. Поэтому, почитать этихъ боговъ—это значитъ уподобляться безбожникамъ, и поэты, сочинивъ эти басни, совершили тяжкій грѣхъ. Несомнѣнно, боги существуютъ, такъ какъ иначе вѣра въ нихъ не была бы такъ распространена, и не правы тѣ, кто разыгрываетъ изъ себя вольнодумцевъ, въ то

время, какъ народъ устраиваетъ въ честь боговъ празднества и приноситъ имъ жертвы; не слѣдуетъ разбивать ничью вѣру. Но могутъ ли эти боги помочь намъ, вообще, заботятся ли они о насъ, это болѣе, чѣмъ сомнительно.

Таковъ былъ серьезный и сильный взглядъ эпикурейцевъ. Но чувство грека не могло удовлетвориться этимъ полнымъ отрицаніемъ. Его страстное исканіе связи между человѣкомъ и божествомъ удовлетворялось, по крайней мѣрѣ, отчасти ученіемъ стоиковъ. Стоики, правда, также признають, что боги, изображенные поэтами и виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ, представляютъ полное ничтожество. Но не нужно понимать ихъ буквально. Эти миѳы имѣютъ глубокое аллегорическое значеніе. Зевсъ не есть обольститель смертныхъ женъ, онъ—тотъ міровой разумъ, который придаетъ порядокъ всему,—такъ называемый, логосъ (который съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ упоминается также во вступленіи къ Евангелію Іоанна), Зевсъ—душа вселенной. Точно такъ же и Аресъ не что иное, какъ война, Гефестъ—огонь, Гера—воздухъ, Аполлонъ—солнце, Артемида—луна. Такимъ образомъ, когда боги на Олимпѣ борятся съ Зевсомъ, то это означаетъ лишь борьбу элементовъ между собою, когда царь боговъ низвергаетъ Гефеста съ Олимпа на землю, то въ этомъ нужно видѣть лишь фактъ сошествія на землю огня, когда Аресъ, раненый Аѳиной, издаетъ громкій крикъ, то это не что иное, какъ недисциплинированное, грубое варварское войско, поднимающее страшный шумъ въ битвѣ, и, наконецъ, когда Аресъ соединяется съ Афродитой, то это свидѣтельствуетъ лишь о связи между враждой и любовью для цѣлей гармоніи. Этотъ аллегорическій раціонализмъ, встрѣчающійся, хотя и въ измѣненной формѣ, и въ позднѣйшемъ христіанствѣ, былъ лишь внѣшностью стоическаго ученія и, конечно, не могъ наполнить религіозное сознаніе. Главнымъ для стоиковъ является вѣра въ провидѣніе, вѣра, которая въ той же формѣ и опирающаяся на тѣ же аргументы, свойственна и раціонализму XVIII вѣка, вообще столь сходному съ стоическимъ ученіемъ. Стоикъ, вглядываясь въ міръ, находилъ, что все въ немъ устроено чудесно. По вѣчнымъ, желѣзнымъ законамъ совершается движеніе свѣтилъ, и всѣ они такъ или иначе служатъ человѣку. Слѣдовательно, за всѣмъ этимъ чудеснымъ устройствомъ должна скрываться какая-то движущая сила. Варвары при видѣ вертящагося глобуса, съ вращающимися вокругъ него звѣздами, поражаются этимъ продуктомъ человѣческаго разума. Неужели же мы можемъ повѣрить, что небесный сводъ вращается самъ собой, что нѣтъ той души, той первоначальной причины, которая приводила бы его въ движеніе? Войдемъ въ гимназію, гдѣ трудъ совершается по опредѣленному плану, взглянемъ на благоустроенный городъ, посмотримъ на плывущій корабль: неужели мы можемъ признать, что все это совершается само собою? А какъ прекрасна сама земля, въ какомъ порядкѣ все на ней устроено, какая соразмѣрность, какая цѣлесообразность господствуетъ всюду! Все сдѣлано для того, чтобъ обезпечить животнымъ сохраненіе и внѣшнюю безопасность, противъ всѣхъ могучихъ явленій природы они вооружены особыми органами защиты. Но для кого же все это существуетъ? Конечно, не для самого себя,—цѣлью природы постоянно является польза человѣка. А самъ человѣкъ, какъ искусно и тонко онъ созданъ! Каждая часть тѣла приноситъ особую пользу, имѣетъ свое особое назначеніе, даже отличается своей индивидуальной красотой. Если, такимъ образомъ, мы сами обладаемъ превосходно устроеннымъ тѣломъ, если животныя служатъ намъ, если по положенію свѣтилъ мы узнаемъ волю судьбы, то не ясно ли, что вся природа движется вокругъ человѣка, какъ центра, что человѣкъ является ея конечной цѣлью. Но эта природа есть высшее провидѣніе, чудесная,

божественная воля, проникающая вселенную. самъ Богъ, который, какъ отецъ, окружаетъ любовью человѣка, свое созданіе, но самъ остается невидимъ ему, а только чувствуется благочестивымъ сознаніемъ. Этому божеству подчинены отдѣльныя частичныя силы, ибо міръ и звѣзды, и элементы—также боги, носящіе въ себѣ часть божественной воли.

Однако эпикурейцы находили эту величественную пантеистическую философію, воодушевлявшую безконечное множество людей, въ лучшемъ случаѣ, смѣшной. Въ аллегорическихъ богахъ стоиковъ они видѣли лишь фантастическіе образы разгоряченнаго воображенія; развѣ какой-нибудь богъ свѣта или огня, говорили они, можетъ удержать человѣка отъ злого дѣла? Стоическое провидѣніе, проникающее вселенную божественное начало, для эпикурейцевъ не болѣе, какъ старая тетка, которая всюду суетъ свой носъ, гдѣ ея не спрашиваютъ. Вѣдь этотъ богъ стоиковъ никогда не можетъ успокоиться, если ему приходится заботиться о такомъ множествѣ дѣлъ. Что же касается цѣли, то ея вовсе не видно. Развѣ можно найти какую-нибудь пользу въ существованіи, напр., блохъ, вшей, клоповъ и т. п. отвратительныхъ тварей? Наконецъ, гдѣ же былъ Богъ до сотворенія міра?—Между тѣмъ, какъ эпикурейцы такимъ образомъ досаждали стоикамъ, противъ послѣднихъ поднялся новый могучій врагъ въ видѣ *скептическаго* направленія платоновской школы. Съ эпикурейцами, правда, *скептики* тоже не хотятъ имѣть ничего общаго, но тѣмъ не менѣе отчасти они идутъ съ ними по одному пути. Не съ цѣлью разбить стоиковъ, а съ цѣлью познать истину или, по крайней мѣрѣ, хотя бы отчасти постичь ее, они устанавливаютъ принципъ полнаго отсутствія предопредѣленія. По ихъ мнѣнію, прежде всего вселенная не даетъ никакого повода для вывода заключенія о ея божественности. Планомѣрность ея аналогична правильности явленія приливовъ и отливовъ, или періодичности перемежающейся лихорадки, въ которыхъ ни одному человѣку, конечно, не прійдетъ въ голову видѣть что-либо божественное. Все это проходитъ; преходящи также и вселенная, и звѣзды, и элементы; Богъ же не можетъ быть преходящъ. Съ богами нельзя ничего предпринять; о многихъ изъ нихъ нельзя рѣшить, были ли они богами или какими нибудь другими существами. Лучше всего, поэтому, совсѣмъ оставить ихъ въ сторонѣ; иначе пришлось бы, пожалуй, чтить также и египетскія звѣриныя божества. Аллегоріи же вовсе не выдерживаютъ критики, потому что здѣсь во всякое время можно выдумывать новыя, въ этой области господствуетъ полный произволъ. Далѣе, знаніе будущаго, также, по мнѣнію стоиковъ, происходящее отъ боговъ, вовсе не можетъ осчастливить человѣчество. Для чего знать человѣку заранѣе то, что все-равно должно случиться? Вообще астрологія—это полнѣйшее надувательство; ни одинъ человѣкъ не въ состояніи составитъ вѣрный гороскопъ. Наконецъ, если бы дѣйствительно существовало святое и справедливое провидѣніе, то оно, конечно, поощряло бы добрыхъ и наказывало бы злыхъ. А между тѣмъ мы являемся свидѣтелями какъ разъ обратнаго. Самые благородные люди проводятъ жизнь въ страданіяхъ, *Сократъ* сдѣлался жертвой несправедливости; зато массовые убійцы, тираны, святотатцы чувствуютъ себя превосходно. Вѣра въ боговъ этимъ вовсе не должна быть поколеблена; но такъ какъ всѣ народы чтутъ различныхъ боговъ, каждый философъ создаетъ свою систему, то мы и не можемъ прійти ни къ какому цѣльному результату.

Не смотря на эти остроумные вопросы, стоики, хотя и принужденные сдѣлать кой-какія уступки, все-таки остались при своей возвышенной точки зрѣнія. Хотя нѣсколько и комично, что они на вопросъ эпикурейцевъ соглашаются признать даже пользу названныхъ выше насѣкомыхъ, но тѣмъ не менѣе они снова выдвигаютъ ту точку зрѣнія, что несчастья

представляютъ собою, въ концѣ концовъ, лишь испытанія, ниспосылаемыя провидѣніемъ.

Стоики обладаютъ смѣлымъ убѣжденіемъ, которымъ воспользовалось и христіанство, именно, что несчастья служатъ лучшей школой для человѣка. Богъ не балуетъ добрыхъ людей, онъ заставляетъ ихъ трудиться; онъ не дѣлаетъ своихъ дѣтей изнѣженными, какъ чувствительная мать. Всѣ препятствія въ концѣ концовъ идутъ на пользу тѣмъ, на чьемъ пути они встрѣчаются, особенно же для цѣлаго. Такимъ образомъ, когда человѣкъ спрашиваетъ себя, почему при землетрясеніяхъ или при наводненіяхъ погибаетъ также такое множество добрыхъ людей, то отвѣтъ на это гласитъ, что истинныя основанія этого намъ недоступны, мы не должны даже спрашивать о нихъ. Богъ, какъ справедливый отецъ, наблюдающій за всѣмъ, знаетъ лучше насъ, близорукихъ людей, что необходимо для вселенной, и даже эти стихійныя явленія направляются имъ на пользу цѣлому. Если же злому часто все въ жизни удается, добраго же преслѣдуютъ неудачи, то скептики должны помнить, что добрые люди и Богъ родные другъ другу; злые лишь рабы его. Пусть они веселятся и легкомысленно убиваютъ время, дѣти Господни должны вести скромный и благопристойный образъ жизни. Нѣтъ несчастнѣе того человѣка, котораго никогда не постигали несчастья; судьба всегда избираетъ наиболѣе смѣлыхъ. Кормчаго можно узнать только во время бури, войну — во время битвы, добродѣтель, не встрѣчающая сопротивленія, умираетъ отъ истощенія. И если намъ приводятъ примѣръ Сократа, погибшаго вслѣдствіе несправедливости, то мы спросимъ, развѣ его участь дурна тѣмъ, что онъ принялъ цѣлебный напитокъ безсмертія. Нѣтъ, истинное несчастье — зло, а отъ него то какъ разъ и удерживаетъ Богъ добрыхъ людей. Тѣ люди, которые кажутся счастливыми, часто бываютъ жалки, они подобны выбѣленнымъ стѣнамъ. Страдающіе учатъ другихъ терпѣнію, они служатъ для нихъ примѣромъ. Богъ не можетъ наказывать только злыхъ на землѣ; вѣтеръ не можетъ быть благопріятнымъ для добраго и неблагопріятнымъ для злого, ни одинъ врачъ не откажетъ въ своемъ лѣкарствѣ дурному человѣку.

Въ этихъ положеніяхъ, на которыя, конечно, можно многое возразить, но которыя во всякомъ случаѣ дышатъ исключительной красотой и цѣльностью міровоззрѣнія и поразительной глубиной чувства, евреи и христіане нашли средство для отвѣтовъ на скептическіе вопросы своихъ языческихъ противниковъ. Я нарочно подробно остановился на всѣхъ этихъ идеяхъ, потому что почти нѣтъ фразы, которая впослѣдствіи не была бы повторена евреями или христіанами. Позднѣйшее іудейство отчасти вполнѣ эллинизируется. Еврейскій писатель, Филонъ, пишетъ морально-философскіе трактаты, которые одинаково могъ бы написать и язычникъ. По его стопамъ идутъ и христіане; они заимствуютъ изъ всѣхъ философскихъ системъ все, что имъ нужно. На языческихъ боговъ они нападаютъ съ оружіемъ эпикурейцевъ и скептиковъ, бытіе Бога и провидѣнія они выводятъ изъ состоянія міра и существъ, относительно несчастій они пользуются аргументами стоиковъ. Такимъ образомъ, борьба философскихъ дисциплинъ язычества переходитъ въ христіанство; оно почти одинаково враждебно относится ко всѣмъ философамъ, но безъ смущенія пользуется почти всѣми ихъ доводами. И въ этомъ обнаруживается огромное значеніе древней философіи для христіанства, мощное переживаніе традиціи. Но наряду съ этимъ мы познаемъ также и еще нѣчто—духовную работу древности. Проблемы, въ родѣ затронутыхъ выше античными языческими философами, всегда волновали человѣка. Нерѣдко они получали разрѣшеніе въ томъ же духѣ, и еще долгое время наше отношеніе къ нимъ мало чѣмъ будетъ отличаться отъ этого. Но тѣмъ ближе намъ эти люди, занимавшіеся

разрѣшеніемъ самыхъ мучительныхъ вопросовъ; и хотя великій скептикъ Гейне говоритъ: «И дуракъ ожидаетъ отвѣта», но мы не можемъ не относиться съ почтеніемъ и любовью къ людямъ, искавшимъ отвѣтъ на вопросы своего разума и чувства.

Какъ же, однако, отнеслась древность въ эпоху Христа, послѣ того, какъ она такъ или иначе разрѣшила вопросъ о Богѣ и о божественномъ управленіи вселенной, къ вопросу о внѣшнемъ богослуженіи? И въ этомъ отношеніи древность далеко не была такъ отстала, какъ это нерѣдко думаютъ еще нынѣ. Здѣсь необходимо отмѣтить замѣчательный параллелизмъ въ развитіи евреевъ и античныхъ языческихъ народовъ. Евреи презираютъ изображенія изъ дерева, камня или бронзы и не перестаютъ предостерегать отъ примѣра язычниковъ. У грековъ также можно замѣтить подобные взгляды. И впереди всѣхъ стоятъ здѣсь опять стоики съ ихъ чистымъ богопочитаніемъ. «Не стройте», восклицаетъ одинъ изъ нихъ, «храмовъ божеству; ибо въ храмѣ нѣтъ ни цѣны, ни святости, ничего нѣтъ такого, что было бы достойно божества». Храмомъ бога, по воззрѣнію стоиковъ, можетъ быть только сердце человѣка. Величайшая безсмыслица стоять на колѣнахъ въ храмѣ передъ мертвыми истуканами, которыхъ сдѣлали художники, не пользующіеся никакимъ уваженіемъ. Не одинъ разъ раздается предостереженіе, чтобы въ изображеніяхъ боговъ, нѣмыхъ, слѣпыхъ, безжизненныхъ предметахъ, не видѣли самихъ боговъ. И тѣмъ не менѣе, язычники не пришли къ выводу о необходимости низвергнуть изображенія, какъ это сдѣлали впослѣдствіи христіане. Язычество чрезвычайно бережно относилось ко всякаго рода преданіямъ, и однимъ изъ самыхъ тяжкихъ упрековъ, которые дѣлались впослѣдствіи христіанамъ, былъ тотъ, что они нарушили обычаи отцовъ. Язычники приводили въ свое оправданіе тотъ, не лишенный справедливости доводъ, что они, будучи далеки отъ того, чтобы видѣть въ изображеніяхъ само божество, тѣмъ не менѣе считаютъ ихъ необходимыми для постояннаго напоминанія о божествѣ.

Такъ же было и съ жертвоприношеніями. Благородные эллины уже очень рано высказали мысль, что божество не нуждается въ человѣческой службѣ. Такой взглядъ къ концу этой эпохи, въ первое столѣтіе по Р. Хр., привлекаетъ къ себѣ все больше и больше сторонниковъ. Какая польза, говорятъ они, Богу, дающему намъ все въ изобиліи и не ожидающему отъ насъ за это никакой благодарности, отъ дыма жертвенныхъ животныхъ и запаха благовонныхъ куреній? Да развѣ можно, далѣе, этими искупительными жертвами отвратить судьбу, которая насъ все равно постигнетъ? Это лишь утѣшенія больного духа. Неотвратимая судьба не измѣнится отъ того, что мы принесемъ въ жертву бѣлаго ягненка. Кромѣ того, неужели Богу могутъ быть дѣйствительно пріятны стоны умерщвляемаго для жертвы животнаго?

Выводъ изъ всего предыдущаго, конечно, ясенъ. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы эпоха, когда люди съ такими трепетными заботами относились къ спасенію собственной души, когда многія сотни людей слышали самыя серьезныя моральныя проповѣди, когда тысячи грековъ и римлянъ обращались въ іудейство, признала сама свое безсиліе только потому, что въ Римѣ неистовствовали цезари, и накипь всѣхъ народовъ осаждалась въ столицѣ имперіи и въ большихъ городахъ Средиземнаго моря. Римъ Нерона никогда не представлялъ собою всего міра, не былъ даже копіей съ него. Античный человѣкъ, особенно грекъ, смотрѣлъ на жизнь не только съ легкомысленной, пустой стороны, и если отвратительный семитъ Лукіанъ смѣется надъ тѣмъ, что странствующіе философы повсюду ведутъ другъ съ другомъ диспуты по самымъ возвышеннымъ вопросамъ, то эта насмѣшка падаетъ обратно на того, для кого ничего не было свя-

того; грекамъ же этотъ идеализмъ лишь дѣлаетъ честь. Какъ разъ потребность въ душевномъ покоѣ и совпадающее съ ней расхожденіе науки и жизни подготовили сердца для побѣды христіанства. Но глубокій расколъ начинался въ самой сущности греко-римскаго міра. Мы уже говорили о немъ: это—противорѣчіе между строгимъ, нерѣдко святымъ мышленіемъ и внѣшними дѣйствіями культа; философъ вмѣстѣ со всѣми спокойно приноситъ жертву, потому что таковъ обычай. Сюда-то и вонзилось клиномъ христіанство; для него, въ лицѣ лучшихъ его представителей, жизнь и ученіе составляли одно. Христіанство, какъ мы еще увидимъ, не пошло мирно по своему пути, оно отчасти вызвало преслѣдованія, какъ всякая религія, которой, чтобъ жить, приходится вести пропаганду. Отталкивая отъ себя всѣ секты, стремясь къ полному единству въ борьбѣ, выступило оно на врага, который, въ концѣ концовъ, такъ и остался обороняющейся стороной; но нападеніе обыкновенно свидѣтельствуетъ не только о надеждѣ на побѣду, но и о способности побѣдить.

II. Энтузіастическія теченія.

1. Апокалипсисы.

Всякая религія, заслуживающая этого названія, вызываетъ явленія энтузіазма. Правда, она сама обязана своимъ существованіемъ извѣстному энтузіазму, но между послѣднимъ и явленіями энтузіазма существуетъ глубокое различіе. Когда въ нѣдрахъ борющагося, мятущагося или терзаемаго сомнѣніями духа зарождается нѣчто новое, одушевляющее, несущее свободу и жизнь всему окружающему; или когда чистая, обращенная внутрь душа, подъ вліяніемъ молчанія пустыни, проникается возвышенными мечтами и начинаетъ чувствовать въ себѣ жизнь божества; когда человѣкомъ овладѣваетъ непреодолимое стремленіе подѣлиться съ другими добытыми неземными сокровищами,—тогда мы говоримъ объ энтузіазмѣ. Въ такой моментъ человѣкъ, какъ бы чистъ и богобоязненъ онъ ни былъ, поддается дыханію бога, которое безпредѣльно расширяетъ естественныя границы его существа, поднимаетъ его надъ самимъ собою и физическими условіями его существованія въ безконечную высь, обыкновенно недоступную его взорамъ. Нѣчто иное, чѣмъ это откровеніе божества въ отдѣльномъ человѣкѣ, въ душѣ какого-нибудь основателя религіи, представляютъ собою состоянія, которыя періодически, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ толчковъ, овладѣваютъ въ той или иной, но всегда экстатической, формѣ отдѣльными личностями или даже цѣлыми массами въ уже существующей религіозной общинѣ. Хотя въ этомъ случаѣ также говорятъ объ откровеніи, но это неправильно. Ибо божество, повидимому, лишь рѣдко нисходитъ въ сердце человѣка, часто повторяющіяся эпохи общественнаго возбужденія не заставляютъ его спускаться изъ своей выси и являться передъ человѣчествомъ. То, что пережилъ Христосъ въ пустынѣ передъ своими явленіями народу, останется навсегда тайной; едва ли оно даже доступно нашему представленію; Откровеніе же Іоанна—исторически вполнѣ объяснимое литературное произведеніе, и хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ немъ еще много загадочнаго, но это лишь благодаря тому, что у насъ пока нѣтъ достаточнаго матеріала для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ уже съ давнихъ поръ Откровеніе не является болѣе священной загадкой, доступной лишь религіозному чувству.

Крупное достоинство теологическаго изслѣдованія нашего времени заключается въ томъ, что оно начинаетъ, наконецъ, разсматривать эти

вещи въ ихъ исторической связи. Оно признаетъ теперь, что, такъ называемое, Откровеніе Іоанна не представляетъ собою произведенія, въ которомъ слѣдуетъ искать исполнившіяся или еще долженствующія исполниться пророчества, но что это—произведеніе, въ которомъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой новозавѣтной книгѣ, отразился характеръ той бурной эпохи,—произведеніе, имѣвшее множество, какъ предшественниковъ, такъ и послѣдователей. Впрочемъ, оно значительно выше и тѣхъ, и другихъ. Ибо только потрясенное до самыхъ глубинъ религіозное чувство могло создать такія представленія. какъ явленіе апокалипсическихъ всадниковъ, во всѣ религіозныя эпохи служившее объектомъ для произведеній искусства, или какъ видѣніе небеснаго Іерусалима въ блескѣ его жемчужныхъ воротъ; а такія слова, какъ дающія глубокое утѣшеніе: «будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни», или величественное: «Азъ есмь альфа и омега», или какъ дышащій глубокой вѣрой конецъ: «Ей, гряди, Господи Іисусе», — такія слова мы тщетно стали бы искать въ другихъ апокалипсисахъ. И, тѣмъ не менѣе, Откровеніе Іоанна не есть *единственный* апокалипсисъ, оно—лишь *одинъ изъ многихъ* апокалипсисовъ.

Чтобы понять самую сущность этой удивительной книги, недостаточно перенестись въ эпоху, создавшую ее и родственныя ей произведенія, мы должны бросить взглядъ на болѣе длинный періодъ развитія религіозной жизни и религіознаго творчества, мы должны вернуться къ евреямъ, въ литературѣ которыхъ коренится вся апокалиптика. Хотя Христосъ и отвергъ нравы и воззрѣнія евреевъ, тѣмъ не менѣе христіанство, особенно въ литературномъ отношеніи, долгое время не могло, да и не хотѣло оставить родную почву еврейства. Правда, мы могли бы пойти еще дальше; слѣдуя по стопамъ весьма компететныхъ изслѣдователей, мы могли бы найти источникъ апокалипсическихъ фантазій — т. е. здѣсь главнымъ образомъ явленія дракона — въ Вавилонѣ; но это уже значило бы касаться исторіи религіи, въ область которой мы здѣсь вдаваться не можемъ.

Духъ пророчества изсякъ съ теченіемъ времени въ еврейскомъ народѣ. Вмѣсто великихъ исключительныхъ личностей, какъ суррогатъ настоящаго производства, стали появляться произведенія такихъ людей, которые присвоивали себѣ имена древнихъ пророковъ или другихъ благочестивыхъ лицъ. Появляется, слѣдовательно, апокрифическая литература, которую, однако, говоря вполнѣ безпристрастно, нельзя называть фальсификаціей. Религіозная литература рѣдко заботится о собственномъ имени, для нея важно только содержаніе. Въ древности не считалось предосудительнымъ продолжать дѣло своего предшественника подъ его именемъ. Но между древними пророками и этими предсказателями будущаго, считающими себя послѣдователями первыхъ, огромная разница. Новые авторы дѣлятъ время на двѣ части: одна здѣшняя земная, несущая съ собою горе и страданія, другая — сверхъестественная, трансцендентальная, тамъ — въ царствіи будущаго. Древніе пророки возбуждали свой народъ, обѣщая ему наступленіе лучшихъ дней здѣсь на землѣ, когда народъ израильскій освободится отъ враговъ и, не раздираемый внутренними смутами, справедливо и радостно будетъ господствовать на землѣ. Постепенно эта картина будущаго измѣняется, и съ теченіемъ времени ея мѣсто занимаетъ ожиданіе будущихъ судебъ всего міра, т. е. суда, который совершится надъ людьми. И судъ этотъ будетъ совершенъ Богомъ или помазанникомъ его, Мессіей—царемъ Израиля. Будущее царство Божіе обниметъ все человѣчество, которое объединится подъ скипетромъ Израиля въ единую міровую державу. Старый міръ будетъ разрушенъ, и на развалинахъ его возстанетъ новый. Древній Богъ Израилевъ станетъ Богомъ и царемъ міра. При немъ не только избранный народъ найдетъ цѣль своего существованія, но и каждый

отдѣльный человѣкъ познаетъ и пойметъ, что Богъ заботится о немъ; каждый человѣкъ—воззрѣніе, совершенно не свойственное древней вѣрѣ—воскреснетъ и будетъ свидѣтелемъ наступленія царства блаженства. Вмѣстѣ съ добрыми воскреснутъ также и злые, чтобы изъ рукъ суда получить свой приговоръ.

Эти воззрѣнія, которыя я пока передаю лишь въ общихъ чертахъ, развивались, конечно, довольно медленно. Но *одна* эпоха, какъ это часто случается въ исторіи, внезапно, гигантскимъ толчкомъ двинула ихъ впередъ: это была эпоха царя *Антіоха Сирійскаго*. Антіохъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ грековъ, которые не восприняли эллинскихъ принциповъ религіозной терпимости. Когда онъ вздумалъ помѣшать евреямъ достигать блаженства ихъ собственнымъ способомъ, еврейскій народъ въ отчаяніи возсталъ противъ своего угнетателя, и львиная порода Маккавеевъ стала яростно наносить легкомысленному царю одну рану за другой. Отраженіемъ этой ужасной эпохи страданій, когда большой алтарь храма Господня былъ поруганъ языческими жертвоприношеніями, явилась книга *Даніила*, первый изъ апокалипсисовъ и ихъ общій прообразъ. Пророкъ изображаетъ въ ней земныя царства въ видѣ звѣрей, выходящихъ изъ волнъ морскихъ, царство же святыхъ въ образѣ человѣка, спускающагося съ облаковъ на землю. Четвертый звѣрь ужаснаго вида представляетъ собою греческое государство, т. е. господство Антіоха. Царство праведниковъ побѣждаетъ царства вражескихъ силъ, Израиль становится владыкой міра, и всѣ умершіе праведники также принимаютъ участіе въ этомъ владычествѣ.

Мы не имѣемъ возможности прослѣдить здѣсь отдѣльные моменты этихъ надеждъ на будущее; ихъ слишкомъ много, къ тому же нѣкоторые изъ нихъ противорѣчатъ другъ другу или мѣняютъ свои формы. По этому вопросу существуетъ обширная литература, устанавливающая взаимную зависимость отдѣльныхъ членовъ между собою и далеко не во всемъ еще выработавшая вполнѣ установившіеся взгляды. Въ центрѣ всѣхъ этихъ воззрѣній стоитъ древній восточный дуализмъ. Онъ противопоставляетъ царство праведниковъ, царство вѣрующаго Израиля, господству злыхъ, или находитъ свое выраженіе въ борьбѣ Бога съ его заклятымъ врагомъ, такъ назыв.; *Антихристомъ*—фигурой, которой своеобразную форму придала фантазія еврейскаго народа подъ вліяніемъ явленія сирійца Антіоха. Прослѣдимъ вкратцѣ главные моменты этой эсхатологіи. Началу спасенія должно предшествовать время особаго унынія. Предвѣстниками его будутъ угрожающія знаменія: солнце и луна затмятъ другъ друга, на небѣ будутъ появляться огненные мечи, во всей природѣ произойдетъ перемѣна, солнце будетъ свѣтить ночью, луна днемъ, засѣянныя поля будутъ казаться незасѣянными. Среди людей нарушатся всякіе узы порядка. Будетъ господствовать только грѣхъ, всѣ возстанутъ одинъ на другого, другъ на друга, сынъ на отца, дочь на мать, народы на народы. И тогда явится—это одно изъ самыхъ древнихъ пророчествъ—*Илія*, чтобы принести миръ и порядокъ и пріуготовить путь *Мессіи*. Но вотъ пріидетъ и самъ Мессія, избранникъ Божій, предназначенный Богомъ еще до сотворенія міра; онъ будетъ подобенъ человѣку, но лицо его будетъ блистать ангельской красотой. До тѣхъ поръ онъ будетъ держаться втайнѣ и явится внезапно, когда міру исполнится 6000 лѣтъ. Вражескія силы также соберутся тогда для послѣдняго боя подъ предводительствомъ демоническаго существа, Антихриста. Но страшный судъ Божій разрушитъ его владычество; Іерусалимъ будетъ возобновленъ, евреи, разсѣянные по землѣ, будутъ снова собраны, десять колѣнъ вернутся изъ изгнанія, и возникнетъ царство Божіе. Тогда наступитъ конецъ войнамъ и раздорамъ, миръ, справедли-

вость, любовь станутъ господствовать; природа обнаружитъ необычайное плодородіе; виноградныя лозы будутъ гнуться подъ тяжестью гроздей. Люди будутъ жить по 1000 лѣтъ, не старѣясь и не чувствуя усталости, женщины будутъ рожать безболѣзненно. Однако, другіе видятъ и въ этомъ состояніи еще не конецъ, но лишь переходное время, которое будетъ длиться 1000 лѣтъ,—такъ назыв., тысячелѣтнее царство; лишь по прошествіи его наступитъ всеобщее воскресеніе изъ мертвыхъ и страшный судъ, который однимъ принесетъ вѣчное блаженство, другимъ—проклятіе.

Мы довольно подробно остановились на изображеніи пришествія Мессіи, потому что христіанское воззрѣніе здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, находится подъ прямымъ вліяніемъ еврейскаго. Христіанская апокалиптика явилась продолженіемъ еврейской, древнія израильскія сочиненія находили много читателей и нерѣдко снабжались существенными дополненіями. Такимъ образомъ, и многія мѣста апоколипсиса Іоанна останутся нами совершенно неясны, если мы не дадимъ ему еврейскаго основанія.— Мысль о томъ, что Откровеніе Іоанна представляетъ собою сверхестественное видѣніе, мы должны совершенно оставить. Оно столь же мало является таковымъ, какъ и книга пророка Даніила, взоры котораго, когда онъ говоритъ о четвертомъ звѣрѣ, т. е. о царствіи Антіоха, направляются назадъ, на пережитое имъ самимъ, и затѣмъ оттуда уже пытаются заглянуть въ будущее. И это является рѣшающимъ во всей подобной литературѣ: сначала она обращается къ прошлому и затѣмъ представляетъ это уже пережитое прошлое, какъ будущее. И это отнюдь не обманъ. Въ воззрѣніи пророка, блюдущаго свою святую обязанность, не существуетъ точнаго разграниченія между настоящимъ и будущимъ, для него все — лишь будущее; если сегодня совершается то, что онъ предчувствовалъ вчера, то для него въ его божественномъ опьяненіи это сливается въ одно грядущее, провидѣнное, имъ событіе. Пророкъ, дѣлающій предсказанія потому, что онъ такъ долженъ, что онъ иначе не можетъ, — это поэтъ, а для поэта существуютъ только законы его внутренняго существа.—Наука также уже давно прекратила обращаться къ Откровенію Іоанна съ вопросомъ, какъ нужно понимать ожиданія конца міра; только нѣсколько англійскихъ и американскихъ чернокнижниковъ видятъ въ немъ цѣлый рядъ исполнившихся или еще могущихъ исполниться пророчествъ. При этомъ они поступаютъ совершенно такъ же, какъ часто поступалъ возбужденный народъ, когда онъ во времена великихъ испытаній обращался къ пророческой книгѣ. Но это толкованіе, видящее въ апокалипсисѣ предсказаніе о *концѣ* исторіи, теперь уже оставлено, его мѣсто заступило новое толкованіе, видящее въ Откровеніи Іоанна, лишь отраженіе исторіи *собственной эпохи*, т. е. перваго вѣка по Р. Хр., а къ этому толкованію присоединилось *литературно*-историческое изслѣдованіе, расчленяющее книгу по ея источникамъ, и наконецъ исторія *традиціи*, стремящаяся въ мотивахъ апокалипсиса видѣть лишь пережитокъ древнѣйшей, часто непонятной восточной миѳологіи. Насъ здѣсь это мало интересуетъ, для насъ будетъ достаточно того факта, что Откровеніе Іоанна не представляетъ собою однородной книги, что оно, хотя въ немъ и чувствуется глубокій отпечатокъ настроенія молодого христіанства, покоится также на болѣе древнемъ фундаментѣ, что оно, слѣдовательно, какъ уже сказано выше, является однимъ изъ многихъ, апокалипсисовъ—правда, наиболѣе выдающимся.

Какимъ же образомъ христіане, которые, повидимому, обыкновенно трудятся въ полной тишинѣ, которые стремятся лишь къ спокойному выполненію своего служенія Богу,—какимъ образомъ они могли пользоваться подобными книгами? Отвѣтъ на это долженъ быть различный. Съ одной стороны, въ возможности появленія апокалипсиса мы видимъ силу еврей-

ской традиціи, съ другой же стороны, христіанство, подъ вліяніемъ многихъ словъ самого Христа, само постоянно ожидало въ близкомъ будущемъ конца міра. И какъ разъ римская имперія давала, казалось, множество поводовъ для подобныхъ ожиданій. Мы выше неоднократно упоминали объ антихристѣ. Мысль о немъ, даже послѣ Антіоха, никогда не исчезала изъ воззрѣній евреевъ. Своеобразной чертой всей этой литературы является то, что, если какое-либо пророчество не исполняется вполнѣ, то это ничуть не вызываетъ сомнѣнія въ его правильности, нѣтъ—оно просто пріурочивается къ слѣдующему случаю. Вся ненависть къ Антіоху, какъ антихристу, была такимъ образомъ перенесена на другого, который, во всякомъ случаѣ, болѣе заслуживалъ этого имени, чѣмъ необузданный сирійскій царь. И этотъ другой былъ *Неронъ*. При немъ началась страшная борьба между Римомъ и іудеями—несчастье которое еврейскому апокалиптиву казалось въ прямомъ противорѣчіи съ божественнымъ промысломъ, правящимъ вселенной. Въ душѣ многострадальнаго еврейскаго народа снова встали древнія картины, и фигура жестокаго императора придавала имъ особенно ужасную пластичность. Міръ содрогнулся, когда узналъ, что пѣвецъ-императоръ и сумасшедшій художникъ-диллетантъ поднялъ руку на собственную мать. На стѣнахъ столицы появились язвительныя надписи, направленныя по адресу человѣка, уподобившагося Оресту. И когда, наконецъ, его постигла справедливая судьба, никто не хотѣлъ вѣрить въ его смерть, всѣ ожидали, что онъ снова вернется съ востока, изъ страны пароянъ. Противъ Нерона какъ-разъ и направлена 13-ая глава Откровенія Іоанна, представляющая собою отрывокъ изъ одного еврейскаго апокалипсиса, обработанный авторомъ Откровенія, которое возникло благодаря возмущенію христіанъ противъ обоготворенія императора. Такимъ образомъ, вполнѣ правильно было сказано, что Откровеніе Іоанна представляетъ собою объявленіе войны юнымъ христіанствомъ римскому государству. Христіанскому пророку Римъ представляется великимъ Вавилономъ, онъ видитъ паденіе грѣшнаго города, и въ видѣ гигантскихъ звѣрей передъ нимъ встаетъ картина имперіи, фигура антихриста. Первому звѣрю власть вручается на 42 мѣсяца, т. е. $3^1/_2$ года. Опять отраженіе прошлаго: $3^1/_2$ года продолжалось господство Антіоха въ Іудеѣ. Звѣрь побѣждаетъ святыхъ, покоряетъ всѣ страны. Смертельная рана, нанесенная ему, заживаетъ, т.-е. Неронъ возвращается, какъ это гласило и языческое народное сказаніе. Жители земли должны сдѣлать себѣ его изображеніе; кто не поклонится ему, будетъ умерщвленъ. Этимъ авторъ апокалипсиса ясно обозначилъ существо имперіи и далъ страстное выраженіе своей ненависти противъ требованій, идущихъ отъ законовъ человѣческихъ, а не отъ Бога.

Но еще болѣе, чѣмъ свѣтская власть римской имперіи, къ ногамъ которой здѣсь смѣло бросается перчатка,—предметомъ ненависти и страха для вѣрующихъ были лжеученія, сѣмя которыхъ лукавый можетъ разбросать ночью среди пшеницы господней. Какъ у Матоея (24, 11 и сл.) ожиданіе конца вселенной связано непосредственно съ появленіемъ лжепророковъ, такъ и первое посланіе Іоанна (4.3) ставитъ въ связь съ ними антихриста и говоритъ, что онъ «есть уже въ мірѣ». Въ томъ же смыслѣ высказывается и не такъ давно найденное, такъ называемое «Ученіе Апостоловъ», которое говоритъ, что послѣ лжепророковъ придетъ настоящій сынъ лжи (16): «И когда умножится неправда, тогда станутъ они ненавидѣть другъ друга и преслѣдовать и предавать, и тогда явится лжецъ міра сего, подобно Сыну Божію, и будетъ творить знаменія и чудеса, и земля предана будетъ въ его руки, и будетъ творить онъ небывалыя беззаконія. И тогда человѣкъ подвергнется огненному испытанію, и многіе впадутъ въ соблазнъ и погибнутъ. Тѣ же, кто останется твердъ въ вѣрѣ, спасутся отъ этого порож-

денія проклятія. И тогда явятся знаменія истины. Сначала изображеніе руки на небесахъ, затѣмъ гласъ трубный и, наконецъ, третье знаменіе — воскресеніе изъ мертвыхъ». И такой лжеучитель дѣйствительно появился. Еще въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ мы находимъ разсказъ о самарійскомъ волшебникѣ *Симонѣ*. Возбужденное настроеніе быстро превратило его и его лжеученія въ настоящаго демона [1]). Говорили, что онъ появился въ Римѣ при Неронѣ и разоблаченъ былъ впервые Петромъ. Другое «пророчество» гласило, что изъ Самаріи придетъ *Веліаръ* (древнее имя антихриста): «онъ приведетъ въ движеніе горы, остановитъ бѣгъ моря, преградитъ путь пылающему великому солнцу и блестящей лунѣ, воскреситъ мертвыхъ и будетъ творить много чудесныхъ знаменій среди людей. Но до истиннаго конца онъ не доведетъ, все это будетъ лишь ослѣпленіе, онъ ослѣпитъ многихъ людей, вѣрующихъ и избранныхъ, и злыхъ евреевъ, и другихъ людей, которые еще не слышали слова Божія. Но когда исполнятся угрозы великаго Бога, и могучее пламя, шипя, сойдетъ на землю, тогда оно сожжетъ Веліара и всѣхъ увѣровавшихъ въ него». Имѣя, такимъ образомъ, двѣ внушавшія ужасъ фигуры, Симона-Волхва, или скорѣе снабженнаго его чертами антихриста, и возращающагося Нерона, христіанская фантазія создала взаимныя отношенія между обоими, сдѣлавъ Нерона предшественникомъ антихриста, за которымъ истинный сынъ лжи послѣдуетъ лишь при концѣ міра. Эти отношенія отражаются также въ Откровеніи Іоанна. Звѣрь изъ моря, смертельная рана, которая заживаетъ, какъ сказано, изображаетъ имперію и Нерона,—знаменія и чудеса звѣря съ суши, о которомъ говоритъ Откровеніе, напоминаютъ волшебника Симона изъ Самаріи.

Апокалипсисъ Іоанна написанъ, вѣроятно, въ царствованіе Домиціана, т. е. тогда, когда христіанамъ впервые пришлось испытывать тяжелое давленіе имперіи. Въ болѣе спокойныя времена изображеніе конца вселенной снова отступаетъ затѣмъ на задній планъ. Но всѣ его черты моментально принимаютъ самую яркую окраску, когда начинаются преслѣдованія. Ибо древнее христіанство все еще не перестаетъ видѣть во всякой бѣдѣ приближающійся конецъ. Фугура Нерона становится при этомъ все болѣе и болѣе блѣдной, но нѣкоторыя характерныя черты все-таки еще сохраняются. Такъ другія сочиненія этого рода изъ эпохи гоненій говорятъ, что изъ-за предѣловъ міра приближается огненный драконъ матереубійца; демонъ опустошаетъ весь міръ, безчисленные народы, евреи среди нихъ, становятся его жертвой, древній Римъ разрушенъ. Но Илія является, пророчествуя и творя чудеса: тогда Неронъ созываетъ сенатъ и приказываетъ убить пророка. По прошествіи трехъ дней Богъ, однако, снова пробуждаетъ его къ жизни. Тѣмъ не менѣе, христіане изгоняются изъ Рима, терроръ продолжается $3^1/_2$ года, затѣмъ наступаетъ конецъ; ибо приходитъ настоящій антихристъ, который кладетъ конецъ римскому государству, истощившему всѣхъ людей своими тяжелыми податями. Побѣдитель появляется также и въ Іудеѣ, онъ творитъ знаменія для того, чтобы совратить людей, но послѣдніе, въ концѣ концовъ, открываютъ его тайные замыслы. Они взываютъ къ Богу, и Господь, наконецъ, вмѣшивается. Онъ выпускаетъ изъ плѣна десять колѣнъ, которыя вели тамъ жизнь, согласно закону, все преклоняется передъ ними, такъ какъ съ ними Богъ, антихристъ уничтоженъ, начинается судъ. Солнце перестаетъ свѣтить, несется огненный потокъ, звѣзды падаютъ съ неба, все сгораетъ, стѣны городовъ разсыпаются въ прахъ; наконецъ, Господь является въ славѣ своей, и земля опять обновляется. Такимъ образомъ, здѣсь передъ нами снова обнаруживается

---

[1]) Ср. ниже послѣднюю главу о Востокѣ и Западѣ въ древнемъ христіанствѣ.

великая сила традиціи, которая соединяетъ древнѣйшіе мотивы съ новыми представленіями.

Римское правительство съ большой тревогой смотрѣло на этотъ возбужденный и возбуждающій оккультизмъ. Не только твердая вѣра мучениковъ, безтрепетно выступавшихъ въ цирхахъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, была опасна для него, въ гораздо большей степени оно боялось этой мечты, этой переходившей изъ устъ въ уста, со страхомъ и трепетомъ, въ видѣ тайнаго ученія распространявшейся вѣры въ скорый конецъ всѣхъ вещей, а слѣдовательно. и конецъ римскаго государства, апокалиптическаго Вавилона. Во II вѣкѣ по Р. Хр., какъ намъ извѣстно, чтеніе подобныхъ сочиненій было запрещено подъ страхомъ смертной казни. Каковы были послѣдствія этого для христіанъ, мы узнаемъ подробнѣе при изложеніи исторіи гоненій.

Однако, гоненія эти съ теченіемъ времени прекратились. Но разъ возникшія въ народномъ сознаніи картины сохранились почти въ полной силѣ. Хотя уже и перестали ожидать каждое мгновеніе наступленія конца вселенной, но тѣмъ не менѣе сохранилось представленіе о томъ, что этотъ конецъ долженъ когда-нибудь наступить, что послѣдняя борьба еще необходима. Творческая фантазія съ какимъ то мрачнымъ стараніемъ не переставала прибавлять одну черту за другой къ изображенію антихриста. Онъ молодъ, тонконогъ, на головѣ его спереди имѣется клокъ сѣдыхъ волосъ, брови его доходятъ до ушей, а ладони покрыты струпьями проказы. Если пристально смотрѣть на него, то онъ будетъ мѣнять свой видъ; онъ является то ребенкомъ, то старикомъ, всѣ черты его мѣняются, только примѣты головы остаются безъ измѣненія.

Всѣ эти чудесныя исторіи изъ древности переходятъ въ средніе вѣка и отчасти отражаются также на нѣмецкой императорской легендѣ—въ сказаніи о Киффгейзерѣ. Міръ все снова и снова содрогается передъ антихристомъ, который принимаетъ то ту, то другую форму. Вѣдь многіе вѣрующіе люди еще въ Наполеонѣ I хотѣли видѣть воплощеніе антихриста. Это же въ полной мѣрѣ относится и къ другимъ частямъ древней вѣры. Удивительно яркое представленіе о мощныхъ звукахъ ангельскихъ трубъ, о tuba mirum spargens sonum, о томъ времени, «когда раздастся послѣдній гласъ трубный, который будетъ услышанъ во всѣхъ могилахъ», до сихъ поръ еще не вполнѣ исчезнувшее ожиданіе будущаго тысячелѣтняго царства всеобщаго міра передъ наступленіемъ страшнаго суда,—все это коренится въ страшно возбужденной фантазіи послѣднихъ вѣковъ еврейской и первыхъ вѣковъ христіанской эры. Къ апокалиптическимъ представленіямъ относятся наконецъ, также изображенія «того свѣта»—ада и рая. Вполнѣ естественно, что человѣческая фантазія гораздо болѣе яркими красками рисуетъ состояніе ада. чѣмъ небесное блаженство. На землѣ достаточно часто господствовали адскія условія, на небесное же блаженство мы, жалкіе смертные, можемъ лишь надѣяться, но никогда не въ состояніи представить себѣ его вполнѣ пластически. такъ какъ для этого здѣсь на землѣ нѣтъ основныхъ условій. Христіанскія представленія объ адѣ, о томъ мѣстѣ, «гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовный», коренятся въ существѣ еврейства и не имѣютъ ничего общаго съ античными языческими воззрѣніями. Въ одномъ еврейскомъ апокалипсисѣ «является ровъ мукъ, а напротивъ него мѣсто прохлады; видна геенна огненная, а напротивъ нея рай блаженства». Тогда говоритъ Богъ «народамъ, которые пробудились»: «Взгляните теперь и узнайте того, кого вы отрицали, кому вы не служили, чьихъ заповѣдей вы не исполняли! Взгляните туда и сюда: здѣсь блаженство и прохлада, тамъ огонь и муки». Но христіане, повидимому, дали особенно яркую окраску этимъ представленіямъ. Около

11 лѣтъ тому назадъ въ одной египетской гробницѣ была открыта рукопись, содержащая такъ назывемый апокалипсисъ Петра. Этотъ апокалипсисъ даетъ намъ гораздо болѣе полную картину представленій древнихъ христіанъ объ адѣ, чѣмъ всѣ описанія, уже имѣвшіяся ранѣе. Мы приведемъ изъ него нѣкоторыя выдержки. «И я предсталъ передъ Господомъ и сказалъ: Кто эти? Онъ отвѣтилъ мнѣ: Это наши праведные братья, которыхъ вы хотѣли видѣть. И я сказалъ ему: А гдѣ же находятся всѣ праведники, или каково то небо, которое служитъ жилищемъ для тѣхъ, которые несутъ на себѣ такой блескъ? И Господь показалъ мнѣ обширное пространство этого міра, которое отъ края до края блистало свѣтомъ, и воздухъ тамъ былъ пронизанъ солнечными лучами, и страна цвѣла неувядаемыми цвѣтами и была наполнена благоуханіями и растеніями, которыя великолѣпно цвѣтутъ и не блекнутъ и приносятъ благословенные плоды. Цвѣтовъ было такъ много, что запахъ отъ нихъ даже доносился оттуда къ намъ.

«Жители того мѣста были одѣты въ одежды лучезарныхъ ангеловъ, и одежда ихъ имѣла такой же видъ, какъ и ихъ страна, и ангелы были тамъ, среди нихъ. И равно было величіе тѣхъ, кто тамъ жилъ, и въ одинъ голосъ славили они Господа Бога, ликуя въ томъ мѣстѣ. И говоритъ Господь намъ: Это мѣсто вашихъ первосвященниковъ, людей, ведшихъ праведную жизнь.

«Но я увидѣлъ также и другое мѣсто, какъ разъ напротивъ перваго, оно было совершенно темно. И это было мѣсто наказанія. И тѣ, которые подвергались наказанію, и ангелы, которые наказывали, были одѣты въ темныя одежды соотвѣтственно назначенію того мѣста.

«И нѣкоторые тамъ были повѣшены за языки. Это были тѣ, которые опорочили путь праведный, и огонь горѣлъ подъ ними и причинялъ имъ страданія. И было тамъ большое озеро, наполненное горячимъ иломъ, въ которомъ находились люди, извратившіе правду, и ангелы истязали ихъ. Но кромѣ того, тамъ были еще женщины, которыя были повѣшены за волосы, вверху надъ тѣмъ клокочущимъ иломъ. Это были тѣ, которыя нарушили бракъ, тѣ же, которые совершили съ ними это постыдное любодѣяніе, были повѣшены за ноги и опущены головою въ тотъ илъ, и они говорили: Мы не вѣрили, что попадемъ въ это мѣсто. — И увидѣлъ я убійцъ и ихъ соучастниковъ, брошенныхъ въ узкое мѣсто, кишѣвшее ядовитыми червями, которые кусали ихъ; и они извивались въ страшныхъ мученіяхъ. Черви же надвигались точно темныя тучи. И души убитыхъ стояли тамъ и смотрѣли на мученія тѣхъ убійцъ и говорили: О Боже, праведенъ судъ твой.

«Близъ того мѣста увидѣлъ я другое узкое мѣсто, въ которое стекали кровь и отбросы подвергавшихся наказанію и образовали тамъ озеро. И тамъ сидѣли женщины, погруженныя въ кровь по горло, а противъ нихъ сидѣло множество дѣтей, рожденныхъ преждевременно, которыя плакали. И отъ нихъ исходили огненные лучи, ударявшіе въ лицо женщинамъ. Это были тѣ, которыя зачали внѣ брака и изгнали плодъ. И другіе мужчины и женщины, охваченные по поясъ пламенемъ, были брошены въ темное мѣсто, и злые духи стегали ихъ, и внутренности ихъ пожирали черви, которые не успокаивались ни на мгновеніе. Это были тѣ, которые преслѣдовали праведниковъ и предавали ихъ. И невдалекѣ отъ тѣхъ снова были женщины и мужчины, которые кусали себѣ губы и подвергались истязаніямъ, и раскаленное желѣзо прикладывалось къ ихъ лицу. Это были тѣ, которые порочили и хулили путь правды.

«И какъ разъ напротивъ этихъ были еще другіе мужчины и женщины, которые кусали себѣ языки, и жгучій огонь наполнялъ ихъ рты.

Это были лжесвидѣтели. И въ другомъ мѣстѣ были кремни, острѣе мечей и копій, они были раскалены, и женщины и мужчины въ видѣ грязныхъ комьевъ извивались на нихъ, испытывая страшныя муки. Это были богачи и пользовавшіеся ихъ богатствомъ, которые не сжалились надъ сиротами и вдовами, а пренебрегли заповѣдью Божіей. И въ другомъ большомъ озерѣ, наполненномъ гноемъ и кровью и клокочущимъ иломъ, стояли по колѣна мужчины и женщины. Это были ростовщики и взимавшіе лихвенные проценты. Другіе мужчины и женщины низвергались съ страшной крутизны, и погонщики снова заставляли ихъ взбираться наверхъ и вновь низвергали ихъ оттуда, и такъ они не имѣли покоя отъ своихъ мукъ... И у этой крутизны было мѣсто, объятое жгучимъ пламенемъ, и тамъ стояли мужчины, собственноручно дѣлавшіе идоловъ вмѣсто Бога. И около тѣхъ были другіе мужчины и женщины, которые держали въ рукахъ огненные прутья и били ими себя, не переставая... И еще невдалекѣ отъ тѣхъ были другіе женщины и мужчины, которые горѣли на медленномъ огнѣ и подвергались истязаніямъ и жарились. Это были тѣ, которые оставили пути Господни».

Я прошу извиненія за эту длинную цитату, полную такой жестокой фантазіи. Но въ ней, однако, очень много поучительнаго. Что небу удѣляется слишкомъ мало вниманія, и вся сила воображенія направляется на адъ, объ этомъ мы уже говорили ранѣе; гораздо важнѣе то, что такіе и подобные имъ отрывки существенно расширяютъ наши взгляды на описанія этого рода. Передъ нами невольно встаютъ картины Дантова «Ада», со всѣми его степенями грѣховъ и различными наказаніями, невольно вспоминаются средневѣковыя изображенія мукъ грѣшниковъ въ аду.

Такимъ образомъ, отъ первыхъ вѣковъ христіанства до этихъ позднѣйшихъ произведеній тянется *одна* непрерывная традиція. Читая эти грубо-чувственныя представленія о мукахъ отверженныхъ и безцвѣтныя описанія райскаго блаженства, мы еще разъ убѣждаемся, насколько выше всего этого апокалипсисъ Іоанна. Въ немъ, несмотря на близкія отношенія къ современной ему и болѣе древней литературѣ, т. е. вопреки всей книжной мудрости, безконечно больше силы и свѣжести, чѣмъ въ параллельныхъ ему явленіяхъ. Онъ не копается въ тонкостяхъ различныхъ вопросовъ, какъ это дѣлаетъ современная ему еврейская апокалиптика, онъ не изощряется въ рафинированномъ изображеніи адскихъ мукъ: онъ смѣло бросаетъ вызовъ владычеству Рима, онъ клеймитъ великій Вавилонъ именемъ великой блудницы. Полный могучей фантазіи, онъ въ то же время проникнутъ чувствомъ истины христіанства и какой-то восторженной надеждой на близкій конецъ міра. Недаромъ — хотя и послѣ жестокой борьбы — Откровеніе было причислено къ канону христіанскихъ книгъ; наше изображеніе юнаго христіанства было бы отнюдь неполно, если бы мы не упомянули о немъ, этомъ лучшемъ типѣ всѣхъ вообще апокалипсисовъ. Христіанство, какъ мы уже замѣчали неоднократно, вовсе не шло по своему пути страданій, терпѣливо вынося нападенія и дикія преслѣдованія со стороны враговъ; если бы это было такъ, то оно осталось бы простой сектой, какъ многія другія. Нѣтъ, оно также бросало вызовы, или, вѣрнѣе, даже первое бросало вызовы и нападало. И въ этой борьбѣ слово принадлежало не только призваннымъ, литературнымъ представителямъ, какими были апологеты, но прежде всего энтузіазму только что разсмотрѣнныхъ нами произведеній фантазіи. Тамъ, гдѣ уступалъ разумъ, гдѣ недоставало человѣческой силы, тамъ заклинались силы неба, безпощадные обитатели адскихъ ущелій; мы не ошибемся, если назовемъ все это дышащее мрачной суровостью направленіе періодомъ «бури и натиска» христіанства.

2. Сивиллы.

Въ нашу эпоху развитія желѣзныхъ дорогъ и другихъ средствъ сообщенія ничего уже не значитъ побывать въ Италіи. «Чудеса Рима» для многихъ перестали быть чудесами. Наша жизнь, стремясь болѣе въ ширину, чѣмъ погружаясь въ глубину, старается возможно скорѣе овладѣть всѣми наиболѣе необходимыми знаніями; нерѣдко, поэтому, можно встрѣтить человѣка, который въ общихъ чертахъ сумѣетъ вамъ разсказать о сокровищахъ искусства какого-нибудь города, но чтобъ разсказчикъ питалъ при этомъ индивидуальную, личную привязанность къ отдѣльнымъ явленіямъ,—это случается только съ очень немногими, и какъ въ нашей суетливой культурной жизни нерѣдко для слова не находится подходящаго образа, такъ здѣсь для образа не находится соотвѣтствующаго слова. Конечно, многіе, бывавшіе въ Сикстинской капеллѣ, съ изумленіемъ разсматривали исполинскія фигуры работы Микель Анджело, которыя невольно привлекаютъ къ себѣ взоры посѣтителя и какъ бы заключаютъ его въ свои объятія. Каждый всматривался въ знакомыя изображенія пророковъ, Іереміи, погруженнаго въ глубокую задумчивость, Іезекіиля, держащаго полуразвернутый свитокъ, Іоила, Захаріи, читающаго или перелистывающаго книгу, пишущаго Даніила, Іоны, осѣняемаго тыквенной вѣтвью. Но что это за странныя женщины, сидящія вмѣстѣ съ пророками, кто такія эти *«сивиллы»*, дельфійская, персидская, эритрейская, кумейская и ливійская? Намъ говорятъ, что это святыя, или по крайней мѣрѣ такія женщины, которыхъ въ католическихъ странахъ окружаютъ извѣстнымъ ореоломъ святости, пророчицы языческой эпохи. Богъ, по древне-христіанскому воззрѣнію, вложилъ въ нихъ даръ провидѣнія своего плана спасенія рода человѣческаго. Съ какимъ бы сомнѣніемъ мы ни отнеслись къ этимъ мистическимъ существамъ, всетаки въ нашей душѣ останется извѣстный слѣдъ, и многіе, глядя на эти изображенія, навѣрное спрашивали себя, но что же, въ сущности, означаютъ эти сивиллы, почему легенда о нихъ заставила Микель Анджело создать такія замѣчательныя произведенія. Съ этимъ вопросомъ мы вступаемъ въ обширную, почти необозримую область; передъ нами встаетъ новая величественная традиція. Многимъ, конечно, приходилось уже мелькомъ кое что слышать объ этомъ, еще въ школѣ мы читали о сивиллиныхъ книгахъ древняго Рима, многимъ извѣстенъ мрачный стихъ Томмазо ди Челано: Dies irae, dies illa Solvet saeclum in favilla Teste David cum Sibylla (Страшный день суда, міръ распадается въ прахъ: такъ говорятъ Давидъ и Сивилла). Но какая тутъ связь, это для многихъ темно. Попробуемъ же снять покровъ съ этой тайны, не грубой рукой обличителя, а бережно изслѣдуя, стремясь познать правду о томъ, что въ теченіе тысячелѣтій двигало человѣкомъ въ его вѣрованіяхъ, надеждахъ, а также и въ его опасеніяхъ.

Въ настоящее время въ христіанствѣ неоднократно разыскиваютъ и находятъ воззрѣнія и внѣшнія формы греко-римскаго культа. Многое еще спорно, многое, повидимому, уже твердо установлено, но въ одномъ, по крайней мѣрѣ, сейчасъ никто не сомнѣвается, это въ томъ, что еврейско-христіанская поэзія такъ называемыхъ сивиллъ представляетъ прямое продолженіе греческой религіозной поэзіи. Только неосвѣдомленный человѣкъ можетъ говорить теперь о веселыхъ олимпійцахъ древнихъ грековъ, ни одинъ исторически мыслящій человѣкъ не встанетъ уже на ту точку зрѣнія, которую проводилъ Шиллеръ въ своихъ «Богахъ Греціи». Мы знаемъ, что боги Гомера не были богами древней Греціи, что эллины, «предоставленные самимъ себѣ и мрачному предчувствію», также создали таинственные страш-

ные образы, что и имъ чудились привидѣнія, которыя витали близъ могилъ и мѣстъ казней. Трижды святъ дельфійскій камень, вокругъ котораго только раціонализмъ прошлыхъ, пережитыхъ временъ создалъ іезуитскую коллегію хитрыхъ жрецовъ, изрекавшихъ здѣсь загадочные фразы. Здѣсь, въ Дельфахъ, отвѣчаютъ на вопросы всего міра, здѣсь центръ религіозной жизни всей Эллады. Но, хотя мы здѣсь также слышали пророчества, тѣмъ не менѣе духа пророчества,—въ томъ простомъ смыслѣ, какъ *мы* это привыкли понимать, а не въ томъ въ какомъ слово это нынче употребляютъ нѣкоторые филологи,—въ Дельфахъ, да и вообще въ Греціи создано не было. Ибо пророкъ не дожидается, пока его спросятъ; во всякое время, наперекоръ окружающему его міру, изрекаетъ онъ свои пророчества, полный той божественной силы, которая безсознательно для него самого, творитъ и дѣйствуетъ въ немъ. Онъ не задумывается надъ тѣмъ, нравятся его пророчества или нѣтъ. Истинный духъ пророчества перешелъ въ греческій міръ изъ Азіи, изъ этой древней родины всѣхъ религій, повидимому, въ ту эпоху, когда азіатская культура перебросила свои волны въ Элладу. Еще въ VIII в. до Р. Хр. женщины, названныя не греческимъ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще не объясненнымъ никакой греческой этимологіей) именемъ *сивиллъ*, предсказываютъ въ экстазѣ, тономъ проповѣди наступленіе въ будущемъ тяжелыхъ временъ и говорятъ о таинственныхъ, страшныхъ предзнаменованіяхъ. Первая сивилла имѣла свое мѣстопребываніе на іонической почвѣ, въ *Эритреѣ*. Тамъ не такъ давно былъ найденъ ея гротъ съ эпиграммой, къ которой мы еще вернемся, такъ какъ она относится къ болѣе позднему времени. Отъ собственно античной поэзіи сивиллъ до насъ дошли, кромѣ этой эпиграммы, лишь небольшіе отрывки; но, и они, наряду съ указаніями нѣкоторыхъ писателей и въ связи съ позднѣйшей еврейской и христіанской поэзіей этого рода позволяютъ составить о ней вполнѣ точное представленіе.

Мы уже ранѣе пытались, насколько это вообще возможно, дать приблизительную картину процесса возникновенія пророчества въ душѣ прорицателя. То же самое мы должны сказать и о существѣ боговдохновенныхъ сивиллъ. Сивилла также переноситъ въ своихъ пѣсняхъ прошедшія, часто ею самою пережитыя событія въ будущее, она также знаетъ, что все, что она предсказываетъ,—бѣдствія народовъ, войны, повальныя болѣзни, неурожаи, что все это когда-нибудь совершится. Она прекрасно сознаетъ, что здѣсь на землѣ и особенно въ ея собственномъ отечествѣ, на родинѣ философіи, въ Іоніи, ей не вѣрятъ. Всѣ свои предсказанія до самаго поздняго времени она заканчиваетъ одними и тѣми же словами: вы всѣ считаете меня сумасшедшей, но всѣ мои слова когда-нибудь оправдаются.

Правда, нельзя ставить сивиллъ въ одинъ рядъ съ величественными образами израильскихъ пророковъ. Сивилла не есть конкретная личность. Первая пророчица смѣняется другими, которыя выступаютъ передъ толпой съ новыми изреченіями. Такъ возникаетъ одна пѣсня за другой;—тамъ, гдѣ останавливается одна пророчица, подхватываетъ другая, и такъ какъ каждая изъ нихъ чувствуетъ себя лишь слугой одной великой пророческой идеи и постоянно продолжаетъ лишь дѣло первой, то, наконецъ, въ теченіе вѣковъ образуется преданіе о древней предсказательницѣ, которой съ самаго начала было извѣстно то, что впослѣдствіи дѣйствительно свершилось. Такимъ образомъ и древнее сказаніе о паденіи Иліона не могло не быть приведено въ эту же связь, и въ концѣ концовъ сивилла, преисполненная пророческой гордости, въ сознаніи своего священнаго призванія, объявила, что ея изреченія гораздо старше пѣсенъ Гомера. До насъ дошли стихи, въ которыхъ она утверждаетъ, что «хіосскій поддѣлыватель» обокралъ ее;

но все-таки, и она согласна сохранить за нимъ славу недурного писателя.

Такимъ образомъ, сивилла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ апокалипсисы. У нея также одинъ слой ложится на другой; наряду съ древними предсказаніями стоятъ новѣйшія изреченія. Судьба обѣихъ отраслей литературы также одинакова. Всѣ предсказанія, не осуществившіяся до сихъ поръ, съ неслыханнымъ терпѣніемъ переносятся вѣрующей толпой на будущія времена и получаютъ иное толкованіе.

Сивилла вела широкую пропаганду. Въ упомянутой выше эритрейской эпиграммѣ она такъ выражается по этому поводу: «я прошла по всей землѣ». При этомъ она вступила въ конфликтъ съ дельфійскимъ оракуломъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ она сама и разсказываетъ, что когда въ Дельфахъ она гнѣвно пѣла своему брату Аполлону, этотъ завистливый богъ пустилъ въ нее свою смертоносную стрѣлу. Это означаетъ борьбу между двумя духовными силами. Объ этомъ же повѣствуетъ другой, болѣе красивый миѳъ. Сивилла по праву пользовалась славой Кассандры, этой предсказательницы несчастій, постоянно подвергавшейся жестокимъ насмѣшкамъ. Впервые Кассандра появляется въ этой неблагодарной роли у Эсхила; она отвергла любовь Аполлона, послѣдній наложилъ на нее проклятіе, благодаря которому ни одно ея предсказаніе не находило вѣры у людей. Конфликтъ, слѣдовательно, произошелъ и здѣсь; Кассандра—это сивилла, грозныя предсказанія которой наталкиваются на полное недовѣріе. Еще древность чувствовала связь между обоими этими образами.

Дѣйствительно, сивилла—это предсказательница несчастій. Дошедшіе до насъ немногочисленные отрывки этой поэзіи и особенно сохранившіяся іудейско-христіанскія книги, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь позже, постоянно говорятъ о грозныхъ и чудесныхъ знаменіяхъ, войнахъ, разрушеніяхъ городовъ, голодѣ, землетрясеніяхъ, солнечныхъ затменіяхъ, наводненіяхъ и т. д. Но можно умилостивить разгнѣванное божество. Благочестивыя жертвы и празднества могутъ предотвратить надвигающуюся грозу; поэтому-то въ оффиціально столь вѣрующемъ Римѣ во всякое время прибѣгаютъ къ сивиллинымъ книгамъ. Къ сивиллѣ, такимъ образомъ, не только направляются вопросы отдѣльныхъ личностей; нѣтъ, она сама обращается къ массамъ, предрекая судьбы народовъ, ибо она сама дитя народа. Ея стихи грубы, въ нихъ такъ мало художественной обработки, что въ древности образованные люди, которые не могли понять, какъ можно сочинять такіе плохіе стихи, удивлялись этому и придумывали для этого самыя разнообразныя объясненія. Плохимъ стихамъ соотвѣтствуетъ стилистическое несовершенство. Мысли развиты слабо, и такимъ образомъ, вѣроятно, не безъ намѣренія, рѣчь становится темной и запутанной. Когда мрачный эфесскій философъ Гераклитъ «Темный» отчеканивалъ свои рѣзкія, полныя презрѣнія мысли, онъ указалъ между прочимъ на сивиллу, которая говоритъ «яростными устами, безъ улыбки, безъ прикрасъ, безъ подмазыванія, побуждаемая богомъ».

Яростными устами! Если она сама лишь въ своихъ позднѣйшихъ стихахъ, имѣющихъ вполнѣ опредѣленный стиль, все снова и снова проситъ бога, хотя бы о временномъ отдыхѣ, если она, будучи лишь услужливымъ орудіемъ божества, сама не подозрѣваетъ, что говоритъ, то эта мысль, хотя она уже и превратилась здѣсь въ пустую традицію, является первоначальной предпосылкой поэзіи сивиллы. Платонъ также выражается, что сивилла говоритъ, сама не зная что. Такимъ образомъ, какъ въ глазахъ массъ, такъ и въ глазахъ отдѣльныхъ мыслителей она, является какъ бы боговдохновенной. Насмѣшка Аристофана, который потѣшается надъ фантастическими изреченіями сивиллы, этого не опровергаетъ; ибо надъ чѣмъ

не смѣялась комедія! Въ сознаніи массъ сивилла остается прорицательницей мрачныхъ, чреватыхъ грозными событіями истинъ до самаго поздняго средневѣковья.

Такъ совершаетъ сивилла свои странствованія по землѣ и привлекаетъ къ себѣ одну мѣстность за другой. Она перенеслась и черезъ Адріатическое море, въ окрестности огнедышащей горы въ Кампаніи, до города Кумъ. Здѣсь она основала свое второе знаменитое мѣстопребываніе. Когда говорятъ о сивиллахъ, то подразумѣваютъ при этомъ, главнымъ образомъ, эритрейскую, кумейскую, а позже, въ средніе вѣка — тибуртинскую. Здѣсь въ Кумахъ, на вулканической обильной пещерами почвѣ Кампаніи, сивилла имѣла свой гротъ. Одинъ неизвѣстный христіанскій писатель говоритъ, что въ IV столѣтіи по Р. Хр. ему удалось видѣть это жилище сивиллы; оно представляло собою, по его словамъ, высѣченную въ скалѣ базилику съ бассейномъ, служившимъ сивиллѣ для купанья. Послѣ купанья она отправлялась внутрь грота и съ возвышеннаго мѣста возвѣщала свои предсказанія. Послѣднія въ этой мѣстности ей легко было дѣлать. Ей достаточно было продолжать свои старыя пророчества о землетрясеніяхъ и изверженіяхъ, чтобъ найти кругомъ полную вѣру. О ней скоро сложилась легенда, что она поселилась въ Кумахъ еще въ сѣдой древности; ей было уже 700 лѣтъ, когда она водила Энея въ адъ. И еще ей суждено прожить 600 лѣтъ; такъ, въ концѣ концовъ, она превращается лишь въ голосъ, исходящій изъ пещеры.

По образцу кумейскихъ изреченій въ Римѣ стали дѣлать свои. Нужда научала не только молиться, но и подделывать. Въ пылу борьбы съ Ганнибаломъ, при всякой неудачѣ обращались къ священнымъ, таинственнымъ изреченіямъ пророчицы, а если они говорили слишкомъ мало, недостаточно ясно, то ихъ заставляли говорить больше, яснѣе. И эти поступки вѣрующихъ не вызывали особеннаго гнѣва сивиллы; она требовала только для отвращенія бѣды жертвъ и процессій, а такъ какъ римляне, увѣренные въ божественной помощи, также и сами помогали себѣ, то успѣхъ и авторитетъ изреченій постоянно возрасталъ.

Между тѣмъ какъ сивилла такимъ образомъ на чужбинѣ пріобрѣтала все большее и большее значеніе, на своей родинѣ она постепенно пережила свои пророчества. Съ вѣками въ Элладѣ прошло священное опьяненіе, а накоплявшіяся одно за другимъ изреченія образовали, въ концѣ концовъ, цѣлую литературу. Въ ученой Греціи, конечно, не было недостатка въ знатокахъ этой литературы. Послѣднимъ многія изреченія оракула казались «ненастоящими». Въ противовѣсъ этому предсказанія стали сочиняться въ видѣ акростиховъ. Литературный интересъ вытѣснилъ, такимъ образомъ, послѣдній остатокъ естественности изъ этихъ стиховъ. Появились цѣлые трактаты объ отдѣльныхъ сивиллахъ, дѣлались попытки писать въ ихъ духѣ. Это направленіе заразило также въ концѣ концовъ и самихъ сивиллъ. Когда вавилонскій жрецъ Ваала, Берозъ, написалъ свою исторію Вавилона, въ которой онъ говоритъ о потопѣ, о спасеніи семьи въ ковчегѣ и т. д., тогда одна изъ сивиллъ, назвавшая себя вавилонской или дочерью Бероза, дала поэтическую обработку этого сюжета, при чемъ, конечно, опять изобразила все, какъ еще долженствующее совершиться событіе.

Этимъ былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ впередъ. Въ одно и то же время Ветхій Завѣтъ былъ переведенъ на греческій языкъ, и евреи ознакомились съ вавилонской сивиллой. Какова же была ихъ радость, когда они узнали, что сивилла на греческомъ языкѣ говоритъ о Божіемъ гнѣвѣ, о спасеніи праведниковъ, о сооруженіи башни. Они тотчасъ же принялись за обработку книгъ, и потребовались лишь небольшія поправки, чтобы заставить сивиллу говорить уже не по Берозу, а согласно библіи. Такимъ

образомъ создалась еврейская поэзія сивиллъ. Какъ уже сказано выше, отъ произведеній языческихъ сивиллъ до насъ дошли лишь небольшіе отрывки; еврейскихъ и христіанскихъ стихотвореній этого рода сохранилось напротивъ, очень много. Нельзя сказать, чтобъ эта литература могла доставить художественное наслажденіе, но тѣмъ не менѣе интересъ она представляетъ большой. Правда, внѣшняя поэтическая и стилистическая, форма этихъ пѣсенъ никуда не годится и съ теченіемъ времени становится замѣтно хуже, но зато внутреннее настроеніе, которое мы въ нихъ находимъ, представляетъ для насъ извѣстную цѣнность. Цѣлью этихъ стиховъ является укрѣпить вѣрующихъ въ ихъ вѣрѣ и показать язычникамъ, какія силы таились въ іудействѣ. Люди съ изумленіемъ читали, что Богъ возвѣщалъ о своихъ грядущихъ дѣлахъ черезъ язычницу, и это чудесное возвѣщеніе побуждало ихъ къ подражанію. И вотъ обратились также къ древней эритрейской сивиллѣ, слили ее воедино съ вавилонской и въ получившуюся такимъ образомъ новую книгу внесли еще больше пророчествъ. Теперь сивилла предсказывала и владычество Соломона, говорила и о Моисеѣ, о будущемъ возникновеніи Ассиріи:

Но когда же народъ, потомокъ двѣнадцати братьевъ,
Бросивъ страну фараоновъ, искать пойдетъ землю иную,
Днемъ указывать путь ему будетъ облако въ небѣ,
Ночью же огненный столпъ освѣщать ему будетъ дорогу.
Въ день тотъ дастъ имъ вождемъ Моисея, великаго мужа,
Найденъ, что былъ въ тростникахъ, спасенный дочерью царской.
. . . .
. . . . Ты также вынужденъ будешь,
Храмъ свой великій оставивъ, покинуть священную землю.
Въ плѣнъ отведенный къ Ассуру, увидишь своихъ ты тамъ женщинъ,
Также и малыхъ дѣтей въ услуженіи вражескимъ людямъ.
Собственной мощи лишенный ты будешь разсѣянъ по свѣту,
Страны всѣ и моря населенными будутъ тобою...

Вполнѣ правильно указывала сивилла, что во всѣхъ городахъ Азіи и Африки находились іудейскія общины. Тѣмъ болѣе было ей поводовъ поддерживать евреевъ въ ихъ поклоненіи единому Богу и побуждать ихъ воздерживаться отъ идолопоклонства, которое принесъ съ собою ассирійскій плѣнъ, ибо только тогда Богъ будетъ милостивъ къ своему народу:

Но наконецъ почетомъ тебя одаритъ Всемогущій,
И судьба тебя ожидаетъ благая. Останься
Вѣренъ тогда ты святому закону могучаго Бога,
Вставши съ колѣнъ во весь ростъ, послѣ столькихъ вѣковъ угнетенья!
И тогда Богъ пошлетъ тебѣ съ неба царя, и царь тотъ
Судъ совершитъ надъ людьми во славѣ и блескѣ.
Родъ же царя не погибнетъ вовѣкъ и господствовать будетъ
Онъ надъ людьми и храмъ возстановитъ Господній.
. . . .

Такимъ образомъ, въ то время какъ евреи открывали изреченія своихъ древнихъ пророковъ въ греческихъ книгахъ, эллины слышали проповѣдь израильской мудрости изъ устъ своихъ единоплеменниковъ. И это представляло двойную сильнѣйшую пропаганду. Однако, до сихъ поръ это все еще не сознательный обманъ, не религіозное надувательство. Книга, подтверждавшая древнѣйшее іудейское преданіе, возбуждала фантазію евреевъ, а надъ вопросомъ о томъ, въ правѣ ли они замѣнять древнія пророчества новыми, они долго не задумывались. Ибо религіозное настроеніе въ безконечномъ множествѣ случаевъ представляло собою лишь опьяненіе чувства, упоеніе фантазіи. Эпоха II в. до Р. Хр. въ Іудеѣ отличалась сильнымъ подъемомъ; появилась книга Даніила, за ней послѣдовали новые апокалипсисы. Но удивительно, что наряду съ пророческими книгами древне-

израильскаго характера выступали въ новыхъ формахъ также и греческія пророчества.

Въ имѣющемся у насъ сборникѣ, насчитывающемъ двѣнадцать книгъ, іудейскія прорицанія постоянно прерываются греческими. Значительное число греческихъ текстовъ настолько испорчено, что ихъ, вѣроятно, никогда не удастся возстановить. Евреи, вѣроятно, сами не понимали ихъ, а просто переписывали чисто механически, небрежно. Впрочемъ, мѣстами они считали нужнымъ придать греческому оракулу вѣрную окраску посредствомъ какого-нибудь морализирующаго прибавленія. Выше мы видѣли, что эллинская сивилла называла поэмы Гомера плагіатомъ, составленнымъ изъ ея собственныхъ изреченій. Этотъ же взглядъ перенимаетъ и еврейская сивилла, но дѣлаетъ при этомъ еще слѣдующее обличительное добавленіе:

Ибо сначала раскроетъ онъ то, что написано мною,
Самъ же приступитъ затѣмъ къ описанію воиновъ храбрыхъ:
Гектора, сына Пріама, Ахилла, Пелеева сына,
И остальныхъ мужей, занимавшихся дѣломъ военнымъ;
Въ помощь же имъ боговъ заставитъ онъ дѣйствовать, будто
Боги умнѣе людей, а не тѣ жъ безтолковые люди...

Но вниманіе обращается не только на одно прошлое, главную роль въ этихъ произведеніяхъ играетъ, разумѣется, настоящее. Съ особенной любовью при этомъ одно время обращались къ Риму. Римъ уничтожилъ власть злого царя Антіоха Сирійскаго, къ которому сивилла питала такую же злобу, какъ и пророкъ Даніилъ. Подобно тому, какъ въ первой книгѣ Маккавеевъ сказано о римлянахъ: «Іуда услышалъ о славѣ римлянъ, что они могущественны и сильны, и благосклонно принимаютъ всѣхъ, обращающихся къ нимъ, и кто ни приходилъ къ нимъ, со всѣми заключали они дружбу...», такъ же и іудейская сивилла поетъ о римлянахъ:

Послѣ жъ того государства иного возникнетъ начало.
Въ блескѣ, многоплеменное встанетъ на западномъ морѣ;
Множество царствъ покоритъ оно, много разрушитъ.
Страхъ поселитъ въ сердца земныхъ вѣхъ царей и трепетъ...

Не долго, однако, держалась добрая слава Рима. Скоро уже сивилла стала питать глубокое отвращеніе къ своему былому избавителю; только что приведенные стихи были передѣланы, въ нихъ уже дѣлалось предсказаніе о грядущемъ паденіи міроваго города.

Главной темой сивиллъ остается, какъ и въ апокалипсисахъ, съ которымъ они имѣютъ много общаго, ожиданіе близкаго конца міра. Съ глубокимъ чувствомъ изображаетъ сивилла мессіанскую эпоху, эпоху ничѣмъ ненарушаемаго блаженства. Споры и раздоры прекращаются, миръ, справедливость, любовь и взаимная вѣрность приводятъ къ господству всеобщаго блага. Дикіе звѣри становятся кроткими и дѣлаются слугами человѣка; въ природѣ царствуетъ небывалое плодородіе. Язычники приходятъ къ познанію истиннаго Бога, устраиваютъ свою жизнь согласно его заповѣдямъ и совершаютъ паломничества въ его храмъ. Такъ у еврейской сивиллы мы находимъ слѣдующее, относящееся къ Іерусалиму, мѣсто, заимствованное у пророка Исаіи (XI, 6 и сл.):

Радуйся, дѣва невинная, и торжествомъ преисполнись!
Небо и землю создавшій навѣки въ тебѣ поселится.
. . . .
Волки тогда будутъ жить въ горахъ съ ягнятами вмѣстѣ;
Мирно травою питаясь, пастись будутъ барсы съ козлами
И медвѣдицы вмѣстѣ съ коровами въ пастбищѣ общемъ;
Львы, кровожадные нынѣ, тогда, какъ быки, соломой
Будутъ питаться, ребенку къ себѣ подходить позволяя.

Богъ въ то время звѣрей всѣхъ и гадовъ любовью наполнитъ.
Малыя дѣти тогда будутъ спать съ ядовитой змѣею,
Ибо отъ зла охранять ихъ будетъ десница Господня.

Народъ, чувствующій усталость, культура, вступившая въ старческій возрастъ, нерѣдко ощущаютъ потребность въ скорѣйшемъ наступленіи золотого вѣка, всеобщаго мира между людьми и въ природѣ. Въ такомъ чувствѣ глубокой потребности въ спасителѣ, въ мессіи во второй половинѣ I в. до Р. Хр. сходятся евреи и язычники. Израиль увѣренъ, что онъ достигнетъ своей цѣли и получитъ награду; онъ жилъ согласно заповѣдямъ Божіимъ, поэтому мессія долженъ придти и снова сдѣлать свой народъ первымъ въ мірѣ. Греки и римляне, подъ вліяніемъ все возрастающихъ гражданскихъ войнъ, обращаютъ свои взоры назадъ къ былому золотому вѣку и съ нетерпѣніемъ ждутъ его возвращенія. Пусть эпикуреецъ, смотрящій на вещи, съ разсудительной трезвостью, смѣется надъ утопіей золотого вѣка, считаетъ возвращеніе его курьезной фантазіей,—стоикъ смотритъ на дѣло иначе. Онъ ожидаетъ возвращенія былой жизни; когда придетъ конецъ великому міровому году, тогда наступитъ золотой вѣкъ. Идеи стоиковъ одерживаютъ къ концу этой эпохи побѣду. Въ Римѣ къ нимъ примыкаетъ немало благородныхъ умовъ; утомленные безпрерывными войнами они рисуютъ себѣ наступленіе золотого вѣка. Лучшее, наиболѣе художественное изображеніе его мы находимъ въ знаменитой четвертой эклогѣ *Виргилія*.

Въ борьбѣ за мировое владычество наступилъ перерывъ. Въ 40-мъ году до Р. Хр. Антоній вновь вступилъ въ союзъ съ Октавіаномъ по договору въ Брундизіи. По италійскому міру пронесся вздохъ облегченія. Подумывали уже о новыхъ вѣковыхъ празднествахъ, устройство которыхъ имѣлъ въ виду еще Юлій Цезарь. И вотъ въ такое-то, исполненное самыхъ лучшихъ ожиданій время у друга Виргилія, консула Азинія Поліона, родился сынъ. Съ этимъ ребенкомъ, появившимся на свѣтъ въ эту чреватую событіями эпоху, Виргилій и связываетъ свои предсказанія будущаго. Онъ начинаетъ съ сивиллы: «Уже наступило послѣднее время кумейскихъ пѣсенъ».—Въ ученыхъ кругахъ Рима въ то время сильно интересовались поэзіей сивиллъ. Великій римскій антикварій Варронъ, повидимому, первый обратилъ на нихъ общее вниманіе, Цицеронъ также говоритъ о нихъ, указывая между прочимъ, насколько мало именно искусственная форма акростиха этихъ изреченій свидѣтельствуетъ о сверхъестественномъ внушеніи. Характерной чертой этой поэзіи было дѣленіе исторіи міра на десять поколѣній, при чемъ въ десятомъ поколѣніи должны были исполниться всѣ пророчества. Изъ сивиллиныхъ ожиданій и стоическаго ученія ученый поэтъ создалъ собственныя предсказанія. Послѣ желѣзнаго вѣка, говоритъ онъ, произойдетъ переворотъ, и вновь наступитъ вѣкъ золотой. Древніе герои снова вернуться на землю и будутъ жить среди людей, добродѣтели отцовъ возобновятся; ребенокъ будетъ свидѣтелемъ всего этого. Онъ увидитъ возвращеніе золотого вѣка; земля усыплетъ путь ребенка цвѣтами, козы будутъ сами возвращаться домой съ переполненнымъ молокомъ выменемъ, левъ и ягненокъ будутъ жить вмѣстѣ, змѣй больше не будетъ, все ядовитое исчезнетъ. Въ этомъ же духѣ онъ и далѣе рисуетъ картину золотого вѣка.

Нельзя отрицать извѣстнаго внѣшняго сходства между іудейской сивиллой и римскимъ поэтомъ. Сходство это, однако, только кажущееся; въ произведеніи Виргилія содержится слишкомъ много чисто языческихъ или стоическихъ мотивовъ, а изображенія блаженныхъ мирныхъ временъ, такъ же какъ, напр., представленія объ адскихъ мукахъ, встрѣчаются у са-

мыхъ различныхъ народовъ, такъ что говорить здѣсь о заимствованіи не приходится. Впрочемъ, христіане были объ этомъ иного мнѣнія. Имъ, съ Лактанціемъ во главѣ, принадлежитъ неоспоримая заслуга совершенно ложнаго толкованія четвертой эклоги Виргилія: указывая на сходство этого стихотворенія съ іудейской сивиллой, они говорили, что въ немъ заключается пророчество о пришествіи спасителя Это было лишь прямымъ слѣдствіемъ невѣрнаго взгляда на самое сивиллу. Язычница предсказала великія дѣянія Бога, единаго, отъ вѣка сущаго владыки неба и земли: по волѣ Божіей слѣпыя очи ея на мгновеніе прозрѣли. Anima candida Виргилія, казалось, также была освѣщена лучемъ божественной мудрости, и величайшій римскій поэтъ подвергся такимъ образомъ своего рода канонизаціи.

Сивиллу ожидали, однако, и еще новыя почести. Прежде всего, Виргилій еще разъ прибѣгъ къ ней въ своей Энеидѣ: онъ заставляетъ обитательницу кумейской пещеры сопровождать благочестиваго героя своей поэмы въ подземное царство Плутона. Августъ также воспользовался помощью пророчицы. Когда въ 17 году онъ приступилъ къ устройству вѣковыхъ игръ, онъ поставилъ ихъ въ связь съ однимъ древнимъ сивиллинымъ изреченіемъ, подвергнутымъ нѣкоторому перетолкованію. Въ этомъ изреченіи была изложена вся программа празднества. Гимнъ былъ написанъ Гораціемъ, въ немъ онъ покорно говоритъ объ угрозахъ сивиллиныхъ стиховъ и почтительно вспоминаетъ о произведеніяхъ своего умершаго современника, Виргилія, объ Энеидѣ и четвертой эклогѣ.

Вернемся, однако, къ іудейской поэзіи сивиллъ, которой въ скоромъ времени суждено было превратиться въ христіанскую. Выше мы уже видѣли, что, чѣмъ сильнѣе налегала длань Рима на Іудею, тѣмъ ожесточеннѣе выражалась ненависть къ міровому городу въ этой народной поэзіи. Сивилла все съ большей злобой относится къ цезарямъ, особенно къ Нерону, все мрачнѣе становятся изображенія конца міра, а разрушителю святого города Іерусалима, Титу, съ ненавистью талмуда приписывается самый ужасный конецъ. Въ пылу страсти уже нарушается внѣшняя форма пророчества, еврейскій патріотъ говоритъ иногда и о прошлыхъ временахъ, находя тамъ всевозможныя тенденціозныя исторіи. Однако, и этому приходитъ конецъ; съ теченіемъ времени и іудейская сивилла подчиняется всеобщему рабству и, въ концѣ концовъ, даже о настроенныхъ враждебно къ евреямъ императорахъ говоритъ съ вѣрноподданнической покорностью. Тогда, около середины II вѣка по Р. Хр., выступаетъ со своими пѣснями *христіанская сивилла*. Ибо, наряду съ другими родами литературы, христіане, конечно, переняли и этотъ. Уже въ одномъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ сочиненій, такъ назыв. «Гермасскомъ Пастырѣ» упоминается имя сивиллы. Конечно, для новыхъ произведеній требуются особые поводы, и здѣсь мотивами является всеобщее возмущеніе противъ Рима. Между тѣмъ какъ апокалипсисъ Іоанна называетъ грѣшную имперію Вавилономъ, христіанская сивилла, доведенная до дикой ненависти преслѣдованіями вѣрующихъ, говоритъ болѣе откровенно:

Нѣкогда, Римъ горделивый, постигнетъ тебя ударъ неба.
Склонишь тогда ты главу за много столѣтій впервые;
Будешь разрушенъ, и пламя тебя поглотитъ совершенно.
Всѣ богатства твои исчезнутъ, развѣяны вѣтромъ,
Мѣсто, гдѣ были дворцы, населять станутъ дикіе звѣри.
Гдѣ тѣ боги будутъ,—изъ золота, камня иль мѣди,—
Что спасли бы тебя въ этотъ день? Гдѣ рѣшенья
Будутъ сената? . . . .
. . . .
Ибо померкнетъ тогда слава твоихъ легіоновъ
Гдѣ же твоя будетъ мощь? Какая въ союзѣ съ тобою
Будетъ страна?...

Подробнѣе всего христіанскія сивиллы описываютъ, конечно, конецъ міра и мученія грѣшниковъ въ аду. Въ послѣднемъ отношеніи онѣ близко подходятъ къ родственнымъ имъ апокалипсисамъ. Подобно послѣднимъ, сивиллы говорятъ о гласѣ трубномъ, который раздастся съ неба въ день страшнаго суда и пронесется надъ нечестіемъ грѣшниковъ и страданіями міра. А чтобы не могли,—какъ это неоднократно дѣлали греки,—ссылаться на то, что эти изреченія сивиллы поддѣланы, авторы придавали какъ разъ тѣмъ стихамъ, въ которыхъ шла рѣчь о послѣднемъ судѣ, форму акростиховъ, думая этимъ придать имъ печать подлинности. Далѣе очень часто повторяются предсказанія о явленіи и жизни Христа. Разсказъ о благовѣщеніи и о рожденіи Христа отличается извѣстной прелестью. «Она же почувствовала смущеніе и изумленіе, когда услышала эти слова, и трепетъ наполнилъ ей сердце; всѣ мысли ея смѣшались, сердце сильно забилось при этомъ необычайномъ извѣстіи. Но скоро радость смѣнила страхъ, стыдливая улыбка появилась на ея устахъ, щеки покрылись краской, и прежняя смѣлость вернулась къ ней. Слово же влетѣло въ ея тѣло, съ теченіемъ времени сдѣлалось плотью и, наполняясь жизнью въ утробѣ матери, приняло образъ человѣка, и такъ отъ дѣвы родился мальчикъ; людямъ это, конечно, кажется великимъ чудомъ, для Бога же Отца и Бога Сына ничто не составляетъ чуда. И когда дитя появилось на свѣтъ, земля радостно привѣтствовала его, небесный престолъ наполнился ликованіемъ и возрадовалась вселенная». — Съ особенной настойчивостью сивилла возстаетъ также противъ язычниковъ и ихъ идолопоклонства. Въ этомъ отношеніи она представляетъ вѣрный сколокъ христіанскихъ апологетовъ, мысли которыхъ у нея постоянно встрѣчаются. «Самъ Богъ», восклицаетъ она, «установилъ образъ и видъ смертнаго, создалъ звѣрей, гадовъ и птицъ. Вы же не чтите и не боитесь Бога, но блуждаете безъ всякой цѣли, поклоняетесь змѣямъ, приносите жертвы кошкамъ и нѣмымъ идоламъ, каменнымъ изваяніямъ людей. И въ безбожныхъ капищахъ сидите вы передъ дверьми и не боитесь истиннаго Бога, который все вспомнитъ, и ликуете передъ нечестивыми камнями, забывая о судѣ»... Почти соціалистическій характеръ придаетъ, далѣе, сивилла презрительному отношенію христіанъ къ жизни среди имущихъ: «Начало всѣхъ бѣдъ составляютъ корысть и неразуміе. Господство въ мірѣ будетъ принадлежать жаждѣ золота и серебра, ибо ничего болѣе возвышеннаго не избралъ себѣ человѣкъ, ни блеска солнца, ни неба, ни моря, ни широкой земли, изъ которой все происходитъ, ни Бога, создателя всего сущаго, ни вѣрности, ни благочестія. Эта жажда—источникъ безбожія и руководительница порока, вызывающая войны и изгоняющая миръ, возбуждающая ненависть дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ. И цѣнность брака будетъ опредѣляться лишь золотомъ. Земля будетъ разграничена, стража будетъ приставлена къ морямъ, которыя будутъ подѣлены между всѣми, владѣющими золотомъ: желая навѣки овладѣть кормилицей-землей, они разорятъ бѣдныхъ и станутъ угнетать ихъ въ чванливости своей. И если бы безпредѣльная земля не была такъ далеко отъ звѣзднаго неба, то и свѣтъ не свѣтилъ бы равно для всѣхъ людей, но продавался бы на золото лишь богатымъ, для бѣдныхъ же Богъ долженъ былъ бы создать иное существованіе». Къ христіанамъ сивилла также обращается съ увѣщаніями; нравственныя посланія къ паствѣ, находившіяся тогда въ большомъ употребленіи, служили ей образцомъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пророчица указываетъ на добрые нравы христіанъ, то это вовсе не является самовосхваленіемъ: она дѣлаетъ это лишь съ цѣлью укрѣпить христіанъ въ добрѣ. «Мы не должны», говорится въ одной изъ этихъ пѣсенъ, «приближаться къ внутренности храмовъ,

приносить жертвы изображеніямъ боговъ, давать имъ клятвенные обѣты, украшать ихъ благовонными цвѣтами, свѣтильниками или безполезными дарами, или возжигать благовонія на пылающихъ алтаряхъ; *мы не должны посылать кровь жертвенныхъ ягнятъ для возліянія при жертвоприношеніяхъ съ цѣлью избавиться отъ земного наказанія;* мы не должны осквернять сіяніе эѳира дымомъ плотоядныхъ костровъ и отвратительнымъ запахомъ горѣлаго жира; съ радостнымъ чувствомъ, съ веселымъ сердцемъ, воздавая всѣмъ любовь и щедро одѣляя бѣдныхъ, воспѣвая псалмы и другія священныя пѣсни, будемъ мы славить Тебя, Вѣчнаго, Всеблагого, Отца всего сущаго»...

Все это носитъ еще до извѣстной степени первобытный характеръ. Авторы сивиллиныхъ изреченій наивно пишутъ, совершенно не сознавая, что вѣдь они въ сущности совершаютъ подлогъ. Но когда сивилла начинаетъ уже не поносить громко и страстно язычниковъ, а вступать съ ними въ богословскій диспутъ, то это свидѣтельствуетъ о чертѣ, совершенно ей не свойственной. Она аргументируетъ, напр., слѣдующимъ образомъ:

Если, однако, исчезнетъ все сущее въ мірѣ, тогда ужъ
Богъ не появится вновь изъ чреслъ жены и мужчины,
Будетъ же въ мірѣ одинъ, величайшій и высшій надъ всѣми.
. . . .
Если же боги плодятся, безсмертны навѣкъ оставаясь,
Право тогда они многочисленнѣй были-бъ, чѣмъ люди,
И на землѣ для смертныхъ нигдѣ не осталось бы мѣста.

Съ подобной аргументаціи и начинается сознательный христіанскій обманъ. Христіанству, находившемуся въ тискахъ между по меньшей мѣрѣ неблагосклоннымъ отношеніемъ къ нему со стороны императоровъ и нападками греческой литературы, никакое средство для отраженія враговъ не казалось плохимъ. Въ эту эпоху одна поддѣлка слѣдуетъ за другой; подобно тому, какъ сивиллъ заставляли подтверждать слова библіи, такъ теперь возникаютъ всякаго рода поддѣльныя произведенія, въ которыхъ великіе трагики древней Греціи говорятъ о приближающейся гибели міра или проповѣдуютъ философскія ученія въ іудейскомъ стилѣ. Правда, нельзя упрекать тѣхъ, кто *пользовался* этой литературой. Они такъ увѣрены въ святости своего дѣла, что у нихъ не является даже ни малѣйшаго сомнѣнія въ допустимости этихъ мелкихъ средствъ. Такъ какъ христіане, какъ ранѣе евреи, вполнѣ убѣждены, что греки всю свою мудрость черпаютъ изъ библіи, то ихъ ничуть не удивляетъ, что сивиллы и ихъ подражатели говорятъ тоже, что и священное писаніе. Поэтому, насмѣшки нѣкоторыхъ эллиновъ надъ подобнымъ отношеніемъ, остались въ эту эпоху гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ибо язычество во второй половинѣ II вѣка вовсе не отличалось равнодушіемъ или отсутствіемъ благочестія; напротивъ, весь міръ былъ переполненъ пророчествами и святыми надеждами. И языческая эритрейская сивилла, о которой уже почти забыли, снова оживаетъ, когда интересъ императоровъ обращается къ ней, и осчастливленный городъ заставляетъ пророчицу въ длинной эпиграммѣ выразить благодарность владыкамъ. Все вокругъ кишѣло религіозными откровеніями, снами, заклинаніями, волшебствомъ, системами, философскими умозрѣніями. Здѣсь гностикъ бормочетъ свои темныя изреченія и теософическія фантазіи о мірѣ и его глубочайшей сущности, тамъ жрецъ Миѳры ведетъ вѣрующихъ въ свою мистическую пещеру, или неоплатоникъ мечтательно подымаетъ глаза къ небу, стремясь душою къ Богу, далѣе слышенъ рѣзкій голосъ апологетовъ, еще далѣе Маркъ Аврелій, этотъ стоикъ на тронѣ римскихъ императоровъ, ищетъ и создаетъ миръ своей душѣ: вообще царитъ полный хаосъ

мнѣній, благочестивыхъ надеждъ и радостнаго знанія. Въ этомъ массовомъ производствѣ религіозныхъ идей многое смѣшивается и разлагается; контрасты соприкасаются; языческія воззрѣнія внѣдряются въ христіанство, и, наоборотъ, язычники вводятся въ заблужденіе христіанскими пророчествами. Когда христіанство, въ концѣ концовъ, одерживаетъ побѣду, оно не забываетъ своихъ старыхъ соратниковъ: сивилла, высоко вознесенная защитниками христіанской вѣры. вводится въ новый храмъ христіанской государственной церкви.

Ибо языческая сивилла, мать еврейской и христіанской, теперь дѣйствительно превратилась, какъ это и говорило древнее сказаніе, въ тихо шепчущій голосъ. Еще разъ обращается къ древнимъ книгамъ Юліанъ Отступникъ, готовясь къ походу на востокъ, а послѣ него онѣ все болѣе и болѣе впадаютъ въ забвеніе, и, наконецъ, какъ гласило преданіе, Стилихонъ предаетъ ихъ огню. Врядъ ли, впрочемъ, это и требовалось, ибо христіанскія сивиллы, лишь только прошелъ пылъ борьбы за вѣру, весьма ревностно принимаются также и за свѣтскія дѣла, и въ скоромъ времени древнеязыческія и христіанскія изреченія, по крайней мѣрѣ по формѣ, перестаютъ отличаться другъ отъ друга.—Любопытная черта присуща этимъ свѣтскимъ оракуламъ. Политическихъ дѣятелей, т. е. главнымъ образомъ, слѣдовательно, императоровъ, они не называютъ по именамъ, а обозначаютъ постоянно числомъ, греческій знакъ котораго соотвѣтствуетъ начальной буквѣ имени, или позднѣе просто начальными буквами. Эта манера переходитъ затѣмъ глубоко въ средніе вѣка, важнѣйшей сивиллой которыхъ является такъ называемая *тибуртинская*.

Послѣ перенесенія столицы изъ Рима, Константинополь сдѣлался убѣжищемъ поэзіи сивиллъ. Древнюю форму гекзаметровъ теперь замѣняетъ проза. Но стиль, міровоззрѣніе, изображенія остаются тѣ же. При постоянныхъ нападеніяхъ на имперію, сначала со стороны германскихъ полчищъ, затѣмъ со стороны славянскихъ и восточныхъ народовъ, вопросы о будущемъ постоянно остаются окруженными тѣмъ же страхомъ. Оракулы, которыхъ въ Константинополѣ называютъ *«очами Даніила»*, предвѣщаютъ многія бѣды, грозящія отдѣльнымъ провинціямъ огромнаго государства, но въ концѣ концовъ, говорятъ они, придетъ великій владыка, который принесетъ съ собой освобожденіе, и пришествіе котораго будетъ означать наступленіе конца міра. До середины XV вѣка, до самаго завоеванія Константинополя турками, въ столицѣ были такія прорицательницы, или сивиллы. Онѣ же вызвали затѣмъ возникновеніе латинскихъ сивиллъ Запада, напр., только что названную тибуртинскую; оттуда онѣ, наконецъ, переходятъ и въ Германію. Нѣмецкія сивиллы предсказываютъ возвращеніе Фридриха Барбароссы, послѣдняго императора, который повѣситъ свой щитъ на сухую грушу и удовлетворитъ стремленія своего народа. Такъ живетъ сивилла въ умахъ людей, пророчица сѣдой языческой старины превращается въ христіанскую святую in partibus, которая въ стихахъ Томмазо ди Челано является вмѣстѣ съ Давидомъ свидѣтельницей гибели вселенной.—Но и это еще не все; мы также еще находимся подъ вліяніемъ этого существа. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., знаменитое сказаніе Ленинскаго монастыря о Гогенцоллернахъ, которое представляетъ собою прямое продолженіе сивиллъ.

* * *

Странное царство фантазіи представляютъ собою эти апокалипсисы и сивиллы, нѣчто вродѣ царства тѣней исторіи, въ которомъ реальныя историческія фигуры кажутся окруженными всякаго рода призраками. Но въ исторіи міра не всегда господствуютъ осязаемыя силы здоровой жизни,

рѣдко правятъ имъ и свѣтлыя идеи, но также часто обнаруживается чудесное сліяніе призраковъ и предчувствій, а въ эпохи общественнаго возбужденія они какъ бы сгущаются даже въ дѣла, изъ тѣней выростаютъ въ конкретныя фигуры. Насколько невелико поэтическое достоинство этихъ фикцій, настолько же сильно ихъ вліяніе, и огромна мощь ихъ традиціи. Преданіе, идущее отъ скалистаго жилища сивиллы въ Эритреѣ до песковъ Ленинскаго монастыря, нельзя игнорировать. Эти книги являются для насъ свидѣтельствомъ всего, что въ глубинахъ народной души стремилось къ свѣту, онѣ повѣствуютъ намъ о трепетныхъ упованіяхъ человѣка и связываютъ насъ съ тѣми тяжелыми временами, когда христіанство должно было прибѣгать къ ихъ помощи.

III. Внѣшнія гоненія.

Легенда. -- Правовое положеніе. — Отношеніе къ христіанамъ при Неронѣ, Домиціанѣ и Траянѣ. — Маркъ Аврелій. — Мученичество. — Процессъ Аполлонія. — Положеніе христіанъ при позднѣйшихъ императорахъ. — Послѣднія гоненія. – Побѣда христіанства.

Въ южной части Рима, по сю сторону стѣны, расположена круглая церковь, называемая Санъ-Стефано-Ротондо. Въ древности она представляла собою, по всей вѣроятности, зданіе рынка, впослѣдствіи же превратилась въ своего рода памятникъ всѣмъ христіанскимъ мученикамъ, погибшимъ въ Римѣ. Куда бы мы ни обратили взоры въ этой обширной церкви, повсюду мы увидимъ на стѣнахъ изображенія страданій мучениковъ, самыя стѣны кажутся насквозь пропитанными кровью, это настоящая Голгоѳа христіанской вѣры, созданная фантазіей древняго христіанства, которая была одинаково неумѣренна, какъ по части пытокъ мучениковъ, такъ и по части адскихъ мукъ. Эти картины, эти изображенія на стѣнахъ зданія, созданнаго язычествомъ, кажутся какъ бы тріумфомъ религіи страданія надъ городомъ дѣла, надъ древнимъ Римомъ. И такъ повсюду въ Римѣ язычество перемѣшано съ христіанствомъ. Въ амфитеатрѣ Флавіевъ мы какъ бы воочію видимъ фигуры христіанъ, отданныхъ въ жертву дикимъ звѣрямъ, въ темницѣ у подножія Капитолія, по преданію, былъ заключенъ Петръ, въ церкви св. Цециліи въ Трастевере лежитъ чудная фигура св. Цециліи съ зіяющей раной на дѣвственной шеѣ въ той же позѣ, въ какой въ 1599 году, по преданію, ея трупъ былъ найденъ въ катакомбахъ. А самыя катакомбы! Какъ много говоритъ исторія этихъ подземелій даже такому человѣку, который, подобно автору этихъ строкъ, получалъ свѣдѣнія о ней изъ устъ іезуитовъ! Развѣ слово «мученикъ», сопровождающее тамъ внизу на стѣнахъ имена столькихъ борцовъ за вѣру, не оставляетъ надолго слѣда въ сердцѣ? Слишкомъ легкомысленъ долженъ былъ бы быть тотъ человѣкъ, который, поднявшись изъ тьмы подземелій на свѣтъ, не унесъ бы съ собой благоговѣйнаго чувства по отношенію къ величію исторіи, разсказанной ему этими гробами, образами и изреченіями, — который не пришелъ бы къ сознанію, что подземный Римъ, Roma sotterranea, такъ же великъ, какъ и вѣчный городъ, расположенный надъ нимъ.

Однако, какъ бы справедливы ни были эти впечатлѣнія, тѣмъ не менѣе они не должны вліять на нашъ историческій приговоръ. Потоки крови, которые, согласно исторической традиціи, наполняютъ три первые вѣка христіанской эры, въ лучшемъ случаѣ представляютъ созданіе легенды. Благочестивое сказаніе изукрасило исторію страданій христіанства безчисленными изображеніями, которыя, взятыя всѣ вмѣстѣ, представляютъ

дѣйствительно панораму ужасовъ христіанской церкви. Неутомимая литературная дѣятельность древняго христіанства, съ которой мы уже отчасти познакомились, стремилась путемъ этихъ, постоянно повторяющихся изображеній, разрисованныхъ самыми кровавыми красками, поддерживать память о герояхъ вѣры, возбуждать воодушевленіе, держать раны постоянно открытыми. Съ неимовѣрнымъ прилежаніемъ вотъ уже болѣе 250 лѣтъ іезуиты собираютъ и издаютъ, такъ называемыя, «Дѣянія святыхъ». Однако, историческое изслѣдованіе уже давно раздѣлило этотъ запутанный, съ виду непрерывный рядъ картинъ, возстановило нужные промежутки и сумѣло удалить изъ галлереи произведенія фантазіи и ночныхъ страховъ. И этимъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, оно не только разрушало, оно и созидало. Слава вѣрующихъ ничего не утратила отъ того, что съ изображенія было стерто нѣсколько лишнихъ пятенъ крови, и образы отдѣльныхъ мучениковъ стали для насъ отъ этого лишь яснѣе. Оставимъ, поэтому, совершенно въ сторонѣ эти ужасающія картины стараго стиля или разсчитанныя на эффектъ произведенія современной живописи, какъ, напримѣръ, «живые факелы Нерона».

Что гоненія на христіанъ со стороны римскаго государства во многихъ случаяхъ, хотя и не всегда, слишкомъ преувеличены въ древнихъ извѣстіяхъ, что римскіе императоры, которымъ приписываются подобныя преслѣдованія христіанъ, не всѣ поголовно были извергами и людьми, погрязшими въ грѣхахъ,—объ этомъ уже мы знали давно; но всего 13 лѣтъ тому назадъ творцомъ современныхъ взглядовъ на государственное право Рима, *Т. Моммзеномъ*, издано сочиненіе. дающее настолько подробное описаніе правового положенія христіанъ въ римскомъ государствѣ, что всѣ другія книги, трактующія объ этомъ вопросѣ, рядомъ съ книгой Моммзена не имѣютъ уже болѣе никакого значенія. Благодаря этому его изслѣдованію, снова всплыла на свѣтъ та истина, что изъ императоровъ лишь очень немногіе дѣйствительно стремились къ интенсивному преслѣдованію христіанъ, что въ большинствѣ случаевъ эти преслѣдованія были вызваны произволомъ отдѣльныхъ намѣстниковъ. Это же изслѣдованіе Моммзена окончательно выяснило также тѣ затрудненія, которыя христіане создавали для своихъ судей, и тѣ причины, которыя непосредственно вызывали преслѣдованія со стороны властей.

Первоначально римская община требовала отъ своихъ гражданъ римской вѣры. Богъ и государство въ древности большей частью совпадаютъ; нельзя пренебрегать богами отцовъ. Всѣ должны были приносить жертвы этимъ богамъ; въ случаѣ же неисполненія этого, виновный подвергался наказанію именно за самый фактъ неисполненія, а не за основную причину его, такъ что христіанинъ привлекался къ суду не за то, что онъ былъ христіаниномъ, а за то, что онъ не оказалъ почестей богамъ. Впрочемъ, такъ какъ христіане, какъ таковые, отрицали этотъ культъ, такъ какъ слово «христіанинъ» сдѣлалось синонимомъ слова «врагъ жертвоприношеній», то съ теченіемъ времени и самое имя христіанина сдѣлалось достаточнымъ для возбужденія обвиненія. Однако, Римъ уже въ послѣдніе годы республики сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всевозможныхъ народовъ и религій. Чтобы дать возможность этому чуждому элементу выполнять предписанія собственной религіи, въ число оффиціальныхъ боговъ были приняты новыя божества, и новые граждане могли, такимъ образомъ, выполнять свои гражданскія обязанности, не нарушая въ то же время родного культа. Однако, гражданамъ не было разрѣшено почитать недопущенныя божества, римлянинъ не могъ поклоняться, напримѣръ, національному богу кельтовъ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени было введено вполнѣ свободное исповѣданіе иностранныхъ культовъ, если только

они не противорѣчили нравамъ. Исключеніе составляли лишь монотеисты—іудеи и христіане. Они, по античному языческому воззрѣнію, были безбожники, и римлянинъ, принявшій ихъ вѣру, подлежалъ наказанію. Если бы онъ, наряду съ другими богами, почиталъ и Христа,—что впрочемъ уже исключалось самой природой вещей,—то къ нему труднѣе было бы придраться, но исключительность самой религіи уже влекла за собою наказаніе за безбожіе. Поэтому-то въ первую голову наказаніямъ и подверглись сами римляне.

Съ іудеями дѣло обстояло существенно иначе, чѣмъ съ христіанами. Хотя государство, согласно своимъ установленіямъ, принципіально не могло терпѣть ни тѣхъ, ни другихъ, тѣмъ не менѣе для іудеевъ оно дѣлало исключеніе. Іудейство по существу покоилось на національной основѣ и было ограничено въ своемъ распространеніи, такъ что нельзя было опасаться его успѣха въ массахъ. Іудей, такимъ образомъ, не былъ вынужденъ поклоняться римскому обычаю, приносить жертвы генію императора; впослѣдствіи даже изъ уваженія къ его религіи изъ іерусалимскаго храма была снова удалена статуя императора. Христіанинъ же, послѣ паденія Іерусалима, совершенно отрѣшившійся отъ евреевъ, не встрѣчалъ такого покровительства: какъ «безбожникъ» онъ до извѣстной степени висѣлъ въ воздухѣ, и отъ него требовалось выполненіе всѣхъ обязанностей государственно-гражданскаго культа.

Власть, которая въ большинствѣ случаевъ пользовалась, такъ называемымъ, коэрцитивнымъ правомъ, т. е. правомъ высшихъ чиновниковъ водворять порядокъ и предупреждать нарушеніе общественнаго спокойствія, не находила подходящей законодательной нормы и установленнаго наказанія. Она вовсе не думала выслѣживать подозрительныхъ людей и привлекать ихъ къ суду, она сама выжидала обвиненія, по крайней мѣрѣ, такъ было до большихъ преслѣдованій христіанъ при императорѣ Деціи. Кто заявлялъ, что онъ не христіанинъ или уже болѣе не христіанинъ, тотъ не подвергался наказанію. Однако, чѣмъ больше чуждаго элемента проникало въ Римъ, чѣмъ слабѣе дѣлалось національное чувство, тѣмъ менѣе разрушительно могло дѣйствовать само по себѣ христіанство; оно въ религіозной области выражало лишь то, что уже осуществилось въ области политической. Тѣмъ не менѣе остатки стараго національнаго чувства и фанатизмъ массъ не позволяли отрекаться отъ государственной религіи. Впервые лишь такіе жестокіе люди, какъ, достойный въ другихъ отношеніяхъ, Децій, обратились на путь энергичныхъ и послѣдовательныхъ гоненій; нефанатики среди христіанъ, какъ, напримѣръ, Оригенъ, открыто признаютъ, что христіанъ, которые дѣйствительно умерли за вѣру, можно легко пересчитать. Но все-таки положеніе христіанъ было весьма плачевно и крайне принижено; предоставленные произволу намѣстниковъ, которые, хотя и предпочитали спокойствіе громкимъ процессамъ, но вынуждены были уступать крикамъ черни, предоставленные произволу наказаній,—они были и оставались безправными. Посмотримъ же, каково было отношеніе къ нимъ до первыхъ общихъ эдиктовъ о вѣротерпимости.

Мы не имѣемъ надобности распространяться здѣсь о первыхъ преслѣдованіяхъ со стороны іудеевъ, такъ какъ объ этомъ достаточно подробно разсказано въ библіи. Тѣмъ не менѣе эта ненависть іудейства къ молодому ученію имѣла существенное значеніе. Іудеи знали правила христіанства или, по крайней мѣрѣ, казались знатоками ихъ; они всячески интриговали и раздували ненависть противъ христіанскихъ общинъ, они придумывали самыя безумныя обвиненія, будто христіане при своихъ обрядахъ пользуются дѣтоубійствомъ и кровосмѣшеніемъ, ихъ рука видна также и въ гоненіяхъ *Нерона*. Эти гоненія давно уже страшно преувели-

чены. Неронъ, извергъ, матереубійца на тронѣ цезарей, могъ, конечно, направить всю ярость своей звѣрской натуры противъ христіанъ, имя его, казалось, неразрывно связано съ проклятіемъ перваго жестокаго врага учениковъ Христа. Неронъ, однако, никогда и не думалъ преслѣдовать христіанъ, какъ таковыхъ. Онъ хотѣлъ лишь снять съ себя все распространявшееся обвиненіе въ поджогѣ Рима и старался перенести его на христіанъ. Нѣкоторые изъ христіанъ были привлечены къ суду, они оговорили другихъ, и разслѣдованіе, по довольно неясному свидѣтельству Тацита, привело къ уликамъ не столько въ поджогахъ, сколько въ ненависти къ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ тихое, далекое отъ какого-либо участія въ общественной жизни поведеніе христіанъ, ожиданіе ими гибели міра были всегда глубоко противны язычникамъ. Первое казалось имъ отвратительнымъ ханжествомъ, второе сумасшествіемъ или отсутствіемъ любви къ отечеству; и хотя глубокомысленному Тациту и была ясна невиновность ихъ въ пожарѣ Рима, но кажущаяся ненависть къ человѣческому роду могла послужить какому-нибудь Нерону благопріятнымъ поводомъ для обвиненія. И когда затѣмъ онъ выступилъ противъ нихъ, когда онъ бросалъ ихъ, завернутыхъ въ шкуры дикихъ звѣрей, на растерзаніе псамъ, когда онъ дѣлалъ изъ нихъ свои живые факелы, то народъ попутно могъ видѣть въ нихъ зачинщиковъ разрушенія. Но тѣмъ не менѣе это не было гоненіе противъ христіанъ въ собственномъ смыслѣ слова, гоненіе за вѣру.

Но вотъ палъ Іерусалимскій храмъ, христіанство окончательно отдѣлилось отъ іудейства. Оно дѣлается воинственнымъ. оно не желаетъ болѣе поклоняться звѣрю, апокалипсисъ Іоанна вызываетъ язычество на бой. Провинція Азія называла нѣкогда Августа спасителемъ міра: христіанство ставитъ на его мѣсто Господа Іисуса Христа; изъ Азіи явилось обоготвореніе римскихъ цезарей, приношеніе жертвъ генію императора: апокалипсисъ (2, 13) восхваляетъ мученика Антипу, убитаго въ Пергамѣ, «гдѣ живетъ сатана». Вскорѣ раздаются новыя кровавыя свидѣтельства. При Домиціанѣ въ 95 году благородный консулъ Флавій Клементъ и его жена Домицилла были казнены за «безбожіе», т. е. за то, что они отпали отъ національной вѣры высшихъ круговъ Рима, мужъ былъ убитъ, жена подверглась сожженію. Подобная же участь постигла тогда и многихъ другихъ; но объ общемъ гоненіи христіанъ въ римскомъ государствѣ вовсе еще нѣтъ рѣчи; преслѣдованія ограничиваются лишь однимъ Римомъ. Насколько возможно было, смотрѣли сквозь пальцы; и лишь тогда, когда не было возможности поступить иначе, когда отдѣльныя преступленія казались слишкомъ тяжкими, тогда принимались мѣры противъ христіанъ.

Новый толчекъ былъ данъ въ царствованіе Траяна. При немъ въ 112/3 г.г. Плиній Младшій былъ намѣстникомъ въ Виѳиніи. Это былъ не очень далекій, довольно поверхностно образованный, но въ общемъ вовсе не антипатичный человѣкъ. Онъ имѣлъ приказъ не допускать образованія обществъ и союзовъ въ своей провинціи. Іудейскія религіозныя общества были разрѣшены, христіанскія же нѣтъ, такъ какъ христіане отдѣлились отъ іудеевъ. Такимъ образомъ, противъ христіанъ были приняты мѣры. Плиній, по его собственному признанію, совершенно неосвѣдомленный въ веденіи этихъ процессовъ, заставлялъ обвиняемыхъ отрекаться отъ христіанства, и многихъ изъ тѣхъ, которые были привлечены къ суду, какъ христіане, но передъ судомъ отрицали свою принадлежность къ христіанству, онъ принуждалъ приносить жертвы передъ изображеніями боговъ и императора и предавать проклятію Христа. Затѣмъ онъ отпускалъ ихъ на свободу. Такъ же онъ поступалъ и съ тѣми, которые утверждали, что лишь ранѣе были христіанами. Однако, ближайшее ознакомленіе съ сущностью христіанства заставило его задуматься. До него дошелъ слухъ, что соб-

ственно ядро культа заключается въ томъ, что христіане собираются въ извѣстный день передъ восходомъ солнца вмѣстѣ и поютъ гимнъ въ честь Христа, котораго они чтутъ, какъ Бога, что они даютъ другъ другу клятвенное обѣщаніе избѣгать воровства, кражи, нарушенія брака, лжесвидѣтельства и не присвоивать себѣ взятаго на сохраненіе. Затѣмъ они, будто бы, расходятся, чтобы въ назначенный день вновь собраться на общую трапезу. Такимъ образомъ, Плиній, по его собственнымъ словамъ, нашелъ въ христіанствѣ лишь чрезмѣрное суевѣріе, но такъ какъ это суевѣріе получило уже слишкомъ широкое распространеніе, то онъ и просилъ императора вынести окончательное рѣшеніе относительно христіанъ. Отвѣтъ императора былъ кратокъ и ясенъ. Онъ вполнѣ одобряетъ дѣйствія своего намѣстника, но дѣлаетъ еще нѣкоторыя дополненія. Разыскивать христіанъ не слѣдуетъ, анонимные оговоры должны оставляться безъ вниманія. Уличенный въ принадлежности къ христіанству, долженъ быть наказанъ, но тотъ, кто отрицаетъ свою виновность и согласенъ подтвердить это жертвоприношеніемъ, тотъ вслѣдствіе своего раскаянія долженъ быть помилованъ.

Это рѣшеніе, конечно, нельзя назвать соломоновскимъ, но тѣмъ не менѣе ему нельзя также и отказать въ извѣстной гуманности. Весь этотъ эпизодъ имѣлъ чрезвычайно важныя послѣдствія. Онъ создалъ на будущее время норму въ подобныхъ процессахъ. Отнынѣ намѣстники старались, какъ это ранѣе дѣлалъ Плиній, добиться отъ христіанъ, привлеченныхъ къ суду за вѣру, полнаго признанія, а если никакіе уговоры не помогали, то посредствомъ пытки они заставляли христіанъ дѣйствовать согласно своему желанію. Страстный апологетъ Тертулліанъ, бывшій юристъ, былъ до глубины души оскорбленъ подобнымъ отношеніемъ, и какъ христіанинъ, и какъ администраторъ. Онъ громко называлъ нелѣпостью, что человѣка, вопреки всякому обыкновенію, заставляютъ признаться въ совершенномъ имъ добромъ дѣлѣ. Однако, какъ красиво это ни звучитъ, тѣмъ не менѣе это лишь взглядъ остроумнаго апологета. Ибо нельзя забывать, что римскіе судьи христіанъ, несмотря на дурныя средства, къ которымъ они считали нужнымъ прибѣгать, тѣмъ не менѣе были преисполнены добрыхъ намѣреній. Ихъ цѣлью вовсе не было казнить какъ можно больше христіанъ, напротивъ, путемъ уговоровъ или, въ крайнемъ случаѣ, даже посредствомъ пытки они старались добиться отъ христіанъ отреченія, чтобы затѣмъ, послѣ жертвоприношенія, отпустить ихъ на свободу.

Христіанское преданіе знаетъ еще даже о формальномъ эдиктѣ о вѣротерпимости, изданномъ преемникомъ Траяна, *Адріаномъ*. Въ этомъ актѣ, латинскій оригиналъ котораго былъ приложенъ къ первой апологіи апологета Юстина, императоръ на запросъ намѣстника отвѣчаетъ, уже во введеніи до нѣкоторой степени угрожая доносчикамъ, что въ качествѣ свидѣтелей противъ христіанъ судъ можетъ вызывать лишь такихъ лицъ, которыя вполнѣ увѣрены въ своемъ дѣлѣ. Если же христіанинъ нарушилъ законы, то онъ долженъ понести соотвѣтственное наказаніе. Затѣмъ еще разъ слѣдуютъ угрозы строгихъ каръ за ложные оговоры. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что этотъ эдиктъ поддѣланъ. Слишкомъ бросается въ глаза сходство его съ случаемъ Плинія-Траяна. Здѣсь однако императоръ идетъ гораздо далѣе, чѣмъ въ только что разсмотрѣнномъ рескриптѣ. Траянъ оставлялъ анонимные доносы безъ вниманія, здѣсь же за ложный оговоръ устанавливается наказаніе. Далѣе то обстоятельство, что христіане, согласно этому эдикту, должны быть привлекаемы къ суду за незаконныя дѣянія, слишкомъ соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ желаніямъ, — выразителями которыхъ постоянно являлись апологеты—и невѣроятно, чтобы языческая власть также могла высказаться въ этомъ же смыслѣ. Вѣдь защитники

христіанской вѣры, не переставая, требовали: наказывайте безпощадно злыхъ христіанъ, нарушающихъ законъ, но не трогайте всѣхъ христіанъ только потому, что они христіане! Если же думаютъ, что для фантазера и чудака Адріана христіанство являлось чѣмъ-то привлекательнымъ, то врядъ ли это вѣрно. Христіане его времени, по крайней мѣрѣ, были мало расположены къ нему; апоѳеозъ любимца его Антиноя произвелъ на нихъ крайне отрицательное впечатлѣніе, и особенно неистовствуютъ противъ непостояннаго императора дикія сивиллы, лучше всего выражающія настроеніе народа. Наконецъ, что фальсификація подобнаго рескрипта въ то время не представляла чего-то исключительнаго, доказываетъ вся литература той эпохи. Какъ мы уже видѣли, христіане въ борьбѣ такъ же мало заботились объ истинѣ, какъ и ихъ враги. И несомнѣнно, что и позже изобрѣтались однородные, благопріятные для христіанъ, рескрипты: подобные паразиты выростаютъ только на гнилой почвѣ. Христіане, сочиняя такія дружественныя для себя распоряженія властей, хотѣли вызвать противорѣчія въ средѣ самой власти и создать такимъ образомъ благопріятные прецеденты для своей религіи, тѣмъ болѣе, что послѣ довольно продолжительнаго мира снова наступили невзгоды борьбы.

Императоръ *Маркъ Аврелій* вовсе не былъ другомъ христіанъ. Ему, какъ и многимъ другимъ, не нравилась манера ихъ идти на мученичество, онъ видѣлъ въ этомъ лишь хвастливое пренебреженіе къ смерти, которая представлялась ему для этого слишкомъ серьезной вещью. До насъ дошелъ его приказъ, въ которомъ онъ устанавливаетъ наказанія за суевѣрные культы. Слѣдуетъ ли приписать вліянію этого рескрипта жестокія гоненія на христіанъ въ *Ліонѣ*, мы не знаемъ; достаточно того, что они произошли въ его время. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно посланіе вьеннскихъ и ліонскихъ общинъ къ малоазіатскимъ, написанное въ томъ напыщенномъ, высокопарномъ и запутанномъ стилѣ, которымъ писалъ тогда весь міръ. Стилю соотвѣтствуетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и содержаніе. Конечно, какъ и во многихъ другихъ извѣстіяхъ о мученіяхъ, и здѣсь творятся чудеса: одинъ мученикъ, почти лишившійся послѣ страшной пытки человѣческаго облика, внезапно при новомъ строгомъ допросѣ выздоравливаетъ, такъ что пытка послужила ему для исцѣленія. Нѣтъ недостатка, конечно, и въ описаніяхъ пытокъ, которыя со времени первой книги Маккавеевъ, несомнѣнно оказавшей вліяніе на автора посланія, играютъ такую большую роль въ этой литературѣ. Но тѣмъ не менѣе въ изображеніи должно быть много правды, не смотря на реторику и приподнятость разсказа. Такъ, въ немъ отсутствуетъ одна характерная черта, отличающая всѣ легенды о мученикахъ,—это длинныя рѣчи и черезчуръ отдѣланныя замѣчанія обвиняемыхъ. Всѣ жалобы его звучатъ вполнѣ естественно или по крайней мѣрѣ соотвѣтствуютъ ужасу положенія. Нѣжная рабыня Бландина, въ то время какъ тѣло ея представляетъ сплошную рану, говоритъ лишь: «Я христіанка, мы ничего не дѣлаемъ дурного»; христіанинъ Поѳинъ на вопросъ, кто христіанскій Богъ, отвѣчаетъ: «Когда ты заслужишь этого, ты узнаешь»; другой восклицаетъ, сидя среди пламени на желѣзной скамьѣ: «То, что вы дѣлаете, называется пожирать людей. А мы людей не ѣдимъ и вообще не дѣлаемъ зла». Эти слова были направлены противъ вновь поднятыхъ со стороны противниковъ обвиненій въ томъ, что христіане на своихъ собраніяхъ, якобы, ѣдятъ человѣческое мясо; это обвиненіе доводило языческій народъ до неистовства. Въ концѣ концовъ дошли даже до того, что пепелъ мучениковъ стали бросать въ Рону, думая такимъ путемъ лишить ихъ всякой надежды на воскресеніе. Конечно, нѣкоторые при видѣ подобныхъ преслѣдованій, по человѣческой слабости, отрекались отъ Христа, хотя и это не помогало, такъ какъ ихъ все равно заключали въ темницы.

Тогда ихъ охватывало раскаяніе и они вновь присоединялись къ толпамъ мучениковъ. Такимъ образомъ, въ этомъ посланіи мы имѣемъ въ общемъ гораздо болѣе близкія къ истинѣ описанія, чѣмъ въ большинствѣ житій мучениковъ; это изображеніе въ лучшей своей части дѣйствительно заимствовано изъ жизни.

Я не имѣю возможности,—да это и не входитъ въ мои цѣли,— подробно разбирать упомянутыя здѣсь *«Дѣянія мучениковъ»*, чтобы на основаніи ихъ составить себѣ взглядъ на дѣйствія государства. Поэтому, скажу только слѣдующее: большинство, собственно, даже почти, всѣ эти дѣянія приспособлены для чтенія, для назиданія вѣрующихъ, это—произведенія литературы, подобно всѣмъ процессуальнымъ протоколамъ, заключающимся въ античныхъ книгахъ. Въ этихъ повѣствованіяхъ мы можемъ найти много поучительнаго, можемъ узнать изъ нихъ, какъ мыслили люди въ эпоху ихъ появленія, но мы никогда не узнаемъ на основаніи этихъ источниковъ, о чемъ говорилось съ христіанами на судѣ. Въ доказательство этого я сейчасъ приведу примѣръ изъ одного процесса, ибо какъ разъ этотъ эпизодъ подвергался самому ложному толкованію. Рѣчь идетъ о процессѣ христіанина Аполлонія, который, какъ полагаютъ, былъ римскимъ сенаторомъ и которому позднѣйшее христіанство приписало значительное философское образованіе, -мнѣніе, къ сожалѣнію, довольно часто раздѣляемое еще и нынѣ. Откуда произошло это мнѣніе, мы сейчасъ увидимъ. Процессъ начинается съ обычнаго вопроса, признаетъ ли себя обвиняемый христіаниномъ. За утвердительнымъ отвѣтомъ слѣдуетъ увѣщаніе принести клятву предъ геніемъ императора. Аполлоній на это отвѣчаетъ длинной рѣчью, смыслъ которой тотъ, что христіанинъ можетъ клясться только передъ такимъ богомъ, который не сдѣланъ руками человѣка. Послѣ короткаго перерыва онъ продолжаетъ затѣмъ совершенно въ духѣ апологетовъ, при чемъ напираетъ на то обстоятельство, что христіане въ своихъ молитвахъ просятъ небеснаго владыку о ниспосланіи благъ царю земному. Послѣ этого осужденному дается три дня на размышленіе. Затѣмъ, при огромномъ стеченіи народа, начинается главная часть процесса, и Аполлоній на новый вопросъ намѣстника отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ извѣстно о рѣшеніи сената..., тѣмъ не менѣе страхъ Божій не позволяетъ мнѣ поклоняться идоламъ, сдѣланнымъ руками человѣка. Поэтому, трудно заставить меня поклоняться золоту или серебру, или мѣди, или желѣзу, или деревяннымъ, или каменнымъ ложно такъ называемымъ богамъ, которые и не видятъ и не слышатъ, ибо они произведенія ремесленниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, художниковъ, искусственныя созданія человѣка, которыя не могутъ двигаться сами собою. За то я служу Богу, который въ небѣ, ему приношу я свои моленія... Ибо позорно поклоняться тому, что стоитъ на одной ступени съ человѣкомъ или даже ниже демоновъ. Слишкомъ покорные люди совершаютъ тяжкій грѣхъ, поклоняясь тому, что въ сущности представляетъ ничто иное, какъ безполезный кусокъ камня, сухое дерево, грубый металлъ или мертвыя кости. Что значитъ этотъ вздорный обманъ? Вѣдь такъ же египтяне поклонялись чашѣ, которую многіе называютъ просто ножной ванной, и многимъ другимъ мерзостямъ. Аѳиняне до сихъ поръ еще чтутъ черепъ быка, называя его счастьемъ аѳинянъ; поэтому они не въ состояніи молиться собственнымъ богамъ...» Далѣе слѣдуетъ жестокое нападеніе на религію египтянъ, которое составляетъ непремѣнную принадлежность полемики апологетовъ, а затѣмъ Аполлоній переходитъ къ характеристикѣ боговъ, также сплошь и рядомъ встрѣчающейся у апологетовъ. «Они называютъ богами тѣхъ, которые раньше были людьми, какъ это доказывается миѳами. Ибо про Діониса говорятъ, что онъ былъ разодранъ на части, про Геракла, что

онъ живымъ былъ положенъ на костеръ, про Зевса, что онъ погребенъ на крышѣ. Подобныя же исторіи миѳы разсказываютъ и объ ихъ потомствѣ. Вслѣдствіе отсутствія въ нихъ какой-либо божественности я отвергаю ихъ». Намѣстникъ неоднократно прерываетъ потокъ крайне тривіальныхъ рѣчей обвиняемаго, при чемъ одинъ разъ въ разговоръ вмѣшался даже одинъ изъ циниковъ. Одно время судебный процессъ едва не принялъ характера религіознаго диспута. Во всякомъ случаѣ рѣчь Аполлонія становится все оживленнѣе, онъ характеризуетъ сущность Христа, описываетъ его страданія и доходитъ, наконецъ, совершенно какъ апологеты, до указанія на Сократа, какъ предшественника Христа: «Онъ (т. е. Христосъ), подобно праведникамъ и философамъ до него, подвергался яростнымъ гоненіямъ со стороны невѣждъ. Ибо неправедные ненавидятъ праведныхъ... Платонъ говоритъ слѣдующее: праведный же будетъ подвергнутъ истязаніямъ, пыткамъ, будетъ закованъ, ослѣпленъ на оба глаза и, послѣ того, какъ онъ претерпитъ всѣ муки, его посадятъ на колъ. Подобно тому, какъ надъ Сократомъ аѳинскими клеветниками былъ произнесенъ несправедливый приговоръ, послѣ того, какъ они склонили къ этому народъ, такъ и нашему учителю и спасителю нѣкоторые изъ злодѣевъ вынесли обвинительный приговоръ, послѣ того, какъ они связали его»... Затѣмъ мученикъ заканчиваетъ, также въ чисто апологетическомъ духѣ, заявленіемъ, что даже въ томъ случаѣ, если христіанская вѣра неправедна, какъ это утверждаютъ противники, что и тогда христіане охотно останутся при своемъ заблужденіи, ибо оно вывело ихъ на путь добродѣтели. Послѣ нѣкотораго совѣщанія намѣстникъ, который самъ охотно отпустилъ бы его на свободу, но долженъ подчиняться императору, приказываетъ перебить ноги осужденному, и мученикъ умираетъ съ громкой молитвой къ своему спасителю на устахъ.

Даже сравнительно свободное теологическое изслѣдованіе видитъ въ этихъ актахъ Аполлонія точный отчетъ одного изъ процессовъ мучениковъ и съ полнымъ душевнымъ удовлетвореніемъ взираетъ на смѣлаго философа, такъ восторженно защищающаго свою вѣру. Но такой взглядъ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ словахъ Аполлонія не видно ни малѣйшей искры философскаго ума; все, что онъ говоритъ, какъ мы это не разъ уже замѣчали, представляетъ собою лишь самую тривіальную апологетическую премудрость; безъ всякаго слѣда самостоятельности приводитъ онъ всѣ мотивы этой литературы до упоминанія о Сократѣ включительно, даже самую вставку словъ циника, если мы вспомнимъ насмѣшки аѳинскихъ философовъ надъ апостоломъ Павломъ, мы должны будемъ отнести сюда же. Неужели же мы дѣйствительно можемъ повѣрить, чтобы разумный языческій судья позволилъ обвиняемому развивать до конца эти избитыя фразы, встрѣчавшіяся во множествѣ философскихъ трактатовъ, и даже самъ временами вступалъ бы въ споръ? Вѣдь, не для этого же онъ былъ назначенъ императоромъ. Нѣтъ, вся эта литература крайне сомнительна. и процессъ Аполлонія не составляетъ исключенія. Онъ стоитъ въ самомъ началѣ всѣхъ этихъ дѣяній мучениковъ, заключающихъ въ себѣ, наряду съ подробнѣйшими описаніями пытокъ, безконечныя рѣчи мучениковъ о ничтожествѣ боговъ, о значеніи Сократа и вообще о греческихъ философахъ. Такъ какъ невозможно, чтобы христіане всегда повторяли однѣ и тѣ же теологическіе диспуты, и такъ какъ послѣдніе почти цѣликомъ совпадаютъ съ замѣчаніями апологетовъ, то всѣ эти описанія процессовъ, включая и процессъ Аполлонія, цѣнны для насъ лишь въ чисто литературномъ отношеніи, картины же самаго хода процесса, точнаго протокола его мы до сихъ поръ еще не имѣемъ.

Вернемся, однако, послѣ этого (необходимаго, впрочемъ) отступленія

къ нашей основной темѣ. При преемникѣ Марка Аврелія, Коммодѣ, для христіанъ въ общемъ наступили лучшія времена. Любовница императора, Марція, была христіанкой, и ея вліяніе на слабаго императора имѣло, конечно, значеніе для ея единовѣрцевъ. Но затѣмъ обстоятельства снова перемѣнились. Жестокій императоръ *Септимій Северъ* въ 201 году запретилъ переходъ въ іудейство, а затѣмъ также и въ христіанство. Новыя строгости создали и новыхъ мучениковъ; дѣла послѣднихъ также дошли до насъ. Многіе христіане бѣжали отъ преслѣдованій, нѣкоторые отрекались отъ своей вѣры и приводили оправданія. До настоящихъ гоненій на всемъ пространствѣ имперіи дѣло не дошло и въ этотъ разъ, а въ скоромъ времени, при преемникахъ африканскаго императора, для Христовой церкви наступили болѣе спокойныя времена; особенно, повидимому, склонялся въ пользу новой религіи, съ заповѣдями которой онъ былъ знакомъ, благородный, хотя и слабовольный, императоръ *Александръ Северъ*.

Постепенно, однако, настала крайне тяжелая эпоха. Чѣмъ энергичнѣе и жесточе дѣлаются представители имперіи на тронѣ Цезарей, чѣмъ съ большей страстностью греческая философія обрушивается на христіанство, тѣмъ хуже становится внѣшнее положеніе христіанъ. Императоръ Максиминъ, храбрый, но грубый ѳракіецъ, прекрасно зналъ, что дѣлалъ, когда приказывалъ преслѣдовать настоятелей общинъ, т. е. церковный клиръ. Хотя и это преслѣдованіе ограничилось узкими предѣлами, но тѣмъ не менѣе сознаніе серьезной опасности заставило отца церкви Оригена обратиться къ паствѣ съ посланіемъ, въ которомъ онъ называетъ императора новымъ Навуходоносоромъ и настоятельно призываетъ вѣрующихъ идти на мученичество. И въ самомъ дѣлѣ, христіане нуждались въ поддержкѣ, ибо отпаденіе,—конечно, только на время гоненій,—сдѣлалось излюбленнымъ средствомъ спасенія, и появились даже сектантскіе богословы, которые допускали отреченіе отъ вѣры въ случаѣ крайней необходимости. Противъ этого со всею силою ополчились великіе отцы церкви, и впереди всѣхъ—Тертулліанъ и Оригенъ. Черезъ послѣдняго мы узнаемъ, между прочимъ, къ какимъ, прямо-таки іезуитскимъ, пріемамъ прибѣгали робкіе христіане, впрочемъ побуждаемые къ тому самими язычниками (ср. главу V), чтобы оправдаться въ своихъ собственныхъ глазахъ. По ихъ мнѣнію, можно громко взывать къ богамъ, какому-нибудь Зевсу, Геліосу или Аполлону, лишь бы при этомъ думать только о высшемъ Богѣ; ибо слова, вѣдь, составлены вполнѣ произвольно и не имѣютъ никакого естественнаго отношенія къ вещамъ. Оригенъ такое объясненіе вполнѣ справедливо называетъ софизмомъ.

Кратковременное правленіе араба *Филиппа* было лишь затишьемъ передъ бурей. Въ христіанскомъ лагерѣ многіе считали его своимъ единовѣрцемъ. Хотя врядъ-ли онъ былъ таковымъ въ дѣйствительности, какъ мягко онъ ни относился къ христіанамъ. При немъ исполнилось тысячелѣтіе города Рима. По случаю этого юбилея происходили торжественныя празднества въ честь боговъ, сдѣлавшихъ благочествую римскую націю первой въ мірѣ. Конечно, эти празднества заставляли перваго человѣка въ государствѣ не выходить изъ рамокъ національной религіи. Послѣ него наступили первыя систематическія, всеобщія гоненія; они связаны съ страшнымъ именемъ *Деція*. Децій былъ соперникомъ Филиппа; онъ царствовалъ всего два года, но за эти два года онъ дошелъ до такого фанатизма противъ христіанъ, какого раньше никогда не бывало. Намѣстникамъ былъ отданъ приказъ принуждать христіанъ къ національному культу. Послѣднимъ былъ назначенъ срокъ, къ которому они должны заявить о своемъ переходѣ къ старой религіи. Въ случаѣ бѣгства, имущество христіанъ конфисковывалось; оставшіеся же привлекались къ суду,

который приговаривалъ ихъ къ изгнанію и лишенію имущества или же нерѣдко и къ смертной казни.

Разсказы объ этихъ преслѣдованіяхъ еще больше, чѣмъ извѣстія о прежнихъ гоненіяхъ, говорятъ объ отпаденіи многихъ христіанъ. Власти выдавали свидѣтельства о совершеніи жертвоприношенія; такой документъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ найденъ въ Египтѣ. Дѣло касается одного христіанина, Аврелія Діогена, изъ селенія «Александровъ Островъ»; этотъ христіанинъ подаетъ прошеніе чиновникамъ, назначеннымъ для наблюденія за жертвоприношеніями. Послѣ характеристики самого себя онъ дѣлаетъ слѣдующее признаніе: «Я всегда ревностно приносилъ жертвы богамъ и теперь также, послѣ (императорскихъ) приказовъ въ вашемъ присутствіи принесъ жертву, (пилъ) и (ѣлъ) отъ жертвы, о чемъ и прошу васъ засвидѣтельствовать ниже. Прощайте. Я, Аврелій Діогенъ, подалъ это прошеніе»—Далѣе слѣдуетъ свидѣтельство администраціи: «Свидѣтельствую, что Аврелій принесъ жертву. Въ (первый) годъ императора Цезаря Гая Мессія Квинта Траяна *Декія*, благочестиваго, счастливаго, великаго; 26-го іюня». Такой клочекъ папируса, подобное свидѣтельство драгоцѣннѣе, чѣмъ трогательныя жалобы на жестокости гоненій риторическихъ отцовъ церкви или пропитанные кровью житія мучениковъ. Передъ нашими взорами моментально встаетъ картина преслѣдованій; мы видимъ весь бюрократическій аппаратъ въ движеніи, узнаемъ его превосходную организацію, простирающую свою чиновную руку даже до деревень Египта, а также узнаемъ и объ отпаденіи христіанъ. Дополненіемъ къ этому служитъ извѣстіе отца церкви *Кипріана*. Онъ негодуетъ на христіанъ за ихъ быструю готовность приносить жертвы языческимъ богамъ. Еще до насильственнаго принужденія они уже спѣшили исполнить желаніе властей и заставляли даже дѣтей принимать участіе въ жертвоприношеніи. Многіе, по мнѣнію Кипріана, поступали такъ, чтобъ предупредить конфискацію своего имущества. Снисхожденія заслуживаютъ только тѣ, кто не въ силахъ былъ перенести мученія. Ото всѣхъ же другихъ отецъ церкви требуетъ самаго строгаго покаянія прежде, чѣмъ они вновь могутъ быть приняты въ лоно церкви—Кипріанъ самъ бѣжалъ отъ преслѣдованій Декія. Этотъ поступокъ его подвергся, конечно, сильному осужденію. Однако, отецъ церкви оправдывалъ себя тѣмъ, что въ случаѣ его смерти церковь осталась бы безъ руководителя. Во время послѣдовавшихъ вскорѣ затѣмъ новыхъ всеобщихъ гоненій при императорѣ *Валеріанѣ*, когда наказанію подвергались всѣ вообще когда-либо бывшіе христіанами, Кипріанъ также принялъ мученическій вѣнецъ.

Въ третій разъ государство во всеоружіи поднялось противъ христіанъ, когда бразды правленія перешли въ руки великаго реформатора *Діоклетіана*. Церкви подлежали разрушенію, литература христіанъ должна была быть уничтожена, рабы за свою принадлежность къ христіанству теряли право на освобожденіе. Эдиктъ слѣдовалъ за эдиктомъ, послѣдній изъ нихъ отдавалъ строгій приказъ всѣхъ христіанъ, во что бы то ни стало, принуждать къ жертвоприношенію. Особенные ужасы творились въ это время въ Египтѣ. Однако коронованный поборникъ національнаго культа потерпѣлъ крушеніе; какой популярностью ни пользовались его пріемы, какъ ни энергично поддерживала его языческая литература,—тѣмъ не менѣе ему пришлось бы одну половину своихъ подданныхъ заставить истребить другую. Это была послѣдняя гигантская попытка язычества воспрепятствовать побѣдѣ христіанства; десять лѣтъ спустя, въ 313 году, появляется великій миланскій эдиктъ о вѣротерпимости *Константина* и *Лицинія*. Внѣшняя борьба этимъ почти закончилась; вскорѣ наступило даже такое время, когда могла появиться книга, приписываемая *Лактанцію*, въ которой съ ненавистью описываются различные роды смерти всѣхъ гонителей, и

когда, наконецъ, одинъ ревнитель христіанства призываетъ сыновей Константина къ преслѣдованію язычниковъ. Кратковременная реакція Юліана Отступника, хотя и пробудила вновь всѣ страсти жгучей, двухсотлѣтней борьбы, но теперь споръ ограничился, главнымъ образомъ, лишь словесной борьбою: въ общемъ еще менѣе радостное зрѣлище, чѣмъ то, когда мученики по приказу проконсула шли на смерть.

Если мы еще разъ бросимъ взглядъ на всю эту великую эволюцію, то мы не должны затемнять ясность нашего взора розовыми облаками энтузіазма. Кровь мучениковъ послужила цементомъ при постройкѣ церкви, такъ говорятъ католики и большинство протестантовъ; воля Божія, какъ и всегда оказалась сильнѣе людской злобы. Несомнѣнно, что безъ гоненій церковь не проявила бы такого могучаго роста. Всякое убѣжденіе очищается и усиливается испытаніемъ огнемъ. Но существуютъ разныя испытанія огнемъ. Если оно тянется слишкомъ долго и, огонь не переставая раздувается, то даже самый твердый, самый благородный металлъ будетъ расплавленъ. Вполнѣ правильно было сказано: идеи жили въ головахъ; если бы отрубили головы. то идеи перестали бы существовать. Постоянное, въ теченіе вѣковъ, направленное къ единственной цѣли истребленія всѣхъ иначе мыслящихъ, безпощадное, послѣдовательное гоненіе въ концѣ концовъ уничтожило бы христіанство. Мы же видимъ, что сдѣлала своей желѣзной послѣдовательностью изъ Испаніи, опиравшаяся на фанатизмъ невѣжественнаго народа, инквизиція здѣсь система дѣйствительно побѣдила потому, что она дѣйствовала поразительно исправно и долго. Но здѣсь энтузіазму новой вѣры противостоялъ фанатизмъ противника. Послѣдняго и не доставало древнему міру, ибо ненависть къ христіанамъ не представляла собою чего-либо положительнаго. Отдѣльныя выступленія намѣстниковъ приносили лишь частичный вредъ, послѣднія же нападенія императоровъ явились *слишкомъ поздно*. Такимъ образомъ, римская религія, а съ нею государство, проиграла игру не столько вслѣдствіе побѣды противника, сколько благодаря собственной винѣ. Въ насъ же это зрѣлище, не смотря на всю отвратительность гоненій и всѣ жестокости, творившіяся при этомъ возбуждаетъ все-таки меньшій ужасъ, чѣмъ событія позднѣйшаго времени, когда та же система преслѣдованій изъ года въ годъ воздвигала костры, на которыхъ христіане, именемъ Бога и во славу его, сжигали христіанъ.

IV. Литературная борьба съ греками и римлянами.

1. Первыя выступленія.

Ни одно умственное движеніе не выступало съ такой силою въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, какъ христіанство. Мы познакомились уже съ апокалипсисами и сивиллами, съ ихъ смѣлыми нападками на Вавилонъ-Римъ, теперь предметъ нашего разсмотрѣнія составятъ философскія сочиненія, направленныя противъ язычества, т. е. главнымъ образомъ противъ представителей греческаго міровоззрѣнія, а въ послѣдней главѣ мы увидимъ, что наряду съ борьбой противъ римскаго государства велась также ожесточенная борьба внутри самаго христіанства, противъ сектъ. Такимъ образомъ, христіанская церковь по отношенію къ остальному міру дѣйствительно оказывалась тѣмъ, за что она, увѣренная въ своемъ назначеніи, уже ранѣе выдавала себя, т. е. новымъ народомъ. Какъ мы уже отчасти видѣли, христіанство вело борьбу по всей линіи почти только въ видѣ наступленія. Мы увидимъ это еще разъ, какъ изъ настоящей, такъ и изъ обѣихъ слѣдующихъ главъ.

Первыя нападенія христіанству пришлось выдержать со стороны іудейства: первый мученикъ былъ Стефанъ, одинъ изъ самыхъ яростныхъ гонителей—Павелъ. Нероновскія убійства христіанъ, какъ замѣчено уже выше, инспирированы, вѣроятно, евреями, и еще изъ болѣе поздняго времени мы имѣемъ доказательства борьбы христіанства съ іудействомъ. Такъ. напр., одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ христіанства, платоникъ *Цельзъ*, во введеніи къ своему полемическому сочиненію заставляетъ выступать, какъ бы въ видѣ развѣдчика, одного еврея [1]). Но одновременно юныя силы новаго ученія направляются также на борьбу съ греками и римлянами. Впрочемъ, послѣдняя не представляетъ собою чего-либо вполнѣ новаго; іудеи также вынуждены были защищаться отъ критики со стороны язычества. Аллегорическія толкованія писанія, къ которому позднѣе прибѣгали еврейскіе ученые. представляли собою средство защиты противъ языческой критики библіи. Но кромѣ того, мы обладаемъ также сочиненіями, которыя гораздо прямѣе, непосредственнѣе, положительнѣе обращаются противъ язычества,—это тракты благороднаго мыслителя *Филона* и апологія извѣстнаго историка *Іосифа*. Филонъ, какъ мы замѣтили уже ранѣе всецѣло проникнутый эллинскими воззрѣніями, глубокая, серьезная личность, вовсе не является поборникомъ христіанства, какъ ни глубоко въ немъ сознаніе Бога, какъ ни смѣшны кажутся ему греческія божества; его идеалъ—созерцательная жизнь, и этотъ идеалъ, кажется ему, достигнутъ извѣстной іудейской сектой. Но онъ не апостолъ теоріи, не пламенный ораторъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ совершенно противоположный ему Іосифъ—человѣкъ, полный общечеловѣческихъ, специфически іудейскихъ, можно даже сказать: специфически греческихъ недостатковъ. Во время великой іудейской войны Веспасіана онъ во время для своей личной безопасности перешелъ на сторону врага своего народа, въ лагерь Флавіевъ, которымъ затѣмъ сталъ служить со страстью ренегата. Однако, дѣло его народа все-таки оставалось ему близкимъ, и такъ какъ сильная іудейская пропаганда въ римскомъ государствѣ встрѣчала много энергичныхъ враговъ, рѣзко нападавшихъ въ своихъ писаніяхъ на притязанія іудеевъ, то въ одномъ полемическомъ сочиненіи онъ обратился противъ цѣлаго ряда этихъ авторовъ, стремясь доказать, что на свѣтѣ никогда не существовало болѣе справедливаго, болѣе умнаго, болѣе значительнаго народа, чѣмъ евреи, которые всегда по своей культурѣ во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше грековъ,—вѣдь греки и были главнымъ врагомъ. Полемика Іосифа, перемѣшанная съ омерзительными личными нападками, представляетъ собою, несмотря на весь ея историческій интересъ, далеко не отрадное, а подчасъ даже прямо-таки отвратительное явленіе: это высокомѣрное, сухое произведеніе пропаганды. Какую чудесную, освѣжающую противоположность всему этому представляетъ первое полемическое выступленіе христіанства. Это такой же контрастъ, какъ между мрачнымъ іудейскимъ апокалипсисомъ который на дымящихся развалинахъ Іерусалима ведетъ разговоръ съ Богомъ. и трубнымъ гласомъ апокалипсиса Іоанна. Изъ каморки мыслителя Филона, отъ наполненной желчью чернильницы Іосифа мы какъ бы вдругъ дуновеніемъ исторіи переносимся на одно изъ священнѣйшихъ мѣстъ древности, въ аѳинскій ареопагъ. Передъ нами стоитъ апостолъ Павелъ и проповѣдуетъ о невѣдомомъ Богѣ и противъ ложныхъ божествъ. Вмѣсто комнатнаго потолка — надъ нимъ синее небо Аттики, вмѣсто пера въ рукѣ—у него живое слово на устахъ; у ногъ его недовѣрчиво улыбающіеся эпикурейцы и стоики, въ его сердцѣ

[1]) Я, конечно, не касаюсь здѣсь выступающей уже въ евангеліяхъ апологетической тенденціи.

глубокая вѣра въ побѣду своего ученія. И тѣмъ не менѣе, и это все едва-ли когда-либо происходило въ дѣйствительности, и эта картина также лишь произведеніе литературы. Но здѣсь это безразлично; недавно было сдѣлано вѣрное замѣчаніе, что проповѣдь Павла въ Аѳинахъ въ высшемъ смыслѣ полна исторической истины. Высказанныя имъ мысли о томъ, что греки глубоко въ душѣ уже чувствовали Бога, но что этотъ Богъ не живетъ въ храмахъ и не сдѣланъ руками человѣка, что Богъ послѣ вѣковъ невѣжества призываетъ людей къ покаянію, наконецъ указаніе на страшный судъ и воскресеніе мертвыхъ—все это уже содержитъ въ себѣ въ зародышѣ идеи позднѣйшей апологетики. Это—программа будущаго. Ибо, какъ апологетика (защитительная литература) лишь въ самой небольшой степени соотвѣтствуетъ дѣйствительному смыслу этого слова и представляетъ собою почти сплошное наступленіе, именно потому, что она чувствуетъ себя застрѣльщицей новой вѣры, новаго народа, такъ и проповѣдь Павла является нападеніемъ прямо на центръ вражескаго лагеря, на палатку полководца, на философскія Аѳины. И то обстоятельство, что предметомъ нападокъ со стороны философовъ служитъ, главнымъ образомъ, воскресеніе мертвыхъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ антично-языческому чувствованію; противъ этого догмата язычество боролось всего дольше и самыми сильными средствами. Такимъ образомъ, проповѣдь Павла представляетъ собою до извѣстной степени идеальную сводку всѣхъ этихъ первыхъ споровъ съ греческимъ міромъ, она соединяетъ ихъ въ одномъ лицѣ, въ лицѣ апостола язычниковъ Павла. Она остается прелюдіей всей христіанской апологетики.

Рядомъ съ проповѣдью Павла современемъ появляется апокрифическое сочиненіе, которое однако значительно уступаетъ въ оригинальности первой. Это такъ называемая *проповѣдь Петра*, отъ которой до насъ дошла лишь одна цитата. Она начинается указаніемъ на единаго Бога: «Узнайте же, что существуетъ только *одинъ* Богъ, который сотворилъ начало всего, и во власти котораго находится конецъ всего. Онъ невидимъ и тѣмъ не менѣе видитъ все, онъ необъемлемъ и тѣмъ не менѣе объемлетъ все, онъ не нуждается ни въ чемъ, а въ немъ нуждается все, имъ все существуетъ. Онъ непостижимъ, вѣченъ, безконеченъ, никѣмъ не сотворенъ, онъ самъ сдѣлалъ все словомъ своей силы. Почитайте же этого Бога не такъ, какъ греки; ибо они позволяютъ увлекать себя невѣдѣнію и понимаютъ Бога не такъ, какъ мы въ вашемъ совершенномъ познаніи, и изъ того, чѣмъ Богъ далъ имъ власть пользоваться, они дѣлаютъ себѣ изображенія изъ дерева, камня, мѣди, желѣза, серебра и золота, и ставятъ на пьедесталъ то, что было подчинено матеріи, и поклоняются ему; и то, что Богъ далъ имъ для пищи и употребленія, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ, и червей земныхъ, и звѣрей и четвероногихъ полевыхъ животныхъ, хорьковъ и мышей, кошекъ и собакъ и обезьянъ (почитаютъ они); и собственную пищу приносятъ они въ жертву животнымъ, которыя также служатъ для питанія, и мертвое приносятъ они мертвецамъ, считая послѣднихъ за боговъ, и такъ они проявляютъ неблагодарность къ Богу, ибо этимъ отрицаютъ, что онъ существуетъ. И не почитайте Бога такъ, какъ іудеи, ибо хотя они и думаютъ, что они одни познали Бога, но тѣмъ не менѣе они не понимаютъ этого, поклоняясь ангеламъ и архангеламъ, мѣсяцу и лунѣ. И если не свѣтитъ луна, то они не празднуютъ субботы, которую они называютъ первой, ни праздника опрѣсноковъ, ни великаго дня». Изъ этого отрывка мы узнаемъ двоякаго рода вещь: прежде всего зависимость отъ греческой полемики, которая всегда держала про запасъ насмѣшки надъ египетскимъ почитаніемъ звѣрей, и въ тѣснѣйшей связи съ этимъ неумѣнье литературно излагать свои мысли. Египетскій звѣриный культъ безъ всякой

связи вовлекается въ полемику противъ греческихъ божествъ, и этимъ нашъ авторъ обнаруживаетъ, что онъ далеко еще не вполнѣ оріентировался въ этой области.

Та же безпомощность, въ извѣстномъ смыслѣ, сохраняется и въ позднѣйшее время; что-то прямо-таки трогательное заключается въ неувѣренныхъ еще шагахъ древняго христіанства въ области того, что тогда называли философіей. Христіане, несмотря на всю ту энергію, съ которой они выступали противъ греческой философіи, сами нерѣдко называли себя философами, съ одной стороны потому, что къ этой классификаціи принуждали литературные обычаи древности, съ другой стороны потому, что и они сами довольно часто, вѣроятно, чувствовали нѣкоторую зависимость отъ эллинской философіи. И они имѣли на это во всякомъ случаѣ такое же право, какъ и то множество странствующихъ философовъ, которые шатались тогда по міру и присвоивали себѣ возвышенное имя философовъ. Но тѣмъ не менѣе отношеніе христіанъ къ философіи было и остается довольно неяснымъ. Языческое образованіе, весь окружающій ихъ міръ даетъ имъ для борьбы съ языческимъ культомъ совершенно то же оружіе, которымъ еще много столѣтій до нихъ пользовались философы. Но эта борьба есть лишь отрицаніе; положительную же часть ихъ ученія составляетъ религія, не возникшая изъ мыслящаго духа, а воспринятая и рожденная изъ священнаго трепета богодовхновеннаго чувства,—религія, а не философія. Поэтому, нѣкоторые изъ христіанъ и не желаютъ ничего слышать о философахъ и рѣзко и грубо высмѣиваютъ ихъ. Даже личность самого Сократа для нѣкоторыхъ христіанъ не является священной. Большинство признаетъ, что съ нимъ необходимо считаться, многіе видятъ въ немъ даже нѣчто въ родѣ предчувствія Христа, но такъ какъ, въ концѣ концовъ, онъ не могъ абсолютно удовлетворять всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ христіанствомъ къ человѣку, то они стараются найти въ немъ всяческія ошибки и, наконецъ, даже порочатъ его не менѣе, чѣмъ другихъ философовъ. Позже, когда христіанство стало все болѣе и болѣе охватывать также и образованные круги общества, выработалась собственная христіанская философія, которая, воспринявъ всю изощренность эллинскаго ума, несомнѣнно совершила насиліе надъ самой драгоцѣнной частью религіи. И это, конечно, религіи самой по себѣ, какъ и всегда, послужило лишь къ ущербу.

Впрочемъ, въ болѣе древнюю эпоху дѣло до этого еще, къ счастью, не доходило; мы встрѣчаемъ тогда нѣсколько смѣлыхъ, простыхъ людей, которые, хотя и называютъ себя философами и стараются мыслить философски, но въ сущности вовсе не заслуживаютъ этого названія въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ ему. Древнѣйшимъ изъ этихъ поборниковъ христіанства, которыхъ, какъ мы уже указывали выше, не совсѣмъ правильно называютъ апологетами, является открытый около 14 лѣтъ тому назадъ *Аристидъ*, который самъ себя называлъ философомъ изъ Аѳинъ. Апологія его адресована къ императору *Антонину Пію*, мало энергичному, уже немолодому человѣку, который, если и видѣлъ когда-либо это произведеніе, то просто, вѣроятно, отложилъ его къ прочимъ бумагамъ. Если же онъ и читалъ его, то уже съ первыхъ страницъ почувствовалъ, должно быть, смертельную скуку. На него, какъ на человѣка языческаго образованія, врядъ ли могло оказать иное дѣйствіе это произведеніе, которое начиналось съ обычной полемики противъ ложныхъ боговъ и идоловъ греческаго міра: все это императоръ, конечно, уже ранѣе встрѣчалъ у философовъ того времени. Совершенно иначе относимся къ этому произведенію мы. Для насъ оно является драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ, трогательнымъ, какъ я сказалъ, документомъ по исторіи этой полемической литературы. Въ первой полемической части авторъ всецѣло находится подъ властью традиціи,

онъ подчасъ крайне неуклюже высказываетъ самыя обыденныя мысли, которыя тогда носились въ воздухѣ. Онѣ являются для него чѣмъ-то чуждымъ, воспринятымъ лишь съ внѣшней стороны, но тѣмъ не менѣе онъ глубоко убѣжденъ въ ихъ правильности, потому что онѣ переданы ему, и поэтому онъ повторяетъ ихъ, какъ бы желая, чтобъ онѣ лучше запечатлѣлись въ умѣ читателя, и даже будто провѣряя самого себя. Такимъ образомъ, несмотря на свое названіе философа, онъ здѣсь является лишь начинающимъ писателемъ, и это-то какъ разъ и заключаетъ въ себѣ что-то трогательное и дѣлаетъ его для насъ гораздо интереснѣе многихъ вполнѣ опытныхъ авторовъ послѣдующаго времени. Апологія его начинается совершенно по образцу стоиковъ: «Меня, о цезарь, произвело на свѣтъ провидѣніе Божіе. И когда я наблюдалъ небо и землю и море, солнце, луну и все прочее, я удивился порядку, господствующему всюду. И понялъ я, что этотъ міръ и все въ немъ двигается необходимостью, и увидѣлъ я, что тотъ, кто приводитъ все это въ движеніе и кто господствуетъ въ мірѣ, есть Богъ, невидимый въ мірѣ и скрытый міромъ; ибо все, что двигаетъ, сильнѣе того, что находится во власти». Проникновеніе въ эти первоосновы Аристидъ отвергаетъ, такъ какъ Богъ непостижимъ ни для кого: «Я же говорю, что Богъ никѣмъ не произведенъ на свѣтъ, никѣмъ не сдѣланъ, что онъ никѣмъ не объемлемъ, но самъ объемлетъ все, что онъ безъ начала и конца, вѣчный, безсмертный, совершенный и непостижимый. Совершенный же... значитъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ недостатковъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, а въ немъ нуждается все. А что я сказалъ, что онъ не имѣетъ начала, означаетъ, что все имѣющее начало имѣетъ также и конецъ, а что имѣетъ конецъ, то можетъ быть разгадано. Онъ не имѣетъ имени, ибо все имѣющее имя родственно творенію. Онъ не имѣетъ ни образа, ни членовъ, ибо имѣющій это соотвѣтствуетъ сотвореннымъ вещамъ». И въ томъ же духѣ авторъ продолжаетъ далѣе, существо Божіе характеризуется согласно древней манерѣ, чисто отрицательными свойствами. Далѣе, авторъ дѣлитъ людей на три рода, смотря по религіи: на идолопоклонниковъ, іудеевъ и христіанъ. Онъ показываетъ, какъ всѣ язычники впали въ заблужденіе, и тѣ, которые поклоняются стихіямъ и небеснымъ свѣтиламъ, и тѣ, которые чтутъ поэтическихъ боговъ грековъ; при этомъ излагаетъ онъ все это крайне утомительно, основной мотивъ всегда остается одинъ и тотъ же, именно, что эти предметы почитанія либо измѣнчивы, либо подчинены опредѣленнымъ законамъ, либо, наконецъ, не въ состояніи сами себѣ помочь. Такъ напр., про солнце онъ говоритъ, что оно не можетъ быть богомъ потому, что оно вынуждено двигаться по извѣстному пути, имѣетъ опредѣленныя обязанности, совершенно лишено собственной воли, и что путь его можетъ быть вычисленъ заранѣе. Съ особенной рѣзкостью, подобно іудейскимъ писателямъ, Аристидъ нападаетъ затѣмъ на высокомѣрныхъ грековъ, которые воображаютъ себя мудрецами, а сами хуже варваровъ, поклоняющихся солнцу. Миѳы и религіозныя представленія грековъ разбираются по опредѣленной схемѣ, и апологетъ показываетъ своимъ противникамъ, что такая грѣшная компанія, какъ олимпійскіе боги, способна своимъ дурнымъ примѣромъ уничтожить всякую нравственность и добродѣтель: упрекъ, построенный вполнѣ по греческому образцу. Особенно тщательно авторъ копается въ грѣхахъ Зевса и развертываетъ одинъ изъ тѣхъ длинныхъ листовъ Лепорелло, на которыхъ записаны всѣ прелюбодѣянія царя боговъ. Для характеристики возьмемъ, напр., отрывокъ объ Аполлонѣ и Артемидѣ: «И послѣ этого они приводятъ другого бога и называютъ его Аполлономъ. Про него говорятъ они, что онъ завистливъ и измѣнчивъ и то ходитъ съ лукомъ и колчаномъ, то съ киѳарой и плектрономъ, и онъ дѣлаетъ людямъ предсказанія. чтобы полу-

чить отъ нихъ награду. А нуждается ли этотъ богъ въ наградѣ? Позорно, что все это находятъ въ богѣ.—И послѣ него приводятъ онъ Артемиду, богиню, сестру Аполлона, и говорятъ, что она была охотницей и носила лукъ и стрѣлы и съ собаками скиталась по горамъ, гоняясь за оленями или дикими кабанами. Позорно, что молодая дѣвушка одна скитается по горамъ и охотится на звѣрей. И поэтому невозможно. чтобъ Артемида была богиней». И то же самое повторяется о каждомъ богѣ; я думаю, мы получили достаточное представленіе о монотонности и отсутствіи оригинальности. Таже слабость отмѣчаетъ и дальнѣйшую критику египетскаго культа животныхъ, съ которой, какъ съ необходимой принадлежностью этой литературы, мы уже познакомились ранѣе.

Но вотъ начинается нѣчто новое, освѣжающее. Послѣ краткаго разсмотрѣнія іудейской религіи, въ приверженцахъ которой христіанинъ не отрицаетъ весьма совершеннаго познанія Бога и большой любви къ ближнимъ, онъ съ глубокой теплотой и убѣдительной силой переходитъ къ христіанамъ и даетъ подробную характеристику ихъ образа жизни. До извѣстной степени въ противоположность многочисленнымъ моральнымъ предписаніямъ древняго христіанства, въ противоположность *дебету*, эта характеристика содержитъ *кредитъ* христіанъ и выгодно отличается отъ невыносимаго самовосхваленія іудеевъ въ ихъ апологетическихъ сочиненіяхъ; ибо все, что здѣсь говорится о нравственности и воздержаніи христіанъ, подтверждается также и съ другой стороны, въ томъ числѣ и язычниками. «Они, говорится тамъ, не нарушаютъ браковъ..., не лжесвидѣтельствуютъ, не присваиваютъ себѣ чужого имущества и не прельщаются тѣмъ, что имъ не принадлежитъ; они чтутъ родителей, и тѣмъ, кто имъ близокъ, дѣлаютъ добро, и судятъ по справедливости. И они не молятся идоламъ, имѣющимъ образъ человѣка, и не дѣлаютъ другимъ того, чего они не хотятъ, чтобы дѣлали имъ, и они не употребляютъ въ пищу жертвенныхъ животныхъ, ибо они чисты, и на тѣхъ, которые угнетаютъ ихъ, они дѣйствуютъ убѣжденіемъ и дѣлаютъ ихъ своими друзьями, и врагамъ своимъ они творятъ добро. И жены ихъ чисты, о цезарь, какъ дѣвы, и дочери ихъ полны кротости, и мужчины ихъ воздерживаются отъ... всякой нечистоты въ надеждѣ на будущую награду, которая ожидаетъ ихъ на томъ свѣтѣ. Слугъ же своихъ и служанокъ и ихъ дѣтей склоняютъ они къ христіанству той любовью, съ которой они относятся къ нимъ. И когда тѣ дѣлаются христіанами, они всѣхъ ихъ безъ различія называютъ братьями. Они не молятся чуждымъ богамъ и живутъ въ смиреніи, творя добро, и ложь не встрѣчается среди нихъ; они любятъ другъ друга и заботятся о вдовахъ и сиротъ освобождаютъ отъ ихъ угнетателей, и имущій даетъ неимущему безъ зависти и когда они видятъ чужестранца, то приводятъ его къ себѣ въ домъ и радуются ему, какъ настоящему брату, ибо ни тѣхъ называютъ они братьями, кто братья имъ по плоти, а тѣхъ, кто братья по духу и въ Богѣ. Когда же умираетъ бѣдный, и христіанинъ видитъ это, то онъ по силамъ совершаетъ его погребеніе. И когда они слышатъ, что одинъ изъ нихъ заключенъ въ темницу и терпитъ угнетенія во имя Мессіи, то они стараются помочь ему въ его несчастьи, а если возможно освободить его, то и освобождаютъ. И если у нихъ находится нуждающійся и бѣдный, а они сами не имѣютъ излишка, то они постятся два или три дня и отдаютъ свою пищу бѣдному... Всякое утро и всякій часъ, взирая на благодѣянія, которыя Богъ оказываетъ имъ, они хвалятъ и славятъ Бога и благодарятъ его за пищу и питье. И когда праведникъ среди нихъ оставляетъ этотъ міръ, то они радуются и благодарятъ Бога и провожаютъ покойника, точно онъ переѣзжаетъ съ одного мѣста на другое. И когда у нихъ рож-

дается ребенокъ, то они воздаютъ хвалу Богу, а когда случается, что ребенокъ умираетъ, то они воздаютъ Богу еще большую хвалу за то, что сподобилъ дитя пройти этотъ міръ безъ грѣха. И когда они видятъ, что одинъ изъ нихъ умеръ въ безбожіи и во грѣхахъ, то они горько плачутъ надъ нимъ и вздыхаютъ, какъ будто ему предстоитъ наказаніе... И такъ проводятъ они время своей жизни. И такъ какъ они познаютъ благодѣянія, которыя Богъ оказываетъ имъ, то благодаря этому и красоты, которыми полонъ міръ, продолжаютъ существовать»... Затѣмъ Аристидъ предлагаетъ императору самому прочесть христіанскія книги; тогда онъ узнаетъ, что Аристидъ вовсе не защитникъ новаго ученія, что онъ говоритъ такъ по непосредственному побужденію, потому, что онъ читалъ писанія христіанъ и увидѣлъ, что предсказанія ихъ оправдались, другими словами потому, что онъ недавно еще самъ былъ язычникомъ. Еще разъ, съ еще большей силой напираетъ онъ на то, что міръ держится только благодаря молитвамъ христіанъ, еще разъ бросаетъ онъ на грековъ полный отвращенія взглядъ, убѣждаетъ ихъ бросить ихъ клеветы по отношенію къ христіанамъ и обратиться на путь истины и заканчиваетъ затѣмъ, какъ многія позднѣйшія христіанскія сочиненія, указаніемъ на грядущій судъ Божій.

Эта древняя апологія, которую, благодаря счастливой случайности, мы имѣемъ теперь въ цѣломъ видѣ, является типичной для многихъ слѣдующихъ апологій. Всѣ онѣ съ утомительнѣйшими подробностями и крайне неоригинально возвращаются постоянно къ борьбѣ противъ языческихъ воззрѣній, и только положительная часть, та часть, гдѣ говорится о дѣйствительномъ образѣ жизни христіанъ, дѣйствуетъ на насъ болѣе глубоко. Въ произведеніи Аристида мы видимъ христіанство уже въ центрѣ борьбы противъ своихъ враговъ. Апологетъ призываетъ язычниковъ бросить ихъ клеветы, и мы знаемъ, что онъ разумѣетъ при этомъ тѣ глупыя сказки, которыя обвиняли христіанъ въ безбожіи, каннибализмѣ и развратѣ. Однако, къ этимъ неуклюжимъ, скорѣе демагогическимъ, нападкамъ уже присоединились другія, болѣе утонченныя, болѣе колкія. Прежде всего полемика противниковъ—и, какъ уже замѣчено, не безъ виднаго участія въ борьбѣ іудеевъ, — направилась, повидимому, на личность основателя христіанской религіи; его называютъ безпомощнымъ, слабымъ и несмѣлымъ по отношенію къ врагамъ, говорятъ, что если онъ дѣйствительно былъ Сынъ Божій, то почему же онъ не явился во всемъ своемъ величіи передъ судьями, за его чудеса называютъ его волшебникомъ. Этому вполнѣ соотвѣтствуютъ въ воззрѣніи язычниковъ и представленія о христіанскомъ Богѣ. Съ тѣмъ же вопросомъ, съ какимъ прежде эпикурейцы обращались къ своимъ противникамъ-стоикамъ, теперь обращаются язычники къ христіанамъ. Если вашъ Богъ, говорятъ они, дѣйствительно вѣченъ, то гдѣ былъ онъ до сотворенія міра, что дѣлалъ онъ тогда? Кромѣ того, говорятъ они далѣе, христіане представляютъ себѣ Бога въ не менѣе человѣческомъ образѣ, чѣмъ греки своихъ боговъ: развѣ можно, напр., говорить о перстѣ Божіемъ или представлять себѣ Бога прогуливающимся по раю? Если Богъ не защитилъ Христа отъ враговъ, то онъ не защититъ и его послѣдователей: почему же Богъ не защищаетъ ихъ отъ несправедливостей? Если христіане дѣйствительно такъ, какъ они это говорятъ, стремятся къ Богу и къ смерти, то почему они не покончатъ съ собою добровольно для того, чтобы отправиться къ Богу. И далѣе, если Богъ ненавидитъ идоловъ и идолопоклонство, то совершенно непонятно, почему онъ не вмѣшается и не уничтожитъ жрецовъ. Впрочемъ, христіане весьма заблуждаются насчетъ своихъ противниковъ; послѣдніе и не думаютъ поклоняться самымъ изображеніямъ, изображенія лишь помогаютъ имъ въ ихъ человѣческой слабости. Кромѣ того, греки и римляне отлично знаютъ, что міромъ правитъ *единый* Богъ;

но подобно тому, какъ цезарю подчиненъ цѣлый штатъ чиновниковъ, такъ и боги являются лишь исполнителями высшей воли единаго Бога. Молиться этимъ богамъ есть дѣло простого благочестія. Да и христіанское ученіе далеко не является такимъ, какимъ его представляютъ его защитники, оно вовсе не единообразно, а дѣлится на секты, какъ философія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ христіане и не философы; ибо что за темную, необразованную и боящуюся свѣта компанію они представляютъ! Одинъ античный риторъ, въ общемъ одинъ изъ самыхъ поверхностныхъ болтуновъ, какіе когда-либо были, заявляетъ въ одной изъ своихъ утомительно-длинныхъ и въ общемъ крайне неинтересныхъ рѣчей, что эти люди, представляющіе собою полное ничтожество, осмѣливаются поносить такихъ мужей, какъ Демосѳенъ, въ то время, какъ въ каждомъ ихъ словѣ встрѣчается по меньшей мѣрѣ одна грамматическая ошибка. Презираемые сами, они презираютъ другихъ, судятъ о другихъ, не обращая вниманія на себя, хвалятся своими добродѣтелями и не соблюдаютъ ихъ, проповѣдуютъ воздержаніе, а сами погрязли въ порокахъ. Грабежъ они называютъ общимъ пользованіемъ, недоброжелательство у нихъ значитъ философія, а бѣдность—презрѣніе къ богатству. При этомъ они унижаются въ своей алчности. Разнузданность называютъ они свободой, злобу—откровенностью, принятіе даровъ—гуманностью. Какъ и безбожники изъ Палестины, они въ одно и то же время и низкопоклонны, и дерзки. Въ извѣстномъ направленіи они отдѣлились отъ эллиновъ или скорѣе отъ всѣхъ добрыхъ людей. Неспособные ни къ чему полезному, они мастерски умѣютъ вносить раздоры въ семью и натравливаютъ членовъ семьи другъ на друга. Ни одно слово, ни одна мысль, ни одно дѣло ихъ не принесло плодовъ. Они не принимаютъ участія въ устройствѣ празднествъ и не чтутъ боговъ. Они не засѣдаютъ въ городскихъ совѣтахъ, не утѣшаютъ печальныхъ, не примиряютъ спорящихъ, юношество ихъ остается безъ воспитанія, на форму рѣчи они не обращаютъ никакого вниманія; но они прячутся по угламъ и знать ничего не хотятъ. Они осмѣливаются даже присваивать себѣ имена лучшихъ изъ эллиновъ и называютъ себя—философами, какъ будто одна только перемѣна имени что-нибудь значитъ и какого-нибудь Терсита можетъ превратить въ Гіацинта или Нарцисса.

На эти упреки, которымъ нельзя отказать въ извѣстной ловкости, христіане часто даютъ лишь половинчатые или уклончивые отвѣты. Вообще во всей этой борьбѣ, которая тянется цѣлые вѣка и съ обѣихъ сторонъ лишь медленно измѣняетъ аргументы, многое было основано на коренныхъ недоразумѣніяхъ. Обѣ партіи возражаютъ другъ другу большей частью совсѣмъ не по существу, ибо обѣ исходятъ изъ совершенно различныхъ предпосылокъ. Тезисы и антитезисы, вообще, никогда не рѣшаютъ споръ умовъ и сердецъ. Но все-таки цѣлый рядъ обвиненій христіанамъ удалось опровергнуть своей жизнью. Непріязнь язычниковъ къ уединенной жизни христіанъ, къ ихъ нелюдимости выражается въ извѣстныхъ, уже ранѣе разсмотрѣнныхъ нами обвиненіяхъ. Такъ какъ въ то время въ Римѣ было множество самыхъ разнообразныхъ тайныхъ культовъ, которые были заимствованы съ востока и отличались кровавыми и сладострастными оргіями, то подобныя обвиненія находили, конечно, благопріятную почву, тѣмъ болѣе, что большая христіанская община такъ называемыхъ гностиковъ, примыкая къ восточнымъ мистеріямъ, пользовалась особыми таинственными символами и заклинаніями. И это было не послѣдней причиной, почему сама церковь, какъ мы это еще увидимъ, сочла нужнымъ положить конецъ этимъ сектамъ. Здѣсь съ теченіемъ времени христіанамъ удалось дѣйствительно заткнуть ротъ врагамъ; и самый ходъ дѣла помогъ имъ въ этомъ; все увеличивавшаяся публичность ихъ богослуженія опровергла эти обвиненія, и въ позднѣйшіе вѣка о нихъ уже нѣтъ болѣе и рѣчи.

Подробное разсмотрѣніе этой борьбы умовъ обнаруживаетъ, какъ уже замѣчено выше, повторяющійся вообще въ исторіи всѣхъ временъ фактъ,— именно, что оружіе этого спора остается на всемъ протяженіи его болѣе или менѣе однороднымъ, и даже отчасти здѣсь продолжается борьба языческой философіи, стоиковъ, эпикурейцевъ и скептиковъ. Но среди этой пропаганды, о томительномъ прозябаніи которой свидѣтельствуетъ множество скучнѣйшихъ трактатовъ, сплошь и рядомъ выдѣляется человѣческая личность, сила индивида, которая изъ собственной груди умѣетъ исторгнуть иные звуки. Здѣсь передъ нами встаетъ личность апологета и мученика *Іустина*. Онъ родился около 100 года отъ языческихъ родителей. Сначала онъ былъ платоникомъ, видѣлъ, какимъ клеветамъ подвергаются христіане, съ какой смѣлостью они идутъ на судъ, и это создало въ немъ, по его собственному свидѣтельству, глубокое убѣжденіе, что они не преступники, ибо преступники не могли бы обладать такимъ безстрашіемъ. Онъ также около 150 года написалъ апологію новой вѣры на имя императора Антонина Пія. Отъ нея уже вѣетъ совершенно инымъ духомъ, чѣмъ отъ только что разсмотрѣнной апологіи Аристида. Іустинъ обратился къ императору съ категорическимъ требованіемъ оказать, наконецъ, справедливость христіанамъ. Какъ мы видѣли выше, христіанство и враждебное отношеніе къ жертвоприношеніямъ въ то время были синонимами, поэтому для привлеченія къ суду было достаточно одного обвиненія въ христіанствѣ; если кто-либо признавалъ себя передъ судомъ христіаниномъ, то его обвиняли, какъ члена преступной секты, если же онъ отрицалъ свою принадлежность къ христіанству, то его отпускали, при условіи, конечно, что его показанія пользовались довѣріемъ. Апологетъ прямо обращается къ императору и его сподвижникамъ: «Вы, восклицаетъ онъ, называетесь благочестивыми и философами, и слугами справедливости; посмотримъ, таковы ли вы на самомъ дѣлѣ. Ибо льстить мы не можемъ, у насъ нѣтъ желанія понравиться людямъ, какъ у людей, погрязшихъ въ предразсудкахъ. По нашему убѣжденію, ничто не можетъ повредить намъ, у васъ есть власть убить насъ, но нанести намъ вредъ вы не можете. Мы требуемъ слѣдствія, обвиненія и наказанія, если дѣло дѣйствительно обстоитъ такъ, какъ говорятъ; въ противномъ же случаѣ вы въ своемъ пристрастіи оскорбляете лишь самихъ себя. Имя наше еще ничего не говоритъ; если мы дѣйствительно злые люди, то оно намъ ничуть не поможетъ, если же нашъ образъ дѣйствій хорошъ, то имя «христіанъ» само по себѣ также не можетъ намъ и повредить. Каждый преступникъ имѣетъ право требовать разслѣдованія своего дѣла,—того же требуемъ и мы отъ васъ. Отношеніе, которое вы проявляли къ намъ до сихъ поръ, есть дѣло злыхъ духовъ, злыхъ демоновъ; они работали въ во время, когда *Сократъ* стоялъ передъ своими судьями, они же и васъ теперь побуждаютъ къ безразсуднымъ поступкамъ. Несомнѣнно, и среди христіанъ есть злые люди, которые осуждены вполнѣ правильно, но какъ разъ поэтому-то и необходимо разслѣдовать предварительно всю жизнь каждаго отдѣльнаго христіанина, привлеченнаго къ суду, а затѣмъ уже выносить рѣшеніе. Все это говоримъ мы лишь ради васъ самихъ; ибо мы могли вѣдь отречься. Но мы далеки отъ этого, мы стремимся къ вѣчной жизни; и если мы заблуждаемся, то это касается лишь насъ однихъ и никого больше».

Много смѣлости въ этихъ словахъ апологета; но далѣе онъ говоритъ еще смѣлѣе. «Вѣдь мы сами, продолжаетъ онъ, помогаемъ вамъ создать миръ, ибо, по нашему мнѣнію, злой человѣкъ не можетъ укрыться отъ Бога. Если бы всѣ люди не забывали о судѣ, они были бы лучше. Они же грѣшатъ, ибо думаютъ этимъ путемъ укрыться отъ васъ, смертныхъ. Въ противномъ случаѣ они воздерживались бы даже отъ дурныхъ мыслей,

Вы же боитесь этой всеобщей правды, боитесь не имѣть повода для наказаній. Такъ поступаютъ палачи, а не владыки, это—дѣло злыхъ демоновъ. Но вѣдь вы хотите благочестія и философіи. Но если вы истинѣ предпочитаете обычаи, то помните, что такіе владыки такъ же далеко уйдутъ съ этимъ, какъ разбойники въ пустынѣ». Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе христіанскихъ добродѣтелей и *того* ученія, которое встрѣчало особенныя нападки со стороны язычниковъ, именно ученія о воскресеніи мертвыхъ. «Какъ низко, восклицаетъ Іустинъ, оцѣниваютъ могущество Божіе тѣ, кто говоритъ, что мы вернемся туда же, откуда пришли. Они, конечно, не повѣрили бы и въ сотвореніе этого міра. Лучше вѣрить въ то, что не по силамъ собственной природѣ и людямъ, чѣмъ быть невѣрующимъ, какъ другіе. Такимъ образомъ, если мы мыслимъ возвышеннѣе вашихъ философовъ, то почему же ненавидите вы насъ?»

Однако апологетъ, который преклоняется передъ Сократомъ и высоко цѣнитъ философію, все еще старается найти нѣчто въ родѣ компромисса. Онъ открываетъ всякаго рода связующія звенья между греками и Христомъ: даже въ эллинской религіи онъ находитъ сходныя представленія, какъ ни безконечно выше христіанская нравственность стоитъ надъ моралью греческаго Олимпа. Пришествіе Христа и даже вся его жизнь предсказаны пророками. Мы вѣримъ въ это, а вслѣдствіе этого и въ судъ Божій. Впрочемъ, нѣчто подобное же говоритъ и Платонъ; всѣмъ, что греки разсказываютъ объ этихъ вещахъ, они обязаны пророкамъ; если же они и противорѣчатъ самимъ себѣ, то это происходитъ вслѣдствіе ихъ собственнаго недостаточнаго пониманія. Такимъ образомъ, Духъ Божій уже ранѣе также проявлялъ себя въ человѣкѣ, и ни одинъ человѣкъ, умершій во грѣхахъ до Христа, не заслуживаетъ прощенія.—Апологія заканчивается ученіемъ о тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгаютъ злые демоны, чтобы совратить человѣка, и интереснымъ изложеніемъ обычаевъ тайной вечери.

Несмотря на всю безыскусственность этого сочиненія, въ авторѣ его все-таки видѣнъ замѣчательный человѣкъ. Онъ безстрашно говоритъ истину въ глаза, чувство справедливости въ немъ непреклонно, но все-таки и онъ признаетъ возможность извѣстнаго компромисса. И какъ разъ то обстоятельство, что столь мягкій по природѣ человѣкъ говоритъ такія смѣлыя слова, и доказываетъ силу цѣлаго, проявляющуюся въ отдѣльныхъ личностяхъ. Полную противоположность мягкому, эллински образованному Іустину представляетъ непривѣтливый, но оригинальный вавилонянинъ *Татіанъ*. Въ его лицѣ снова выступаетъ чуждый эллинской культурѣ Востокъ, который въ сущности постоянно питалъ злобу къ греческому міру и лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія былъ мѣстами покоренъ болѣе могучей греческой цивилизаціей. Татіанъ былъ варваромъ и съ гордостью признавалъ это. По его мнѣнію, наука и искусство зародились на востокѣ, греки являются лишь подражателями. Эллинское краснорѣчіе—пустое надувательство, поэзія грековъ—безнравственна, философы ихъ—пьяницы и моты, которые много думаютъ о себѣ, говорятъ глупости и постоянно противорѣчатъ другъ другу, вся ихъ наука вообще—болтовня. Напротивъ, въ такъ называемыхъ варварскихъ книгахъ, несмотря на всю ихъ внѣшнюю простоту, заключается вся истина. Я не буду касаться здѣсь нападеній Татіана на греческихъ боговъ и вообще всѣхъ этихъ достаточно избитыхъ темъ. Тѣмъ болѣе, что этотъ варваръ далеко не твердъ въ нихъ; чтобы совсѣмъ покончить съ греческой культурой, онъ дѣлаетъ массу всевозможныхъ замѣчаній о греческихъ статуяхъ, когда же ему было указано, что всѣ эти замѣчанія онъ заимствовалъ изъ старыхъ негодныхъ книгъ, да при томъ еще и не вполнѣ точно, то онъ все таки имѣлъ безстыдство утверждать, будто всѣ эти статуи онъ самъ видѣлъ во время своихъ путе-

шествій. Соотвѣтственно своему пристрастію ко всему восточному, онъ заканчиваетъ указаніемъ на древность іудейскихъ книгъ сравнительно съ юной греческой культурой. Итакъ, это дѣйствительно варваръ, и при томъ еще не совсѣмъ честный, но тѣмъ не менѣе все-таки нельзя умалять его значенія; человѣкъ съ такимъ элементарнымъ инстинктомъ ненависти не можетъ отсутствовать въ изображеніи эпохи.

Такимъ образомъ, одна за другой встаютъ передъ нами интересныя личности. Язычество, однако, тоже опомнилось и обратилось на путь систематическихъ нападеній. Среди язычниковъ также встрѣчаются замѣчательныя личности, и хотя ни одна изъ нихъ не можетъ быть поставлена въ одинъ уровень съ нѣкоторыми христіанами, напр. Тертулліаномъ или Августиномъ, но аргументы ихъ во всякомъ случаѣ такъ остроумны и тонки, что до сихъ поръ еще не утратили своего значенія.

2. Эпоха Тертулліана.

Извѣстная фраза о томъ, что книги имѣютъ свою судьбу, находитъ широкое подтвержденіе въ области христіанской литературы. Множество древнѣйшихъ, а слѣдовательно, и важнѣйшихъ книгъ утеряно, другія, долгое время считавшіяся потерянными, какимъ-то чудомъ теперь открыты вновь, а современная наука, которая въ поискахъ за древними книгами выработала даже особый методъ, обѣщаетъ намъ на этомъ поприщѣ еще большія неожиданности. Въ одномъ только случаѣ слѣдуетъ нѣсколько умѣрить свои надежды, именно, когда дѣло идетъ о такихъ книгахъ, которыя по мѣрѣ силъ предавались забвенію или уничтоженію самими христіанами. Христіане при этомъ дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ и по отличному методу. Это относится, во-первыхъ, къ еретическимъ сочиненіямъ, которыя, несмотря на новѣйшія находки, дошли до насъ въ весьма незначительномъ числѣ, и во-вторыхъ, къ полемическимъ сочиненіямъ, направленнымъ вообще противъ христіанства. Изъ послѣднихъ ни одно еще пока не извлечено изъ столь плодородной въ отношеніи находокъ почвы Египта, да, по моему мнѣнію, врядъ ли когда-нибудь будетъ извлечено. Впрочемъ, значительная, можно сказать даже, лучшая часть этихъ сочиненій сохранилась въ направленныхъ противъ нихъ христіанскихъ книгахъ; впрочемъ, изъ послѣднихъ нѣкоторыя также утеряны. Я говорю лучшая, наиболѣе интересная часть: потому-что христіане въ своей борьбѣ противъ этихъ книгъ старались, конечно, особенно основательно опровергнуть самыя ядовитыя, самыя опасныя ихъ положенія. Но все таки такое сохраненіе въ видѣ цитатъ противниковъ можетъ быть лишь отрывочно; многое, что было бы для насъ теперь особенно интересно, совершенно не вошло въ полемику. Только *одно* видно изъ христіанскихъ полемическихъ сочиненій: противники, какъ уже замѣчено выше, хотя часто и не понимали язычниковъ и еще чаще лишь слабо опровергали ихъ аргументы, но никогда,—это мы можемъ еще проконтролировать,—не извращали ихъ словъ и даже не позволяли себѣ малѣйшей ихъ перестановки. Добросовѣстность ихъ, такимъ образомъ, находится внѣ сомнѣнія.

Такимъ образомъ сохранилась значительная часть знаменитаго сочиненія платоника *Цельза* противъ христіанства. Онъ далъ ему названіе «Истинное слово». Оно считалось столь опаснымъ, что еще 60—70 лѣтъ спустя послѣ его появленія, по мнѣнію лучшихъ знатоковъ, оно возникло между 177 и 180 гг. по Р. Хр.—отецъ церкви *Оригенъ*, по совѣту одного изъ своихъ друзей, выступилъ противъ него съ объемистымъ трудомъ. Оригену понадобилось для этого немного времени, онъ быстро приступилъ къ писанію, далеко еще не вполнѣ вникнувъ въ личность этого врага

христіанъ. Это ясно обнаруживается между прочими изъ слѣдующаго. Оригенъ почему-то составилъ себѣ представленіе, что *Цельзъ* эпикуреецъ, и съ этого началъ свое возраженіе. Но при дальнѣйшемъ теченіи своей работы онъ, къ удивленію, находитъ, что врагъ мыслитъ далеко не по эпикурейски, а скорѣе склоняется къ платонизму. Однако, вмѣсто того, чтобы передѣлать или пересмотрѣть вновь свое сочиненіе, онъ преспокойно оставляетъ то, что было написано на основаніи ложнаго представленія: дѣло требовало быстроты, и сочиненіе должно было появиться возможно скорѣе. Такимъ образомъ мы еще и теперь можемъ доказать, что христіанскій полемистъ отнесся крайне поверхностно къ *утерянному* языческому сочиненію. Но книга Оригена имѣетъ еще и много другихъ недостатковъ. Неоднократно чувствуетъ онъ, что врагъ далеко не неправъ, и на его мѣткіе аргументы приводитъ крайне запутанныя возраженія. Чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ заявляетъ, что Цельзъ въ сущности ужасно бeзтолковый человѣкъ; но тотъ же самый Оригенъ даетъ намъ блестящія доказательства противнаго.

Цельзъ гораздо лучше подготовился къ своему сочиненію, чѣмъ его будущій противникъ. Будучи далекъ отъ того, чтобы основывать свое мнѣніе на тѣхъ слухахъ, которые носились въ народѣ относительно сторонниковъ новой вѣры, онъ путемъ основательнаго чтенія христіанскихъ книгъ, библіи, еретическихъ сочиненій и апологій составилъ себѣ полное представленіе объ ученіи и жизни христіанъ. Такимъ образомъ, онъ выступилъ на противниковъ во всеоружіи. Самое важное для него—истина; его критическому уму претитъ безусловная вѣра христіанъ, восклицаніе: не изслѣдуй глубоко, возмущаетъ его. Ибо при точномъ изслѣдованіи эта вѣра и оказывается полнымъ ничтожествомъ. И вотъ Цельзъ,—ходъ мыслей котораго я не могу возстановить вполнѣ, а привожу лишь въ общихъ чертахъ,—приступаетъ къ опроверженію, и это опроверженіе, несмотря на встрѣчающіяся въ немъ повторенія, слѣдуетъ назвать вполнѣ научнымъ, такъ какъ оно основывается на весьма широкомъ кругозорѣ; онъ слѣдуетъ методу, которымъ пользовались многіе противники христіанства. Прежде всего, по мнѣнію Цельза, нельзя разсматривать христіанство, какъ обособленное явленіе, необходимо указать ему его мѣсто среди религій *всего* міра. Ибо въ христіанствѣ много аналогій съ другими религіями и культами; про языческаго бога Асклепія разсказываютъ подобныя же вещи, какъ и про Христа, Миѳра и его мистеріи имѣютъ много точекъ соприкосновенія съ христіанскимъ культомъ, рожденіе отъ дѣвы тоже не представляетъ чего-либо оригинальнаго, нѣчто подобное встрѣчается и у грековъ. Кромѣ того, слѣдуетъ отдѣлять Ветхій Завѣтъ отъ Новаго. Въ Ветхомъ Завѣтѣ множество крайне безнравственныхъ исторій: неужели можно считать эту книгу назидательной! Къ тому же Моисей обѣщаетъ лишь временныя блага, Христосъ же проповѣдуетъ любовь и воздержаніе. Всего глупѣе объяснять эти исторіи аллегорически, какъ это дѣлаютъ многіе іудеи и христіане, это крайне шаткая почва, и къ этому пріему можно прибѣгать лишь при вполнѣ безвыходномъ положеніи. Но возьмемъ вообще Ветхій Завѣтъ. Какія дѣтскія вещи разсказываются тамъ о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи! Какъ можно говорить до сотворенія солнца о дняхъ творенія, какъ Богъ можетъ отдыхать, говорить или, наконецъ, даже сокрушаться въ своемъ дѣлѣ? Кромѣ того, Ветхій и Новый Завѣтъ приписываютъ діаволу слишкомъ большую власть надъ міромъ. Далѣе, напрасно думаютъ, что потопъ былъ ниспосланъ Богомъ для наказанія людей; стихійныя явленія въ равной мѣрѣ служатъ для всего міра, и неразумно приписывать ихъ однимъ лишь людямъ. И этотъ Богъ, какъ бы просыпаясь отъ долгаго сна, посылаетъ своего духа въ ничтожный уголокъ міра

въ эту крошечную, презираемую всѣми Палестину? Онъ знаетъ, что сынъ его будетъ страдать, будетъ даже казненъ, и тѣмъ не менѣе все-таки посылаетъ? И какъ должны мы представлять себѣ весь этотъ эпизодъ? Вѣдь не могъ же Богъ превратиться въ смертное тѣло, очевидно, онъ принялъ только видъ человѣка; но въ такомъ случаѣ, вѣдь, это хитрость недостойная Бога. Нечего ссылаться также на пророчества. Предсказанія Ветхаго Завѣта можно одинаково хорошо отнести и къ совершенно инымъ явленіямъ: *все это предсказано, потому что произошло, а не произошло, потому что предсказано.* Если Христосъ дѣйствительно Богъ, то онъ не могъ бы страдать, то онъ долженъ былъ бы получить помощь отъ Бога; Богъ также не ѣстъ. Кромѣ того преданіе объ его жизни покоится на весьма слабомъ основаніи. Его генеалогія невѣрна, при крещеніи его никто не присутствовалъ, воскресеніе его видѣла лишь одна истерическая женщина и нѣсколько какихъ-то шарлатановъ. Странно также, что настоящій Богъ при своемъ появленіи тотчасъ же встрѣчаетъ такое недовѣріе, и его ученики даже не жертвуютъ своей жизнью за него. Если бы обманщикъ и лжецъ Христосъ былъ дѣйствительно Богомъ, то они побоялись бы дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствовали. Наконецъ, и Пилатъ также не наказанъ за свой поступокъ. Да и вообще Богъ не помогаетъ христіанамъ: если они ссылаются на то, что поруганіе изображеній языческихъ боговъ не влечетъ за собою наказанія со стороны этихъ боговъ, то, вѣдь, тоже самое можно сказать и о христіанскомъ Богѣ, который также не выручаетъ вѣрующихъ изъ бѣды. Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что подобно тому, какъ Богъ до сихъ поръ не помогалъ іудеямъ и христіанамъ, такъ и христіанскій *Римъ* не встрѣтитъ съ его стороны поддержки. Всѣ эти противорѣчія и недоговоренности христіане, впрочемъ, чувствовали и сами и много разъ пытались обойти евангельскія событія и мысли или придать имъ иную форму; другіе опять развили изъ христіанства какія-то каббалистическія таинства, словомъ—и христіане впадаютъ въ такія же противорѣчія, какъ и языческія секты, а потому истина не можетъ заключаться въ христіанствѣ. Это какая-то странная, отрицающая всякій человѣческій успѣхъ религія: прочіе культы требуютъ чистоты сердца, они же взываютъ къ грѣшникамъ и нечестивымъ, они образуютъ общество скрытыхъ, пугливыхъ людей, которые поклоняются Богу и въ то же время боятся демоновъ; либо, восклицаетъ Цельзъ, совершенно откажитесь отъ міра, либо раздѣляйте съ нами все, что насъ волнуетъ, значитъ, также и наши невзгоды.

Хотя всѣ эти аргументы и не являются вполнѣ новыми, какъ уже замѣчено, но тѣмъ не менѣе они большей частью настолько остроумны и въ извѣстномъ смыслѣ столь неопровержимы, что противники христіанства постоянно пользовались ими и развивали ихъ въ своей полемикѣ. Оригенъ и пытается самостоятельно опровергнуть ихъ; нерѣдко ему это удается, еще чаще, однако, его неуклюжія возраженія совершенно не достигаютъ цѣли. Было бы слишкомъ утомительно подробно излагать всѣ возраженія Оригена. Такой способъ представляетъ нѣчто отрицательное. Самымъ освѣжающимъ образомъ всегда дѣйствуетъ личность; она представляетъ собою, въ концѣ концовъ, нѣчто дѣйствительно положительное въ исторіи. Поэтому, не станемъ противопоставлять ученому язычнику его поздняго противника, поставимъ рядомъ съ нимъ другого могучаго христіанина, который значительно превосходитъ его силой своей позиціи, великаго отца церкви *Тертулліана*, апологія котораго съ книгой Августина о государствѣ Божіемъ, представляетъ собою самое могучее созданіе христіанской полемики противъ язычниковъ.

Тертулліанъ былъ родомъ изъ Африки и принадлежалъ къ той школѣ,

которая стремилась выработать изъ латинскаго языка инструментъ виртуоза. Но онъ значительно превзошелъ своихъ учителей силой своей фантазіи и горячностью своего воодушевленія. Посмотримъ, какъ характеризуетъ его одинъ знатокъ греческой и латинской стилистики: «Никому не удавалось поднять латинскій языкъ до такой высокой степени страстности, какъ ему; паѳосъ, который Тацитъ отвергалъ съ благороднымъ негодованіемъ, превращается у Тертулліана въ бурный потокъ, сносящій все, что встрѣчается на пути; онъ связалъ воедино возвышенное спокойствіе Тацита, бурную страстность и памфлетическій тонъ Ювенала и аффектированную неясность Персія... Ни у одного латинскаго писателя языкъ не являлся въ такомъ полномъ смыслѣ слова непосредственнымъ выраженіемъ внутренняго чувства... Онъ совершенно не стѣсняется съ языкомъ для того, чтобы втиснуть его въ оковы своего могучаго мышленія; онъ представляетъ собою типъ создателя христіанской рѣчи, въ его насильственныхъ нововведеніяхъ чувствуется духъ человѣка, проникнутаго глубокой вѣрой въ то, что христіанство явилось въ міръ, какъ новая величина, и требуетъ, поэтому, для своего выраженія новыхъ факторовъ».

Каково выраженіе, такова и мысль. Тертулліанъ, какъ римлянинъ, не обладаетъ особенно глубокимъ образованіемъ: среди защитниковъ христіанства греки, хотя впрочемъ также не превышающіе средняго уровня эпохи, болѣе учены, чѣмъ онъ. И тѣмъ не менѣе ихъ голосъ совершенно теряется рядомъ съ мощнымъ призывомъ римлянина. Лучшимъ свидѣтельствомъ этого является то обстоятельство, что греки перевели защитительную рѣчь Тертулліана на свой языкъ. Интересно сравнить начало апологій Іустина и Тертулліана. Грекъ чрезвычайно просто говоритъ о томъ, что нельзя осуждать христіанъ лишь по одному имени, что сначала нужно производить разслѣдованіе. Тертулліанъ въ развитіи этой идеи находитъ новые пункты. Осужденіе, говоритъ онъ, безъ разслѣдованія возбуждаетъ подозрѣніе злой совѣсти; нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, какъ ненавидѣть то, чего не знаешь. Одно исключаетъ другое: не знать тѣхъ, кого ненавидишь, это значитъ несправедливо ненавидѣть тѣхъ, кого не знаешь. Всѣ тѣ, кто узнали, что именно они ненавидѣли, перестали ненавидѣть христіанскую религію, т. е. много язычниковъ обратились къ христіанству, благодаря ознакомленію съ нимъ. Язычники лишь любятъ свое невѣжество. Когда противники восклицаютъ, что христіанство хорошо не потому, что многіе обратились къ нему, что большое число вѣрующихъ еще не свидѣтельствуетъ объ истинности ученія, то это кажется какъ-будто правильнымъ, но вспомните, хвалился ли кто-нибудь тѣмъ, что онъ находится въ обществѣ злыхъ людей. Всякое зло связано со страхомъ и стыдомъ. Злые люди стараются отговориться и оправдаться, а осужденные они разсыпаются въ жалобахъ. Христіане поступаютъ иначе: стыдъ, раскаяніе, страхъ совершенно чужды имъ, осужденный остается попрежнему полонъ гордости.

Этому вѣскому введенію, если только можно назвать введеніемъ такое быстрое проникновеніе до самой сути вещей, соотвѣтствуетъ и дальнѣйшее развитіе мысли. Въ римскомъ судебномъ процессѣ заключается явная нелѣпость. Вы прибѣгаете къ пыткамъ, восклицаетъ Тертулліанъ, вообще, чтобы добиться отъ преступника признанія, по отношенію же къ христіанамъ вы дѣлаете это чтобы добиться отъ нихъ отреченія. А такъ какъ въ данномъ случаѣ вы поступаете какъ разъ обратно тому, какъ вы поступаете съ остальными преступниками, то слѣдовательно мы не преступники. Когда я отрекаюсь, т. е. лгу, тогда вы вѣрите мнѣ. Христіане же признаютъ свою вину; пытка, слѣдовательно, не имѣетъ смысла. Имя христіанина вредитъ доброй славѣ. Онъ хорошій человѣкъ, гово-

рятъ про кого-нибудь, хотя и христіанинъ; почему не говорятъ такъ: онъ хорошій человѣкъ, *потому что* онъ христіанинъ, или: онъ христіанинъ, потому что онъ хорошій человѣкъ? Изъ извѣстнаго слѣдуетъ выводить неизвѣстное, а не осуждать заранѣе на основаніи неизвѣстнаго извѣстное. Иные, которые раньше были совершенно негодными членами общества, внезапно, на глазахъ язычниковъ, превращаются въ порядочныхъ людей, и оказывается, что они христіане. Но это-то какъ разъ и сердитъ еще болѣе язычниковъ. Совершенно же не выдерживаетъ критики ссылка на законы и особенно на то, что императоръ не можетъ вводить новыхъ боговъ безъ одобренія сената. Законы подвержены разнообразнѣйшимъ измѣненіямъ, многіе уже давно устарѣли и поэтому совсѣмъ не примѣняются. А императоры даже и не обращаются къ сенату по вопросу о терпимомъ отношеніи къ христіанству; добросердечные императоры всегда были милостивы къ намъ: Неронъ же, котораго весь міръ знаетъ, какъ злодѣя, былъ намъ первый врагъ: въ этомъ и заключается весь вопросъ.

Ни одинъ порядочный человѣкъ не долженъ былъ бы распространять пошлую басню о томъ, что христіане убиваютъ дѣтей и ѣдятъ человѣческое мясо. Ни разу еще не находили такого ребенка. Злая слава живетъ только ложью, истина ее убиваетъ. Представимъ себѣ также весь ужасъ дѣтоубійства. Развѣ мы, христіане, обладаемъ иной организаціей, чѣмъ язычники, которые вѣдь также чувствуютъ глубокое отвращеніе къ подобнымъ дѣламъ? Представимъ себѣ, какъ дѣло происходитъ: неужели дѣйствительно возможно, чтобы епископъ принуждалъ новокрещаемаго къ дѣтоубійству? Не обвиняйте насъ, а взгляните на самихъ себя, подумайте, давно ли у васъ самихъ прекратились человѣческія жертвоприношенія.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ подробной критикѣ боговъ и идолопоклонства грековъ и римлянъ. Эта тема, какъ мы уже знаемъ, была настолько истрепана, что даже Тертулліанъ не нашелъ сказать о ней ничего новаго. Тѣмъ сильнѣе звучитъ то, что великій человѣкъ говоритъ о христіанахъ и ихъ богослуженіи. Мы поклоняемся единому Богу, который создалъ міръ для украшенія своего достоинства, который невидимъ, хотя и дѣлается иногда видимымъ, неосязаемъ, хотя по благости своей иногда и принимаетъ образъ человѣка, неоцѣнимъ, хотя онъ и оцѣнивается человѣческимъ чувствомъ. Нужно ли доказывать его существованіе изъ его дѣлъ, изъ свидѣтельства самой души? Хотя душа и окружена тысячью разныхъ условій, притѣсненій и препятствій, но тѣмъ не менѣе она все-таки временами приходитъ къ истинному познанію. Всѣ наши обычныя поговорки относятся къ Богу, мы говоримъ: Дай Богъ, Богъ видитъ, Богъ такъ велитъ. *Такъ душа свидѣтельствуетъ, что она съ самаго начала была христіанкой*. Во время молитвы мы, вѣдь, обращаемъ свои взоры къ небу, а не къ Капитолію. Богъ объявилъ намъ свою волю посредствомъ священнаго писанія, черезъ пророковъ. Имъ я обязанъ своимъ обращеніемъ: *христіанство постигается постепенно, рожденіе тутъ ничуть не помогаетъ*. Наши пророчества всѣ исполнились, ваши же сивиллы не болѣе, какъ лгуньи: *одна* полка книгъ нашихъ пророковъ стоитъ больше всѣхъ вашихъ предсказаній, къ тому же наши пророчества и гораздо старше вашихъ. Въ Христѣ исполнились всѣ пророчества; даже ваша литература, письмо Пилата къ Тиверію—апологетъ пользуется здѣсь христіанской фальсификаціей—свидѣтельствуетъ о событіяхъ, описанныхъ въ евангеліяхъ. Христосъ не навязывалъ, какъ это дѣлали римскіе цари, невѣжественному народу новыя божества, онъ раскрылъ глаза людямъ просвѣщеннымъ. И если это познаніе дѣлаетъ людей лучше, то, значитъ, ложна *та* религія, которая чтитъ изображенія боговъ и поклоняется статуямъ мертвыхъ.

Все скверное и ложное у васъ есть дѣло демоновъ. Иногда они дѣлаютъ какъ-будто и добро, но только для виду. Каждый изъ этихъ духовъ имѣетъ крылья, они узнаютъ все. Это они сдѣлали возможнымъ исполненіе языческихъ предсказаній, обокравъ библію, они сами дѣлаются богами. Приведите къ трибуналу одержимаго бѣсами: по приказанію любого христіанина эти духи признаются, что они демоны, тогда какъ въ другомъ смыслѣ они ложно называютъ себя богами. А когда христіане спрашиваютъ демоновъ о Богѣ, то демоны признаютъ христіанскаго Бога истиннымъ.

Если Тертулліанъ является здѣсь сыномъ своего времени, даже болѣе, можетъ быть, самымъ вѣрующимъ поборникомъ демонизма въ ту эпоху, то мы не должны, конечно, осуждать его за это. Съ одной стороны, онъ передаетъ—правда, можетъ быть нѣсколько усиливая своими собственными удареніями—лишь то, что представлялось уже прошлымъ эпохамъ, т. е. какъ-разъ эллинамъ. Съ другой стороны, мы въ правѣ задать вопросъ: развѣ въ наше время это суевѣріе исчезло вполнѣ? Кромѣ того, Тертулліанъ самъ заботится о томъ, чтобы въ случаѣ, если какое-либо мѣсто въ его книгѣ вызвало бы въ насъ сомнѣніе, то слѣдующее мѣсто вновь заставило бы насъ воспрянуть духомъ. Въ особенности это относится къ замѣчательной главѣ о римской религіи и о враждебномъ отношеніи къ государству, которое приписывалось христіанамъ.

Говорятъ, начинаетъ онъ, что римляне обязаны были своимъ величіемъ своей набожности. Но находится еще подъ большимъ сомнѣніемъ, что сдѣлали въ благодарность своимъ почитателямъ всѣ эти пустоголовые римскіе боги полей, лѣсовъ и луговъ. А значительное число боговъ введены впервые лишь тогда, когда Римъ уже сдѣлался могучимъ государствомъ, значитъ, набожность, повидимому, явилась уже послѣ величія; простота религіи древняго Рима и не могла создать никакой набожности, т. е. усиленнаго богопочитанія. Нѣтъ—и здѣсь-то апологетъ доходитъ до такой силы изображенія, равная которой рѣдко встрѣчается во всей римской литературѣ—нѣтъ, римское *величіе* происходитъ какъ-разъ отъ *безбожія* Рима, отъ войнъ, разрушенія городовъ и т. п., т. е. отъ всего того, что сопряжено съ кощунствомъ надъ богами: *всякая римская побѣда означаетъ поруганіе святыни.* Итакъ, эти боги, почитаемые врагами всякой религіозности, не могутъ быть богами. Нѣтъ, лишь Богъ подымаетъ и низвергаетъ государства; религіозность Рима, его богослуженія гораздо новѣе восточныхъ культовъ.

Демоны даютъ нашимъ противникамъ хитрый, двусмысленный совѣтъ приносить жертвы и заставлять насъ принимать въ нихъ участіе Это дѣйствительно совѣтъ демоновъ; будучи побѣждены нами, они, подобно мстительнымъ рабамъ, ищутъ удовлетворенія. Они поступаютъ какъ преступники изъ рабочихъ домовъ и копей. Самое тяжелое требованіе, которое предъявляютъ намъ,—это жертвоприношеніе на благо императора. Но какъ же мы можемъ приносить съ этой цѣлью жертвы богамъ, когда самые культы боговъ во многихъ случаяхъ зависятъ отъ воли императоровъ; посредствомъ жертвоприношеній мы подчинили бы императоровъ ихъ собственнымъ созданіямъ. Мы поступаемъ иначе; мы обращаемся съ молитвой за императора къ Богу. Императоръ знаетъ и чувствуетъ, въ чьей власти онъ находится; неба ему не побороть. Онъ великъ, потому-что онъ меньше неба. Обращая взоры къ небу, съ распростертыми руками, съ непокрытой головой, безъ напоминанія молимся мы за императора, за благосостояніе его личности, молимся Богу, который можетъ дать то, о чемъ мы его просимъ, намъ, умирающимъ за его ученіе, намъ, приносящимъ въ жертву ему свою жизнь, а не паршивыхъ, больныхъ животныхъ. Итакъ, восклицаетъ Тертулліанъ, напрягая нервы

своей реторики до высшаго, страстнаго паѳоса,—итакъ, пусть во время такой молитвы ваши орудія пытки разрываютъ насъ на части, пусть ваши кресты вздымаютъ насъ, пусть пожираетъ насъ вашъ огонь, пусть ваши дикіе звѣри терзаютъ насъ... дѣлайте все это... вырывайте изъ насъ душу во время молитвы за императора.

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключается враждебное отношеніе христіанъ къ государству, въ томъ, что мы иначе почитаемъ императора. Мы во всякомъ случаи не превращали государства въ харчевню посредствомъ жертвеннаго дыма, мы вообще не принимаемъ участія въ языческихъ празднествахъ со всѣми ихъ безобразіями. Но мы гораздо болѣе вѣрные слуги императора, чѣмъ *не*христіане. Они молятся всегда лишь за существующаго императора. Всѣ убійства цезарей были совершены руками язычниковъ, тѣхъ самыхъ, которые приносили жертвы за императора. Такимъ образомъ, если многіе римляне—враги императора, и тѣмъ не менѣе ихъ считаютъ римлянами, то почему же насъ, друзей правительства, называютъ не-римлянами?

Но мы никогда не мстили за всѣ тѣ обвиненія, которыя возводятся на насъ язычниками, хотя и могли бы дѣлать это. Ибо мы обладаемъ оружіемъ и настолько многочисленны, что могли бы составить арміи, гораздо болѣе сильныя, чѣмъ у иноземцевъ. Хотя мы возникли только вчера, но нами уже заполнены города, острова и т. д. Мы могли бы вѣдь и выселиться: тогда ваша имперія оказалась бы совершенно вымершей.

Мы вовсе не враги имперіи, ибо наше государство — міръ. Наши наслажденія гораздо болѣе благородны, чѣмъ ваши увеселенія въ циркахъ, театрахъ и на аренахъ. Чего вы объ этомъ заботитесь; если мы не имѣемъ удовольствій подобнаго рода, то вѣдь это же, въ концѣ концовъ, лишь *наше* несчастье.

Послѣ этой рѣчи, дышащей замѣчательной энергіей и силой, которой не достигалъ никто до него, и въ которой врядъ ли превзошелъ его и Августинъ, апологетъ переходитъ отъ отрицательной части своей книги къ положительной; показавъ, что христіане *не* представляютъ собою, онъ набрасываетъ картину ихъ жизни. Но точка зрѣнія апологета и самая природа его и здѣсь постоянно насильно влагаетъ ему въ руку мечъ. Едва закончивъ картину устройства христіанской церкви, любовнаго отношенія христіанъ другъ къ другу, онъ снова выступаетъ противъ врага. Да, восклицаетъ онъ, вотъ что доставляетъ безпокойство нѣкоторымъ. Смотрите, говорятъ они, какъ христіане любятъ другъ друга,—еще бы, вѣдь тѣ ненавидятъ другъ друга—смотрите, какъ охотно они умираютъ, спасая другихъ,—еще бы, вѣдь *они* убиваютъ другъ друга. Мы называемъ одинъ другого братьями, у насъ все общее за исключеніемъ женъ; какъ разъ тамъ мы раздѣляемъ, гдѣ у другихъ, у этихъ прелюбодѣевъ, существуетъ общность. Но тѣмъ не менѣе, при всякомъ случаѣ, слишкомъ ли разливается Тибръ, или вовсе не разливается Нилъ, всегда раздается крикъ отдайте христіанъ львамъ! Такъ ли это? Развѣ до явленія Христа не было несчастныхъ случаевъ, развѣ какъ разъ стихійныя явленія до Христа не были гораздо болѣе многочисленны чѣмъ теперь? Вѣдь Содомъ и Гоморра сгорѣли до появленія евреевъ въ Палестинѣ. Всѣ бѣды служатъ намъ для напоминанія, для васъ же они означаютъ наказаніе. Но если это ваши боги наказываютъ васъ за насъ, то они, оказывается, довольно неблагодарны и несправедливы по отношенію къ вамъ.

Когда нѣкоторые греки среди апологетовъ выражали изумленіе, почему не подвергаются преслѣдованіямъ тѣ изъ язычниковъ, которые отрицаютъ боговъ, на основаніи своихъ философскихъ убѣжденій, то Тертулліанъ, какъ человѣкъ, не знающій никакихъ компромиссовъ, не хотѣлъ и

слышать объ этомъ. Всѣ философы лишь люди наполовину, христіанинъ не имѣетъ ничего общаго съ ними, которые полны всевозможныхъ человѣческихъ ошибокъ и даже пороковъ. Старше философовъ—истина, которую философы своимъ неяснымъ скептицизмомъ лишили ея первобытной простоты. Все правильное у философовъ заимствовано ими у насъ: мы—тѣло, они—тѣнь. Главнымъ камнемъ преткновенія для васъ является воскресеніе мертвыхъ. Какъ можетъ, спрашиваете вы, изъ разложившейся матеріи вновь возникнуть тѣло? Но вспомните время до рожденія, вы, вѣдь, тогда тоже были ничто. Ты явился изъ ничего, почему же не можешь ты снова возникнуть изъ ничего? Для возникновенія новаго требуется гибель стараго. Слѣдовательно, говорите вы, мы постоянно будемъ умирать и затѣмъ снова воскресать? Вовсе не такъ; первоначально мы смертны, затѣмъ станемъ безсмертны. Посрединѣ находится граница, нѣчто въ родѣ занавѣса для міра. Затѣмъ родъ человѣческій обновляется для суда. Послѣ этого уже не будетъ больше смерти и никакого измѣненія.

Наконецъ, и смерть наша есть лишь новая побѣда. Ваши жестокости служатъ лишь приманкой, ибо несмотря на наказанія и пытки наши ряды становятся все многочисленнѣе. Ваши философы совѣтуютъ относиться къ смерти съ твердостью, но у нихъ это остается лишь на словахъ, мы же доказываемъ это на дѣлѣ. Когда видятъ нашу твердость, то, неизбѣжно, спрашиваютъ о причинахъ нашей стойкости. Но кто спрашиваетъ объ этомъ, тотъ самъ переходитъ къ намъ, самъ хочетъ претерпѣть страданія для того, чтобы получить награду отъ Бога. Поэтому, мы только благодарны вамъ за ваши приговоры, міръ и Богъ спорятъ о насъ: вы осуждаете насъ, Богъ насъ оправдываетъ.

Трудно представить себѣ болѣе возвышенное зрѣлище, чѣмъ это: съ одной стороны — римское величіе со всѣмъ его императорскимъ блескомъ, съ другой—противникъ его, также римлянинъ, также вооруженный всѣмъ, что сдѣлало Римъ великимъ, столь же типичный для Рима, по своей неумолимости, своей непреклонной рѣшимости, послѣдовательности своего изложенія, своему безпощадному чувству права. Такъ Римъ подвергается нападенію со стороны одного изъ своихъ величайшихъ сыновъ, и если при подобныхъ переговорахъ, при чисто духовныхъ спорахъ возможно было бы прійти къ какому-либо выводу, то Тертулліанъ достигъ бы результата, ибо въ немъ дѣйствительно таились исполинскія силы.

Его дѣятельность относится къ такой эпохѣ, которая еще въ гораздо большей степени, чѣмъ I столѣтіе нашей эры, жила религіозными представленіями. Вкратцѣ мы уже говорили объ этомъ и далѣе, особенно въ послѣдней главѣ, при разсмотрѣніи религіи Миѳры, мы сдѣлаемъ еще подобныя же наблюденія и увидимъ горячія стремленія человѣчества того времени достигнуть очищенія и искупленія, мира съ Богомъ, посредствомъ кастрированія и самоистязанія. Здѣсь мнѣ хочется остановиться еще на одномъ конкретномъ примѣрѣ, который, можетъ быть, лучше всякихъ описаній познакомитъ насъ съ духомъ того времени. Мы находимся въ эпоху благочестиваго императора Марка Аврелія, написавшаго драгоцѣнную для насъ книжку о *«самонаблюденіяхъ»*, въ которой онъ говоритъ и о взглядахъ христіанъ на смерть. Онъ предпринялъ походъ противъ одного дунайскаго народа. Войску, между прочимъ, пришлось проходить черезъ пустынную, безводную мѣстность. Жарко пекло солнце, нигдѣ ни капли воды: войско было близко къ гибели. Вдругъ, внезапно надвинулись грозовыя тучи, обильная влага полилась съ неба, такъ-что воины едва успѣвали собирать ее, ливень даже затопилъ вражескій лагерь. Съ новыми силами римляне вступили въ битву съ врагами и скоро побѣда была на ихъ сторонѣ. Объ этомъ фактѣ, вмѣстѣ съ другимъ, разрушеніемъ молніей вражеской осад-

ной машины, сообщаютъ намъ не только историческія извѣстія. но гораздо подробнѣе одинъ каменный монументъ, а именно колонна Марка-Аврелія на Piazza Colonna въ Римѣ; эта колонна по особому порученію германскаго императора была сфотографирована до самыхъ мельчайшихъ подробностей. На ней все происшествіе изображено достаточно ясно. Мы видимъ выступающую квадратную колонну римлянъ, справа идетъ полководецъ, здѣсь не Маркъ Аврелій; внезапно войско вынуждено остановиться. Мы видимъ корову, которая въ предсмертныхъ мученіяхъ, падаетъ на землю, другая съ дикимъ ужасомъ несется по полю. Въ верхней части солдатъ подымаетъ правую невооруженную руку, съ мольбою обращая свой взоръ къ небу. Но вотъ дальше одинъ воинъ уже поитъ своего коня, другіе жадно припали губами къ дождевому потоку, третьи защищаются отъ ливня, высоко поднявъ щиты. Далѣе справа видно интересное олицетвореніе бога дождя, — замѣчательно пластическая фигура, у которой изъ волосъ и бороды, съ крыльевъ и рукъ течетъ вода. Вскорѣ видѣнъ и результатъ. Только что разстроенные ряды римлянъ, освѣженные чудеснымъ даромъ неба, снова приходятъ въ движеніе. Однако, мечъ уже болѣе почти ненуженъ: варвары застигнуты наводненіемъ, среди горъ виднѣются кони, борющіеся и тонущіе въ невидимой, впрочемъ, здѣсь стихіи, враги лежатъ мертвые на землѣ, все оружіе ихъ снесено водою въ одно мѣсто. Все это изображено на колоннѣ. хотя и довольно неискусно, но тѣмъ не мѣнѣе съ большимъ реализмомъ и съ вполнѣ ясной послѣдовательностью: сначала римляне, истомленные жаждой, молятъ о дождѣ, хляби небесныя разверзаются, скоро для войска влаги становится ужъ слишкомъ много. а враги даже затоплены ею. Этотъ реализмъ служитъ для насъ залогомъ исторической вѣрности происшествія.

Это, слѣдовательно, чудо, изображенное на колоннѣ безъ всякихъ коментаріевъ. т.-е. императору не придаются здѣсь какія-либо мелодраматическія позы. мы не видимъ его молящимся, воздающимъ благодаренія и т. п. Въ другой сценѣ, тамъ. гдѣ молнія уничтожаетъ вражескую машину, мы, правда, видимъ императора, но въ антично простой позѣ, указывающимъ рукою на низвергающуюся громовую стрѣлу. Какъ намъ извѣстно, императоръ письмомъ сообщилъ сенату о совершившемся чудѣ; письмо это въ его первоначальной формѣ до насъ не дошло. Оно совершенно затерялось въ историческихъ извѣстіяхъ. Все это происшествіе. которое современники разсматривали какъ чудо, моментально вызвало самые фантастическіе коментаріи со стороны язычниковъ и христіанъ. Язычникъ, конечно, не могъ обойтись безъ реторическихъ изліяній о чудѣ и счелъ нужнымъ приписать его волшебству, христіанинъ же видѣлъ въ этомъ перстъ Божій. Онъ. однако, пошелъ еще далѣе. Оказалось, что чудо совершилось по молитвѣ солдатъ-христіанъ, императоръ, застигнутый бѣдствіемъ. якобы. узналъ, что въ его войскѣ находятся христіане, по молитвѣ которыхъ все исполняется. Послѣдніе молились также и за войско, и вотъ оно было спасено изъ бѣды; съ тѣхъ поръ тотъ легіонъ. въ которомъ были христіане, получилъ названіе громового легіона. Объ этомъ дѣйствительно разсказывала одна христіанская защитительная книга, которая должна была быть передана императору Марку Аврелію, какъ очевидцу происшествія: такъ старательно христіанская легенда уже занималась фальсификаціей. Ибо мы отлично знаемъ, что такъ называемый громовой легіонъ, legio fulminatrix, еще гораздо раньше описываемаго похода носилъ это названіе: христіане, слѣдовательно, позволили себѣ здѣсь ввести общественное мнѣніе въ почти невѣроятное заблужденіе. Очень скоро послѣ этого язычники выступили со своими возраженіями и заявили. что чудо совершилось лишь по молитвѣ ихъ благочестиваго императора. Христіане, однако не успокоились. Скоро

ими уже было составлено письмо императора къ сенату, которое въ крайне вычурныхъ фразахъ сообщало о происшествіи. Такимъ образомъ это чудо долгое время служило объектомъ споровъ между христіанами и язычниками и получало различныя толкованія почти до наступленія среднихъ вѣковъ, пока, наконецъ, язычество не вымерло, и громовой легіонъ могъ безпрепятственно совершать свое шествіе изъ вѣка въ вѣкъ. Только въ наше время этотъ легіонъ лишенъ своего ореола, фальсификація христіанъ для насъ стала вполнѣ ясна. Но къ ней, несмотря на всю ея наивность, мы должны отнестись гораздо снисходительнѣе, чѣмъ ко многимъ другимъ, съ которыми мы уже познакомились ранѣе. Вѣдь, весь міръ былъ убѣжденъ, что благочестивый императоръ и его войско были спасены благодаря чуду. Чудо же, въ глазахъ христіанъ, могъ совершить только Богъ, а такъ какъ Богъ врядъ ли сталъ бы помогать языческому войску и враждебному христіанамъ императору, то, значитъ, чудо совершилось ради христіанъ, т.-е. по молитвѣ солдатъ-христіанъ. Какъ уже сказано, эта чудесная легенда возникла чрезвычайно быстро и уже по самой природѣ всѣхъ легендъ повлекла за собою, по мѣрѣ своего развитія, новыя фальсификаціи. Разсказъ въ этой формѣ долженъ былъ принести двоякаго рода пользу: онъ не только указывалъ на величіе христіанскаго Бога, но былъ разсчитанъ также и на то, чтобы обезоружить обвиненія враговъ. Христіане здѣсь не были врагами римскаго государства, за него они въ горячихъ молитвахъ молили Бога о чудѣ, а кромѣ того, изъ этого разсказа было видно также, что они вовсе не отказывались отъ несенія своихъ служебныхъ обязанностей. При этомъ поборникамъ христіанской вѣры было совершенно безразлично, что они сами, да и другіе учителя вѣры, считали ремесло солдата не приличествующимъ христіанину: вообще въ пылу страстныхъ споровъ во II вѣкѣ основательно *думали* очень мало.

Противники, впрочемъ, также страдали этимъ недостаткомъ, ибо намъ извѣстна и у язычниковъ той эпохи вѣра въ чудеса. Времена абсолютнаго скептицизма прошли для грековъ и римлянъ, его оружіемъ они пользуются лишь въ борьбѣ противъ христіанъ, во всемъ же остальномъ такъ же вѣрятъ въ чудеса, какъ и послѣдніе. И насколько полезна была такая переимчивость для христіанства, настолько же ослабляла она положеніе язычества. Ибо когда старая вѣра опровергнута сильнѣйшими и самыми серьезными доводами, и люди снова возвращаются къ древнимъ исторіямъ, оракуламъ, сновидѣніямъ, предзнаменованіямъ и т. п., то это является признакомъ старости. Не слѣдуетъ слишкомъ низко оцѣнивать эпоху, когда существовали такія потребности внутренней жизни, съ такимъ отчаяніемъ жаждавшей душевнаго мира, но тѣмъ не менѣе весь этотъ хаосъ представляетъ все-таки довольно печальное зрѣлище. Вполнѣ естественно, что христіанство восприняло это вѣру въ чудеса, ибо оно само исходило изъ чуда, и чудо это никогда не исчезнетъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на сущность христіанства.

3. Эпоха Августина.

Третье столѣтіе по Р. Хр., въ теченіе котораго постепенно распространились политическія завоеванія христіанства, было одной изъ самыхъ ужасныхъ эпохъ, которыя пришлось пережить Западу—въ то время, слѣдовательно, странамъ Средиземнаго моря. Все какъ-будто колеблется, нигдѣ нѣтъ твердой почвы. Востокъ и Сѣверъ въ равной степени ополчаются противъ Рима; восточныя провинціи имперіи все снова и снова подвергаются нападеніямъ со стороны персовъ, которые, послѣ долгаго покоя, съ чисто восточной быстротой, подъ властью сильныхъ деспотовъ создаютъ

могучее государство и поддерживаютъ его до самаго VII вѣка; волны германскихъ племенъ проносятся надъ государствомъ, солдатчина возводитъ то того, то другого дикаго полководца на тронъ цезарей, на которомъ болѣе или менѣе продолжительное время держатся лишь немногіе, наиболѣе сильные и наиболѣе сознательные характеры. Всюду царитъ хаосъ, грозящій все погрузить въ дикое варварство. Римское могущество, греческое образованіе и обычаи, все, что придавало странамъ Средиземнаго моря ихъ своеобразный характеръ, готово, повидимому, исчезнуть, захваченное бурнымъ водоворотомъ. Но то, что было создано усиліями вѣковъ, не можетъ погибнуть такъ скоро, и вотъ, послѣ десятилѣтій невзгодъ еще разъ побѣждаетъ древняя великая государственная идея Рима. Подобно тому, какъ Августъ послѣ гражданскихъ войнъ, такъ теперь Константинъ,—послѣ несравненно болѣе великихъ бѣдствій несравненно болѣе великій человѣкъ,—снова объединяетъ государство въ своей личности. Константинъ обладалъ холоднымъ, яснымъ умомъ, онъ прямо-таки демонически зналъ свое время и своимъ могучимъ характеромъ оказалъ вліяніе на цѣлые вѣка. Это была чисто античная личность, которой мы по праву, не потому, что онъ привелъ къ побѣдѣ или, вѣрнѣе, облегчилъ побѣду христіанству, должны дать названіе Великаго. Христіанство тогда было единственной силой, которая, незатронутая бѣдствіями міра, развивалась все сильнѣе и сильнѣе, между тѣмъ какъ все вокругъ него колебалось и приходило въ разбродъ. Гоненія,—особенно единственное, которое велось сверху дѣйствительно систематически всѣми средствами деспотизма, — гоненіе Декія,—не ослабили христіанства надолго, напротивъ, они лишь усилили его внутреннее ядро, хотя многіе изъ его членовъ изъ боязни врага и отдѣлились временно И когда изъ всеобщаго хаоса снова возникаетъ имперія, и идея государства опять побѣждаетъ, наряду съ ней стоитъ лишь одна сила, незатронутая бурями эпохи и лишь укрѣпленная ими,—это христіанство. Константинъ понялъ своимъ государственнымъ умомъ, что спасенному государству для выздоровленія и возстановленія силъ необходимъ внутренній покой, поэтому онъ широко распахнулъ для христіанства двери имперіи. Въ смыслѣ личнаго внутренняго отношенія онъ оставался совершенно индифферентнымъ. Какъ истый романецъ онъ съ холоднымъ сердцемъ проводилъ въ жизнь свои рѣшенія, оставаясь свободнымъ отъ какихъ-либо вліяній заповѣдей христіанства. Освобожденное отъ долгой неволи христіанство окружило его личность миѳическимъ ореоломъ и сумѣло забыть и простить ему всѣ тѣ низости, къ которымъ прибѣгалъ онъ ради блага государства.

Но и въ эту ужасную эпоху, когда надвинулось такое множество внѣшнихъ враговъ, продолжала пылать борьба умовъ. Греко-римскій міръ, какъ уже сказано, освободился отъ скептицизма и занялъ новыя позиціи. Враговъ, которые выступили здѣсь противъ христіанства, послѣднее особенно ненавидѣло, хотя все-таки относилось къ нимъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ, ибо они не занимались чистымъ отрицаніемъ, а создали собственную систему. Это были *неоплатоники*, которые, создавая своеобразный теософическій міръ идей, искали самаго тѣснаго общенія съ божествомъ, посредствомъ восторженныхъ видѣній и аскетизма. Они признавали, что между Богомъ и человѣкомъ существуютъ посредствующія силы, они вовсе не отрицали греческихъ боговъ, но стремились превратить послѣднихъ въ идейные образы и приспособить ихъ къ своей системѣ божественныхъ силъ. Оракулы ихъ называли Христа замѣчательнымъ по своему благочестію человѣкомъ, но ничего не хотѣли знать о его божественности. Страстное стремленіе этихъ философовъ къ божеству, ихъ чистое исканіе приближало ихъ къ христіанамъ, и извѣстная связь между тѣми и другими нашла свое выраженіе также въ нѣкоторыхъ личностяхъ, Основатель секты, если

можно такъ выразиться, также вышелъ изъ христіанскаго лагеря: Августинъ былъ нѣкоторое время неоплатоникомъ, и мы знаемъ, что другой приверженецъ секты громко восхвалялъ введеніе къ евангелію Іоанна. Ученіе христіанства, однако, въ концѣ концовъ было совершенно несоединимо съ неоплатонической системой; не смотря на аскетизмъ, не смотря на откровенія о высшемъ Богѣ и о его силахъ, неоплатоники по существу все-таки были настоящіе греки; чувства ихъ постоянно были привязаны къ землѣ; имъ казалось смѣшнымъ, что нѣкоторыя фантастическія христіанскія секты стремились къ иному міру, котораго вовсе не существуетъ. Изъ среды неоплатониковъ вышелъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ враговъ христіанства, сиріецъ *Порфирій* (род въ 233 году по Р. Хр.), противъ котораго въ христіанскомъ лагерѣ ревностно боролись въ теченіе 200 лѣтъ. Сочиненія его противъ христіанъ, состоявшія изъ 15 книгъ, подвергались насильственному истребленію; книги нѣсколькихъ его противниковъ также не дошли до насъ; тѣмъ не менѣе мы имѣемъ достаточно свѣдѣній о немъ, чтобъ составить себѣ хотя бы приблизительную картину.

Порфирій полонъ противорѣчій, двѣ души живутъ въ его груди. Съ одной стороны, онъ борется противъ вѣры христіанъ и ея распространенія всѣми средствами критики, которая хотя и не изобрѣтена всецѣло имъ, а въ значительной степени перенята имъ у другихъ, но тѣмъ не менѣе развита имъ; съ другой стороны, онъ воодушевляется всякой мистикой и даже самыми ничтожными оракулами, поддѣлка которыхъ очевидна. Такъ онъ написалъ книгу «О философіи изъ оракуловъ», въ которой онъ совершенно серьезно и довѣрчиво принимаетъ распространенныя среди неоплатониковъ изреченія боговъ о существѣ высшаго Бога, о религіи іудѣевъ и христіанъ, какъ о глубочайшемъ откровеніи свыше. Вообще критика и промахи мысли тѣсно переплетаются въ немъ. Онъ осуждаетъ Цельза за его аллегорическое объясненіе библіи и совершенно забываетъ при этомъ, что онъ самъ придерживается аллегорическаго толкованія поэмъ Гомера.

Его большое произведеніе, отъ котораго до насъ дошли лишь немногія, но все-таки характерныя цитаты, свидѣтельствуетъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ другими его сочиненіями, что въ немъ мы имѣемъ далеко не оригинальный умъ. Его полемическіе пріемы, какъ уже замѣчено, не представляли собою чего-либо новаго, нѣчто подобное говорилось уже и ранѣе. Но воспринявъ въ своемъ большомъ сочиненіи эти прежніе пріемы борьбы, онъ, повидимому, способствовалъ и дальнѣйшему развитію метода старой полемики. Занятое въ промежутокъ времени отъ Цельза до Порфирія, выработкой канона своихъ сочиненій, христіанство, по вполнѣ правильному замѣчанію одного изслѣдователя, сдѣлалось *книжной религіей*, вотъ противъ этихъ отдѣльныхъ книгъ библіи и направлены упреки Порфирія. Онъ, повидимому, еще яснѣе раскрылъ противорѣчія евангелій, чѣмъ его языческій предшественникъ и особенно нападаетъ на пророка Даніила. Выше (стр. 55) мы читали уже мѣткое выраженіе Цельза о пророчествахъ Ветхаго Завѣта; Порфирій, повидимому, расширилъ эту критику подробными историческими толкованіями книги Даніила, которую онъ называетъ пророчествомъ послѣ событія, сочиненіемъ, написаннымъ во время Антіоха Эпифана: этимъ онъ значительно облегчилъ работу современному изслѣдованію. Впрочемъ, это еще не вполнѣ достовѣрно, возможно, что и здѣсь онъ лишь повторяетъ чужія мысли. Но какъ разъ въ этой массѣ его полемики и лежало ея значеніе, христіане вынуждены были выступить противъ него съ такими же толстыми книгами, чтобы поразить сосредоточенную въ этомъ врагѣ греческую полемику въ ея цѣломъ. Какъ неоплатоникъ, Порфирій принадлежалъ къ тому направленію, которое не было уже болѣе сектой, а представляло вообще всю языческую философію того времени, и

борьба христіанства противъ него неизбѣжно продолжалась до тѣхъ поръ, пока неоплатонизмъ сохранялъ свои силы. Съ своей стороны и неоплатоники никогда почти не мирились съ врагомъ и лишь позднѣе уступили силѣ. Лучшіе изъ христіанъ, особенно Августинъ, относились къ Порфирію съ извѣстнымъ почтеніемъ, ибо онъ безусловно былъ искренній, откровенный человѣкъ, онъ честно призналъ, что христіанская религія уже въ его время совершенно вытѣснила языческихъ боговъ.

Итакъ, борьба, которую приходится вести христіанамъ, становится все интенсивнѣе; чѣмъ менѣе дѣлается число враговъ, тѣмъ значительнѣе становятся отдѣльныя личности, выступающія повсюду, и тѣмъ объемистѣе становится христіанская полемическая литература; ей теперь приходится не только бороться по традиціи со старой еще не побѣжденной философіей, но опровергать также и новую. Въ концѣ III столѣтія выступаетъ, какъ противъ стараго, такъ и противъ новаго врага, отецъ церкви *Лактанцій*, который пишетъ толстую книгу подъ полуюридическимъ заглавіемъ «*Божественныя институціи*»,—человѣкъ, намѣревающійся напасть на врага въ его собственномъ станѣ и поразить его собственнымъ его оружіемъ. Съ Лактанція начинается уже новая эра, онъ является въ извѣстномъ смыслѣ провозвѣстникомъ средневѣковаго духа. Мы видѣли, что духъ времени почти уже цѣлый вѣкъ не покровительствовалъ наукѣ въ истинномъ смыслѣ этого слова, прежде всего точной наукѣ, которая получила такое исключительное развитіе у грековъ. Эти вещи отвергаются, люди стремятся всецѣло сосредоточиться на внутренней жизни духа. Но дѣйствительными врагами этой высшей силы человѣка, этого благороднаго эллинскаго стремленія къ познанію впервые являются римскіе отцы церкви. Всякая наука о природѣ, говоритъ Лактанцій, есть пустое умствованіе; обосновывать явленія окружающаго насъ міра значитъ то же, что разсказывать объ отдаленномъ, никогда не виданномъ нами городѣ. Человѣкъ не можетъ познать природу; стремящійся къ этому—безумецъ. Богъ скрылъ отъ человѣка все то, что совершается внутри человѣческаго тѣла, потому что онъ не хотѣлъ, чтобы человѣкъ изслѣдовалъ вещи, знать которыя ему не подобаетъ. Астрономія это бредъ сумасшедшихъ, шарообразная форма земли остается подъ сомнѣніемъ, глобусъ—нелѣпость. Существуетъ только одна наука: наука о Богѣ, весь смыслъ нашей жизни въ религіи. То, что естествоиспытатели называютъ природой, означаетъ не что иное, какъ гибель религіи. Этими словами, несмотря на всю безсмысленность ихъ, Лактанцій вводитъ насъ въ міровоззрѣніе, которое, если исключить новый временный расцвѣтъ греческой математики, являлось рѣшающимъ для всего послѣдующаго времени. Вся духовная жизнь сосредоточивается на чувствѣ, библія вытѣсняетъ науку и становится нормой всѣхъ вещей. Явленія природы также въ концѣ концовъ находятъ въ ней свое объясненіе, чудеса Іисуса Навина отрицаютъ науку о звѣздахъ, астрономія влачитъ свое жалкое существованіе, въ видѣ астрологіи, ибо противъ послѣдней ополчаются не всѣ христіане. Это то же міровоззрѣніе, которое позже возвело на костеръ Джіордано Бруно, которое посредствомъ пытки думало запугать научную совѣсть Галилея. Но какъ каждаго отдѣльнаго человѣка мы должны разсматривать, какъ цѣлое, такъ въ еще болѣе высокомъ смыслѣ должны мы понимать и подобное развитіе, подобное міровоззрѣніе. Рука объ руку съ этимъ паденіемъ науки идетъ напряженное развитіе религіознаго чувства. Этимъ чувствомъ проникнуты послѣдніе мыслители умирающей древности, имъ охвачены глубочайшіе умы средневѣковья и, наконецъ, даже Лютеръ. Одно неразрывно связано съ другимъ, подобную эпоху нельзя безъ разбора порицать или восхвалять: все ея существо выросло на единой почвѣ, и съ этой то почвой необходимо намъ познакомиться.

Лактанцій создаетъ новыя цѣнности также и на почвѣ христіанства. Никто въ такой степени, какъ онъ, не порвалъ съ тѣмъ поверхностнымъ взглядомъ, которымъ греки пытались вытѣснить страхъ передъ смертью. Эллины большей частью были того мнѣнія, что смерть не имѣетъ никакого отношенія къ намъ. ибо. пока мы живемъ, ея нѣтъ, когда же она наступаетъ, мы уже не существуемъ. Лактанцій, напротивъ, вмѣстѣ съ немногими языческими мыслителями, напираетъ на ужасный процессъ умиранія, медленной смерти. Если нѣкоторые изъ его, нерѣдко крайне поверхностныхъ, отвѣтовъ врагамъ вызываютъ въ насъ чувство недоумѣнія, то его христіанская этика, твердой стопой спускающаяся до самыхъ глубинъ грѣха и чувственныхъ искушеній, представляетъ собою безусловно нѣчто возвышенное.

Христіане теперь несомнѣнно живутъ въ мірѣ. Если еще Тертулліанъ думалъ, что истинный христіанинъ стремится лишь къ тому, чтобы какъ можно скорѣе удалиться отъ міра, то у Лактанція, хотя вовсе и не чувствуется еще жизнерадостности, но во всякомъ случаѣ виденъ уже отказъ отъ такого существованія. Христіанинъ уже не вѣритъ въ скорое явленіе антихриста и наступленіе страшнаго суда; идея о возвращеніи Нерона не встрѣчаетъ въ немъ болѣе отклика. Конечно, когда-нибудь долженъ наступить конецъ, и Римъ—со страхомъ и трепетомъ произноситъ эти слова апологетъ—также постигнетъ гибель. Согласно широкому плану своего сочиненія. апологетъ даетъ подробную картину гибели міра, но въ скорое осуществленіе этихъ пророчествъ онъ уже болѣе не вѣритъ.

Принимая участіе въ дѣлахъ міра, христіанство. конечно, само рисковало принять свѣтскую окраску. И вполнѣ понятно, что многіе выдающіеся учителя церкви позднѣйшаго времени подверглись подобной секуляризаціи. Къ счастью на стражѣ здѣсь стоялъ, хотя и не слишкомъ опасный, но тѣмъ не менѣе всегда напоминавшій о себѣ врагъ—язычество. Послѣднее, несмотря на эдиктъ Константина, далеко еще не было побѣждено. Если христіане, какъ выше замѣчено, въ теченіе 200 лѣтъ, считали нужнымъ бороться противъ Порфирія, то приверженцевъ его, очевидно, было еще много. Они набирались изъ рядовъ лучшихъ представителей эллинской культуры, изъ ея благороднѣйшихъ умовъ. Противъ нихъ выступаетъ отецъ церкви *Евсевій*, одинъ изъ послѣднихъ людей древности, которому по праву принадлежитъ имя ученаго. Несмотря на нѣкоторыя слабости, несмотря на извѣстную склонность къ положенію царедворца—Евсевій написалъ книгу, въ которой прославлялъ Константина—и несмотря на все его непостоянство, это былъ человѣкъ, которому по отдѣльнымъ вопросамъ нельзя отказать въ научномъ пониманіи и широкомъ кругозорѣ: онъ и позднѣе Августинъ являются самыми значительными представителями умирающаго эллинизма и романизма. Евсевій хочетъ опровергнуть іудеевъ, которые все еще не прекращали своихъ нападокъ, и особенно язычниковъ, т. е. не только грековъ, но также и всѣ восточные народы. Съ этой цѣлью онъ вооружается обширнымъ матеріаломъ. Онъ проводитъ передъ глазами читателя цѣлый рядъ подробнѣйшихъ выдержекъ изъ всей теологической и исторической мудрости египтянъ, вавилонянъ и грековъ, поскольку послѣдніе касались этихъ вопросовъ; затѣмъ, показавъ нелѣпость этихъ воззрѣній, онъ разсматриваетъ греческую философію отъ ея начала до Порфирія. Всѣ положенія этой философіи, противорѣчащія христіанству, особенно понятіе о судьбѣ, обсуждаются самымъ детальнымъ образомъ. Конечно, и Евсевій употребляетъ при этомъ въ видѣ оружія старую басню о томъ, что греческіе мудрецы въ тѣхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, гдѣ они совпадаютъ по взглядамъ съ іудеями, пользовались послѣдними какъ болѣе молодые. Однако, въ противоположность прежнимъ апологетамъ, Евсевій допускаетъ

все-таки возможность того, что Платонъ дошелъ до своей мудрости, благодаря озаренію его Богомъ. Впрочемъ, какъ высоко онъ ни ставитъ Платона, онъ думаетъ тѣмъ не менѣе, что хотя великій аѳинянинъ и былъ преисполненъ святой мудрости, но все-таки побоялся открыто исповѣдовать ее передъ аѳинянами. Въ концѣ концовъ, философія и христіанство несовмѣстимы

Однако, несмотря на внѣшнюю побѣду христіанства, языческіе писатели не успокаивались. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ одномъ христіанскомъ полемическомъ сочиненіи былъ вновь открытъ одинъ безымянный врагъ христіанъ. Обыкновенно его отождествляютъ съ Порфиріемъ; дѣйствительно онъ заимствовалъ кое-что у послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многомъ и разошелся съ нимъ. Какъ бы то ни было, но приводимые имъ доводы весьма остроумны; самъ Гарнакъ даже назвалъ его въ своемъ родѣ неопровержимымъ. По извѣстному методу онъ направилъ свои мѣткія стрѣлы противъ евангелій, противорѣчія которыхъ онъ вскрываетъ отчасти по методу современной критики. Такъ онъ указываетъ на разнорѣчивость извѣстій о послѣднихъ словахъ Христа на крестѣ и восклицаетъ: ужъ если христіане не сумѣли дать точныхъ свѣдѣній объ этихъ послѣднихъ мгновеніяхъ, то и все остальное, очевидно, представляетъ собою поэтическій вымыселъ и истины тамъ искать нечего. Христіанинъ, который сообщаетъ намъ объ этомъ, чувствуетъ себя совершенно безсильнымъ по отношенію къ такой полемикѣ и, какъ-бы оправдываясь, говоритъ, что вѣдь вся природа въ моментъ смерти Христа пришла въ такое смятеніе, что евангелисты неизбѣжно должны были растеряться и дать противорѣчивыя извѣстія. Язычникъ этотъ ловко отыскиваетъ пункты для нападенія. Какъ извѣстно, одно изъ мѣстъ, которыя наиболѣе глубоко волновали благородныхъ людей,—это эпизодъ между Іисусомъ и богатымъ юношей. Вполнѣ понятно, что этой такъ ясно и такимъ повелительнымъ тономъ высказанной мысли старались придать всевозможныя хитроумныя толкованія, но тѣмъ не менѣе каждый долженъ былъ въ глубинѣ души сознавать, что въ сущности это мощное изреченіе можетъ быть понято лишь въ прямомъ его смыслѣ. Античный человѣкъ встрѣчалъ здѣсь камень преткновенія: благочестивый богачъ,—выводитъ язычникъ,—судя по этимъ словамъ Христа, не извлекаетъ никакой пользы изъ своей добродѣтели, тогда какъ бѣднякъ можетъ преспокойно грѣшить. Христосъ—приходитъ онъ къ дальнѣйшему выводу—не могъ вообще говорить ничего подобнаго, ибо въ этихъ словахъ заключается тенденція, т. е. намекъ на вражду между общественными классами. И особенно рѣзко язычникъ нападаетъ на Павла. Гарнакъ тонко оцѣнилъ здѣсь противорѣчіе между грекомъ и іудеемъ. Діалектика Павла, его раввинистическая сущность совершенно недоступна эллину. разсужденій о законѣ и евангеліяхъ онъ не понимаетъ, онъ находитъ чрезвычайно двусмысленнымъ для еврея поведеніе Павла тамъ, гдѣ тотъ ссылается на свои права римскаго гражданина. Наконецъ, онъ находитъ странными ожиданіе христіанами конца міра, представленія ихъ о гибели неба, символъ тайной вечери: словомъ, здѣсь передъ нами встаетъ вся противоположность между раціоналистическимъ, привыкшимъ чувственно мыслить истиннымъ эллинизмомъ и восточной религіей откровенія съ ея прославленіемъ внутренняго человѣка, съ ея глубокой и тѣмъ не менѣе ясной моралью,—мы видимъ здѣсь антагонизмъ между Западомъ и Востокомъ.

Рядомъ съ этимъ безымяннымъ авторомъ стоитъ императоръ *Юліанъ Отступникъ*. Обыкновенно съ высоты пятнадцати вѣковъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, этого императора называютъ романтикомъ на тронѣ, его поведеніе считаютъ анахронизмомъ. Современникамъ, однако, этотъ человѣкъ казался крайне опаснымъ; насколько вѣрны ему были язычники, настолько

безгранична была къ нему ненависть христіанъ, подчасъ совершенно терявшихъ самообладаніе. Съ скрытой злобой желаютъ они тяжкихъ пораженій побѣдоносному полководцу, передъ которымъ въ ужасѣ разбѣгались враги, смерть его во время битвы они разсматриваютъ какъ наказаніе неба, а плачевное состояніе государства послѣ смерти императора они приписываютъ исключительно винѣ Юліана. Самъ Юліанъ никогда не думалъ преслѣдовать христіанство, какъ таковое, хотя многіе тогда старались принять позу мучениковъ. Онъ вывелъ лишь свои заключенія изъ эволюціи вещей, своимъ тонкимъ умомъ онъ пришелъ къ выводу, что христіане въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ греческой культурой; вѣдь, они же сами постоянно боролись противъ послѣдней въ своихъ безчисленныхъ сочиненіяхъ. Теперь большая часть міра приняла христіанство, и представители побѣдившей доктрины хотѣла принимать участіе въ томъ, что до сихъ поръ было лишь дѣломъ язычниковъ, они хотѣли не только учиться, но также и учить реторикѣ и философіи. Вотъ тутъ-то Юліанъ и выступилъ со своимъ императорскимъ veto, онъ лишилъ христіанъ свободы преподаванія, ибо христіане, по его мнѣнію, ничего не внесли своего въ развитіе этихъ предметовъ, а лишь стояли здѣсь на плечахъ язычниковъ. Несомнѣнно, этотъ шагъ Юліана отличался послѣдовательностью, и жгучая ненависть христіанъ къ императору показываетъ, что онъ дѣйствительно задѣлъ ихъ за живое. Подобный же характеръ трезвой разсудочности носятъ и сочиненія Юліана противъ христіанъ, которыя, конечно, также не дошли до насъ цѣликомъ, а сохранились лишь въ видѣ отдѣльныхъ цитатъ въ довольно неудачныхъ книгахъ его противниковъ. Юліанъ близко подступаетъ къ христіанамъ, онъ требуетъ, чтобъ они дали ему прямой и ясный отвѣтъ, онъ желаетъ прекращенія того полемическаго хаоса, когда каждый съ яростнымъ крикомъ набрасывался на своего противника. При этомъ онъ сохраняетъ полное безпристрастіе; онъ находитъ, что язычники дѣйствительно безнравственны, хотя не менѣе безнравственны и христіане его времени, и въ этомъ онъ, можетъ быть, и не былъ неправъ. Затѣмъ, совершенно въ духѣ Цельза, онъ переходитъ къ указанію на противорѣчія библіи и также разсматриваетъ Ветхій Завѣтъ, какъ документъ еврейской миѳологіи. Его вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ говорилъ змій въ раю, далекъ отъ какого-либо легкомысленнаго высмѣиванія, онъ просто хочетъ указать противнику на миѳическія черты разсказа. И въ томъ же духѣ, т. е. какъ легенду, онъ объясняетъ далѣе и разсказъ о постройкѣ вавилонской башни, о смѣшеніи языковъ. Далѣе, евреи Ветхаго Завѣта, по мнѣнію Юліана, не отличаются никакими преимуществами передъ другими народами: хорошіе законы грековъ по меньшей мѣрѣ равны еврейскимъ, у евреевъ также были въ обычаѣ кровавыя жертвоприношенія, и вовсе не они вывели другіе народы на путь культурнаго развитія. Міровая культура обязана своимъ развитіемъ исключительно грекамъ. Но особенно безпощадной становится полемика Юліана противъ современнаго ему христіанства. Онъ упрекаетъ его въ томъ, что оно подражаетъ неистовству мучениковъ разрушеніемъ храмовъ и алтарей. Вы убиваете, восклицаетъ онъ, не только язычниковъ, но и приверженцевъ сектъ, которыя не такъ оплакиваютъ смерть Христа, какъ вы. Ни Христосъ, ни Павелъ ничего не знаютъ о такой ненависти къ своимъ противникамъ. Первые христіане въ полной тишинѣ старались привлекать людей къ своему ученію. А затѣмъ, къ чему этотъ безобразно роскошный культъ гробницъ! Повсюду христіане видятъ слѣды апостоловъ и святыхъ, строятъ гробницы и памятники въ честь ихъ, забывая, что самъ Христосъ сравниваетъ фарисеевъ съ нечистыми гробами и восклицаетъ: оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ.

Однако, не отступивъ отъ настоящей темы этой главы, эпохи *Августина*, мы не можемъ болѣе подробно останавливаться на этомъ. Правда, и обойти этихъ вещей мы также не могли. Если мы хотѣли получить представленіе о человѣкѣ, которымъ заканчивается лѣтопись духовной борьбы между язычествомъ и христіанствомъ, то намъ нужно было предварительно до нѣкоторой степени ознакомиться со временемъ, предшествовавшимъ его появленію. Итакъ, язычество далеко еще не умерло. Бѣдствія эпохи, набѣги варваровъ на становившееся все болѣе и болѣе худосочнымъ римское государство, побуждали язычниковъ, какъ и въ началѣ III вѣка, обращаться къ христіанамъ съ горькимъ вопросомъ: гдѣ же вашъ Богъ? Вѣдь большая часть государства уже обратилась къ христіанству; если вашъ Богъ не помогъ вамъ во времена гоненій, то онъ не сдѣлаетъ этого и теперь, онъ не помогаетъ своимъ приверженцамъ, и мы, язычники, погибнемъ вмѣстѣ съ вами: кто знаетъ, не есть ли это наказаніе боговъ, которыхъ новый Богъ лишилъ престола! Но вотъ послѣдовалъ разгромъ Рима готами—событіе, произведшее на всѣхъ современниковъ самое удручающее впечатлѣніе. Со стороны язычниковъ готовился уже новый ядовитый памфлетъ. Вотъ тутъ-то и выступилъ *Августинъ*. Августинъ не былъ аскетомъ, избѣгающимъ общенія съ людьми. Грѣхъ для него не былъ, какъ для пустынника, созданіемъ фантазіи, онъ самъ на практикѣ позналъ, что самые высокіе духовные восторги нерѣдко смѣняются глубочайшимъ паденіемъ въ самую пошлую животную жизнь. Погрязши въ грѣхахъ, онъ самъ собственной энергіей выбился изъ нихъ. Ему была знакома греко-римская мудрость, онъ не относился къ ней съ презрѣніемъ, какъ нѣкоторые изъ болѣе раннихъ апологетовъ, онъ высоко ставилъ Платона и почиталъ также Порфирія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ жилъ еще остатокъ гордости римлянина, остатокъ чувства государственности, которое, впрочемъ, въ его душѣ неразрывно связывалось съ идеей о государствѣ Божіемъ. Запасшись всѣмъ этимъ сильнымъ оружіемъ, бросился онъ на врага: его книги о государствѣ Божіемъ представляютъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній римской литературы и христіанства.

Прежде всего онъ останавливается на вопросѣ о бѣдствіяхъ того времени. Конечно, ему столь же мало, какъ и кому либо другому, удалось дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Но точка зрѣнія Августина, частью, правда, заимствованная изъ языческой философіи, тѣмъ не менѣе замѣчательна. Вопросъ заключается, по его мнѣнію, не въ томъ, что мы должны такъ же страдать, какъ и злые, вопросъ заключается въ томъ, каковы послѣдствія страданія для добрыхъ и злыхъ. Невзгоды исправляютъ добрыхъ и дѣлаютъ хуже—злыхъ. Злой язычникъ, которому жить становится не въ моготу, лишаетъ себя жизни, лишь немногіе, лучшіе изъ язычниковъ, не поступаютъ такъ; христіанинъ терпѣливо переноситъ несчастья до конца. Но не только эти вопросы тревожили васъ. Вы жалуетесь на христіанство, потому что оно мѣшаетъ вамъ предаваться вашимъ нечестивымъ излишествамъ. Весь міръ вокругъ васъ, даже народы Востока сокрушаются о вашемъ паденіи, вы же лишь требуете зрѣлищъ; вы ничуть не сдѣлались лучше.—Затѣмъ онъ возстаетъ, какъ это дѣлали также и прежніе апологеты, но съ совершенно иной силой, противъ того мнѣнія, что Римъ обязанъ своимъ упадкомъ христіанству, онъ дѣлаетъ обзоръ римской исторіи, разсматриваетъ вопросъ о томъ, насколько отечественные боги покровительствовали Риму. Римскіе боги оставались спокойными свидѣтелями всѣхъ бѣдствій прежнихъ временъ, сожженія Рима галлами, жестокихъ пораженій на войнѣ. Неужели они спали, когда галлы взбирались на Капитолій? Бодрствовали тогда лишь священные гуси, ихъ

и стали за то потомъ почитать, подобно тому, какъ почитаютъ въ Египтѣ звѣрей. Хороши боги, которые не воспитываютъ свой народъ, а покидаютъ его, несмотря, на то, что онъ чтитъ ихъ. Какой-то Марій могъ безпрепятственно проявлять свою ярость, и при этомъ погибли почтенные граждане: вотъ, что натворили ваши боги! Поэтому, обратитесь же къ Богу! «О Римъ, полный славы и почета, народъ Регула и Сцеволы, народъ Сципіоновъ, Фабриція, къ нему должно направляться все твое стремленіе, между нимъ долженъ ты выбрать и между отвратительнымъ ничтожествомъ, лживой бѣсовской злобой. Если природа дала тебѣ могущество, то твоей задачей теперь должно быть очищеніе и усовершенствованіе его истиннымъ благочестіемъ, ибо безбожіе приводитъ тебя къ гибели и наказанію. Теперь ты стоишь на распутьи, не въ себѣ самомъ долженъ найти ты славу, а безъ всякаго сомнѣнія—въ Богѣ. Въ древнія времена слава твоя гремѣла на землѣ, но по тайному рѣшенію божественнаго провидѣнія ты не могъ еще найти истинной религіи. Вставай, уже наступилъ день, проснись, какъ ты проснулся въ тѣхъ, которые своей высокой добродѣтелью, своими страданіями за истинную вѣру создали нашу гордость, которые до послѣдняго издыханія боролись противъ вражескихъ силъ и побѣдили ихъ своей безтрепетной смертью и кровью своей привели насъ въ новое отечество. Къ этому отечеству призываемъ мы тебя примкнуть, ты долженъ быть въ числѣ тѣхъ гражданъ, пріютъ которыхъ называется истиннымъ прощеніемъ грѣховъ».

Этими могучими словами, которыхъ со времени Тертулліана съ такимъ глубокимъ чувствомъ не произносилъ ни одинъ римлянинъ, Августинъ указываетъ черезъ дымящіяся развалины Рима на государство Божіе, какъ нѣкогда передъ авторомъ апокалипсиса, послѣ разрушенія Іерусалима, явился въ облакахъ новый Іерусалимъ.

Но какъ ни горячо относится Августинъ къ спасенію римскихъ душъ, какъ разъ эта идея государства Божія должна отвлекать его отъ всего земного. Эти слова не случайно были произнесены передъ окончательнымъ паденіемъ Рима, столѣтіемъ раньше такой тонъ не былъ бы возможенъ. Вся римская исторія, по мнѣнію Августина, едва ли стоила стараній. Что же достигнуто? спрашиваетъ онъ. Въ теченіе 240 лѣтъ кровопролитій, слѣдовавшихъ за основаніемъ города, территорія послѣдняго увеличилась всего на 20 миль. Результатомъ всего, послѣ потоковъ крови, было порабощеніе обезсиленнаго государства Августомъ. Если бы тогда уже были христіане, то несомнѣнно имъ бы приписали всѣ эти несчастья.—Далѣе, апологетъ все еще считаетъ нужныхъ опровергать вѣру въ боговъ. При этомъ по качеству онъ употреблялъ совершенно тѣ же средства, какъ его предшественники; разница заключается лишь въ томъ, что онъ и здѣсь охватываетъ гораздо болѣе широкій горизонтъ, обнаруживаетъ гораздо большую начитанность. Прежде всего онъ стремится снова раскрыть передъ глазами читателя ту бездну, которая отдѣляетъ вѣру образованныхъ грековъ и римлянъ отъ вѣры простого народа и въ противовѣсъ этому даетъ полное изображеніе христіанства во всей его послѣдовательности. И его совершенно не трогаютъ старыя замѣчанія противниковъ о томъ, почему Богъ допустилъ существованіе столь непріятнаго христіанамъ языческаго міра, почему онъ довелъ людей до грѣхопаденія, когда долженъ былъ отлично предвидѣть это. Наряду съ множествомъ важнѣйшихъ трактатовъ грековъ и ихъ римскихъ подражателей о судьбѣ, о фатумѣ, воззрѣнія Августина, хотя и не вполнѣ оригинальныя, играютъ благодаря ихъ категоричности не малую роль. Римское государство, говоритъ онъ, такъ же происходитъ отъ Бога, какъ ассиріяне и персы, какъ все вообще развитіе міра. Онъ отдавалъ государство въ руки добрыхъ и въ руки злыхъ Вес-

пасіану и Домиціану, Константину и Юліану Отступнику. Если причины отдѣльныхъ фактовъ не поддаются объясненію, это не значитъ, что онѣ отсутствуютъ. Такъ же обстоитъ и съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ: фатумъ и свободная воля не исключаютъ другъ друга, ибо наша воля есть лишь часть порядка вещей.

Безконечной утонченностью отличается дальнѣйшая его борьба противъ философіи язычниковъ. Всякій, изучающій эту литературу отъ первыхъ, нерѣдко столь неловкихъ, нападеній христіанъ на величественное зданіе греческой философіи до разсматриваемаго времени, несомнѣнно отдастъ пальму первенства Августину. Его предшественники, за немногими исключеніями, нападали главнымъ образомъ на внѣшнія укрѣпленія, которыя рушились уже сами собой, онъ же проникаетъ въ самую цитадель врага. Другіе бранятся, онъ споритъ. Онъ мыслитъ исторически, язычество для него не является какимъ-то шарлатанствомъ, безпорядочнымъ бредомъ, нѣтъ—это великое міровоззрѣніе. Онъ достаточно искрененъ, чтобы признать борьбу весьма трудной; ибо, говоритъ онъ, философы нерѣдко говорятъ вполнѣ согласно съ нами. Онъ оставляетъ мысль, уже ранѣе нерѣшительно отвергнутую Евсевіемъ, что Платонъ заимствовалъ свое ученіе у пророковъ, и указываетъ на хронологическую невозможность этого взгляда, который, однако, между тѣмъ, уже почти превратился въ догматъ. Платонъ и Порфирій въ совокупности могли бы составить *одну* христіанскую личность. И еще болѣе: онъ признаетъ, что эти язычники имѣли передъ христіанами одно преимущество: они въ свое время открыто и прямо высказывали свои взгляды, христіанинъ же въ настоящее время долженъ заботиться о томъ, чтобы не оскорбить религіознаго слуха. Въ этихъ словахъ видна не только искренность, но и полное спокойствіе побѣдителя; онъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, хотя бы нѣкоторыя частности и заставляли его иногда задумываться. Такъ, когда враги, напр. Цельзъ, указываютъ на наивность христіанской исторіи сотворенія міра, смѣются надъ тѣмъ, что, по мнѣнію христіанъ, дни существовали уже до сотворенія солнца, то Августинъ отвѣчаетъ на это, что подобныя частности недоступны нашему пониманію; когда спрашиваютъ, что дѣлалъ Богъ до появленія вселенной, то на этотъ вопросъ можно сказать лишь, что легкомысленно и неразумно мѣрить Бога человѣческой мѣркой: Богъ въ покоѣ совершенно тотъ же, что и Богъ въ дѣятельности. По библіи, съ сотворенія міра прошло около 6000 лѣтъ, и съ этимъ, повидимому, совпадаютъ вычисленія восточныхъ ученыхъ. Но если даже мы пойдемъ навстрѣчу противникамъ и примемъ 6000. 6000 лѣтъ, то и это будетъ лишь мгновеніе по сравненію съ вѣчностью. И когда съ языческой стороны напираютъ на то, что ничто не можетъ произойти вопреки природѣ, то мы, христіане, указываемъ на множество чудесъ, совершавшихся, какъ говорятъ, также и въ языческія времена: *чудо совершается не вопреки природѣ, а вопреки нашимъ собственнымъ свѣдѣніямъ о природѣ.*—И это опять одна изъ глубочайшихъ мыслей Августина, которая вѣчно будетъ имѣть значеніе не столько потому, что онъ впервые ее высказалъ, сколько потому, что она заключаетъ въ себѣ ядро всякой апологетики противъ подобныхъ нападеній и въ силу этого и нынѣ еще кажется новой. Правда, этотъ взглядъ имѣетъ и свои весьма слабыя стороны. Въ своей борьбѣ съ эллинскимъ скептицизмомъ Августинъ тщательно искалъ чудесъ и видѣлъ ихъ всюду; онъ говоритъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ больныхъ, или слѣдуя старому народному вѣрованію, онъ утверждаетъ, якобы на основаніи наблюденій, что трупъ павлина не подвергается тлѣнію. Этимъ, особенно послѣдней фразой, онъ подготовилъ воззрѣнія среднихъ вѣковъ и содѣйствовалъ тому, что возвышенная, непоколебимая христіанская вѣра, которая побѣдила въ

борьбѣ съ греческимъ скептицизмомъ и сдѣлалась великой, снова выродилась въ суевѣріе.

Согласно съ этимъ, и въ своихъ взглядахъ на точную науку Августинъ является предвѣстникомъ средневѣковья. Красота творенія вполнѣ удовлетворяетъ его, ему ясна цѣлесообразность человѣческаго организма, разслѣдованіе же частностей не имѣетъ смысла. Жестокое искусство врачей расчленило, правда, тѣло мертвыхъ, но при этомъ ему ничего не удалось открыть, никто не нашелъ гармоніи каждаго отдѣльнаго органа и даже не осмѣлился искать.

Въ концѣ своего произведенія онъ еще разъ разсматриваетъ идею государства Божія и способовъ его осуществленія. Уже прошло пять эпохъ, соотвѣтствующихъ пяти днямъ недѣли, мы теперь переживаемъ шестую эпоху, и сколько продлится она, опредѣлить нельзя. «Затѣмъ, Богъ, какъ въ седьмой день, почіетъ отъ дѣлъ, когда дастъ покой этому седьмому дню, которому мы придаемъ его значеніе. Я не буду говорить здѣсь о каждой изъ этихъ эпохъ въ отдѣльности, но эта седьмая будетъ для насъ субботой, конецъ которой будетъ не вечеръ, а день Господній, восьмой день въ вѣчности, осіянный пришествіемъ Христа, который означаетъ вѣчный покой не только души, но и тѣла. Тамъ мы успокоимся, тамъ будемъ созерцать, созерцать и любить, любить и прославлять. Это конецъ безъ конца. Ибо развѣ это конецъ—видѣть государство, не имѣющее конца?»

Такой почти апокалиптической фразой великій человѣкъ заканчиваетъ свое великое твореніе. Это твореніе, какъ уже неоднократно говорили мы, стоитъ на границѣ двухъ эпохъ; въ извѣстномъ смыслѣ вѣрное еще греческой древности, оно въ то же время возвѣщаетъ новое міровоззрѣніе—міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ. Блескъ такой личности совершенно затмилъ умирающіе огоньки противниковъ. Къ тому же они сказали все, что нужно было сказать: точка зрѣнія обоихъ противниковъ была несовмѣстима. Собственно, нельзя сказать, чтобы одинъ изъ нихъ опровергъ другого. Остроумные доводы грековъ, конечно, не были устранены; даже Августину не удалось лишить ихъ силы. Его собственная позиція была, однако, настолько цѣльна, настолько возвышенна, что онъ легко могъ перенести своихъ единомышленниковъ черезъ кой-какія сомнѣнія. Но такія умственныя сраженія, какъ неоднократно замѣчалось, никогда не разрѣшаются посредствомъ логическихъ основаній, диспутовъ или книгъ и рѣчей ораторовъ: исторія даетъ этому безчисленные примѣры. Здѣсь дѣйствуютъ необъяснимыя силы, проявляющіяся для человѣка лишь по своимъ результатамъ. Мы можемъ сказать только, что язычество постепенно умирало отъ худосочія. Впрочемъ, это умираніе было крайне медленно; ибо даже въ пятомъ вѣкѣ, въ эпоху Августина, язычество вымерло еще не вполнѣ, для этого требовалось болѣе продолжительное развитіе. Христіане и греки все еще пишутъ другъ противъ друга; правда, тонъ этихъ писаній становится все болѣе и болѣе примиряющимъ и академическимъ. Но даже закрытіе философской школы въ Аѳинахъ въ 529 году, изгнаніе неоплатониковъ еще не означаетъ конца этого спора. Народная религія грековъ еще въ IX вѣкѣ по Р. Хр. насчитывала приверженцевъ на Пелопоннесѣ, отъ византійской эпохи до насъ дошли сатирическія произведенія, направленныя противъ христіанства, и не одинъ литераторъ той эпохи втайнѣ исповѣдовалъ вѣру, имѣвшую мало общаго съ ученіемъ церкви. Но это были лишь послѣднія судороги тѣла, обладавшаго нѣкогда огромной жизнеспособностью и мощной силой. Напротивъ, исторія апологетики свидѣтельствуетъ о постоянномъ наростаніи силъ, вплоть до установленія новаго всеобъемлющаго міровоззрѣнія. Этимъ пока закончилось дѣло апологетики. Но впрочемъ, только на извѣстный промежутокъ времени. Новое время

снова воскресило старую борьбу, доводы, которые нѣкогда приводили греки, и отвѣты на нихъ христіанъ съ какой-то естественной необходимостью снова выступили на свѣтъ Божій. И это еще не конецъ, еще не цѣль; даже прославленное выясненіе собственной точки зрѣнія, котораго хотятъ достигнуть путемъ диспута, есть лишь самообманъ. Подобными переговорами ничего нельзя достигнуть. И все-таки послѣднее слово не должно быть за скептицизмомъ, все-таки эта борьба необходима и цѣлительна. Успокоеніе въ вопросахъ религіи есть смерть религіи. А религія, которая не привлекаетъ къ себѣ новыхъ сторонниковъ и не подвергается нападеніямъ, успокаивается. Примѣръ Христа, который каждый день своей общественной жизни посвящалъ проповѣди и борьбѣ, долженъ оставаться прототипомъ христіанства.

V. Востокъ и Западъ въ древнемъ христіанствѣ.

Вліянія Востока на греческую религію.—Движеніе культуры Востока.—Религіозныя идеи и образы Востока, Миѳра.—Религія Миѳры.—Гностицизмъ.—Идеи гностиковъ.—Восточная фантазія гностиковъ.—Писанія гностиковъ.—Греческія и восточныя черты гностицизма.—Мани и его секта.—Сила христіанства; основанія его побѣды.

Христіанство, не побѣжденное внѣшними гоненіями, не понесло также значительныхъ потерь и отъ литературной полемики своихъ языческихъ противниковъ. Но все-таки оно не забыло и не простило своимъ врагамъ того зла, которое они ему причинили: памфлетъ «О смерти гонителей» представляетъ собою запоздалый актъ мести, ударъ, направленный противъ тѣней враждебныхъ цезарей, а систематическое истребленіе антихристіанской литературы является другой, болѣе существенной отплатой за нападенія язычниковъ. Такое отношеніе христіанъ, послѣдовательное уничтоженіе враждебной имъ и ихъ церкви литературы, постигло однако не только сочиненія язычниковъ, но захватило также и часть христіанской литературы; писанія еретиковъ, лжеучителей предавались уничтоженію съ такою же яростью и почти съ такимъ же успѣхомъ. Еретическія идеи уже ранѣе пытались проникнуть въ церковь, секты уже ранѣе пытались примкнуть къ ней и преобразовать ее на свой ладъ. Исторія апостоловъ повѣствуетъ уже о великомъ лжеучителѣ Симонѣ-Волхвѣ, первое и второе посланія Іоанна говорятъ о множествѣ антихристовъ, которые учатъ, что Іисусъ не Христосъ. Другія мѣста позднѣйшихъ авторовъ еще яснѣе говорятъ объ отвращеніи къ лжеучителямъ. Когда къ старому ученику Іоанна и мученику Поликарпу подошелъ одинъ изъ этихъ сектантовъ и спросилъ: «Ты узнаешь насъ?» то онъ получилъ въ отвѣтъ: «Я узнаю первенца Сатаны». Точно такъ же въ одномъ, довольно впрочемъ неправдоподобномъ, разсказѣ, говорится о томъ, какъ самъ Іоаннъ, войдя однажды въ купальню, быстро вышелъ изъ нея при появленіи одного врага христіанъ, боясь, какъ бы зданіе не обрушилось и не погребло его вмѣстѣ съ его врагомъ. Кто же были эти сектанты, чего хотѣли они, почему встрѣтила ихъ такая ненависть?

Что бы отвѣтить на эти вопросы до нѣкоторой степени цѣльно и полно, мы не должны разсматривать эти вещи непосредственно вблизи, намъ слѣдуетъ подняться на болѣе высокую точку и уже оттуда сдѣлать свой обзоръ. Для этого нужно ознакомиться съ взаимными отношеніями Востока и Запада въ древности, опредѣлить тѣ вліянія, которыя они оказывали другъ на друга.

Всего болѣе удивляетъ насъ всегда у античныхъ мыслителей, что они, опираясь на весьма небольшой и неполный матеріалъ, дошли

до столь глубокихъ и многозначительныхъ истинъ. Къ числу такихъ истинъ принадлежитъ взглядъ Геродота на борьбу между Азіей и Европой, который, если мы перенесемся въ эпоху автора и вспомнимъ все то, что произошло съ тѣхъ поръ въ исторіи, звучитъ для насъ какъ какое-то пророчество. На самомъ дѣлѣ, персидскія войны были лишь послѣдними могучими отпрысками великаго движенія, начавшагося много, много ранѣе: онѣ надолго освободили Грецію отъ вліянія Востока. Никто, конечно, не станетъ теперь отрицать, что «элементами матеріальной культуры» и первыми попытками художественной дѣятельности греки обязаны вліянію Востока. Но этого еще не достаточно; религія грековъ, какъ ни кажется она выросшей всецѣло на эллинской почвѣ, также съ Востока. получила первые толчки къ развитію. Выше мы говорили уже о сивиллахъ, ихъ оргіастическій темпераментъ, ихъ экстазъ, можетъ быть, даже ихъ имя носятъ азіатскій характеръ. Но еще одно явленіе религіозной жизни Греціи указываетъ на Азію. Это, такъ называемая, *орфика*, т. е. теософическое ученіе мнимаго пророка Орфея, глубокомысленныя поэтическія изреченія о происхожденіи міра, частью миѳологическія, частью теологическія, частью спекулятивныя ученія о вселенной, содержащія въ себѣ предписанія для спасенія человѣка отъ гнета полной превратностей земной жизни посредствомъ священныхъ жертвъ, мистерій и особенно путемъ аскетизма. Ученіе о происхожденіи міра, принадлежащее жившему въ серединѣ VI в. до Р. Хр. *Ферекиду Сиросскому*, первому представителю этого направленія, производитъ впечатлѣніе чего-то совсѣмъ негреческаго. Ферекидъ занимался изученіемъ астрономіи; наука же о звѣздахъ зародилась въ Вавилонѣ. О борьбѣ боговъ онъ говоритъ не такъ, какъ вообще говорили объ этомъ греки, т. е. какъ о борьбѣ Зевса со своимъ отцомъ, но какъ о спорѣ принципа вѣчности и времени, Хроноса, со змѣинымъ божествомъ. Борьба заканчивается тѣмъ, что одна партія низвергается въ глубину моря, въ «огеносъ»,—названіе, имѣющее общій корень съ вавилонскимъ словомъ *угинна* (кругъ, совокупность). Далѣе, Зевсъ, создавъ міръ, превращается въ бога любви Эрота; онъ создаетъ большое и красивое одѣяніе, на которомъ вь ткано изображеніе земли и жилищъ бога, и кладетъ его на крылатый дубъ. Къ этой символической, странной, малопонятной, почти нелѣпой, фантазіи въ послѣдующее время присоединяются продолженія идеи о сотвореніи міра. Надъ всѣмъ господствуетъ принципъ времени, живущій испоконъ вѣка; матерія свѣта или огня, эѳиръ, наряду съ хаосомъ, появляется лишь позднѣе. Изъ нихъ обоихъ Хроносъ образуетъ серебряное яйцо, изъ котораго выходитъ богъ свѣта Фанъ, называемый также богомъ любви и согласіемъ. Онъ въ одно и то же время и мужскаго и женскаго пола, онъ изъ самого себя родитъ ночь и землю, предковъ средняго поколѣнія боговъ. Къ послѣднему принадлежатъ также Кроносъ (не Хроносъ) и Рэа, сынъ которыхъ Зевсъ поглощаетъ Фана и даетъ начало послѣднему поколѣнію боговъ. Эти дикія картины и безформенныя представленія и являются истинными дѣтьми вавилонской и, во многомъ сходной съ ней, иранской миѳологіи. Помимо общаго впечатлѣнія грандіозной, прямо-таки захватывающей фантастичности этихъ образовъ, и отдѣльныя черты вполнѣ соотвѣтствуютъ высказанному положенію. Такъ, прежде всего, чисто вавилонскаго происхожденія борьба боговъ. Богъ весны, Мардукъ, уничтожаетъ при сотвореніи міра хаосъ, Тіаматъ; онъ борется съ первичнымъ моремъ, расчленяетъ Тіаматъ и одну половину ея превращаетъ въ небесный сводъ. Принципъ времени, какъ мы еще увидимъ, снова появился въ иранской религіи Миѳры; олицетворенія или персонификаціи въ родѣ Фана (=согласіе) также встрѣчаются въ иранской религіи, которая въ свою очередь знаетъ саморожденія, образы, создающіеся изъ самихъ

себя путемъ выдѣленія или эманаціи. Къ вавилонскому кругу сказаній относятся, далѣе, также двуполыя божества и змѣеподобныя существа. Такимъ образомъ, слѣдовательно, здѣсь обнаруживается необычайно сильное вліяніе Востока, а такъ какъ восточные культы и воззрѣнія, извѣстные намъ изъ болѣе поздняго времени, также обѣщаютъ вѣрующимъ освобожденіе отъ гнета таинственныхъ страшныхъ силъ и ведутъ ихъ къ этой цѣли черезъ мистеріи и аскетизмъ, то мы имѣемъ полное основаніе видѣть восточное вліяніе и въ томъ, что предписывала и чего требовала греческая орфика.

Хотя, можетъ быть, всѣ эти вещи кажутся имѣющими очень мало отношенія къ нашей темѣ, но тѣмъ не менѣе коснуться ихъ было безусловно необходимо, ибо онѣ приводятъ насъ къ пониманію побѣды нашей собственной новозавѣтной религіи: какимъ образомъ,—мы скоро увидимъ. Орфическія мистеріи и воззрѣнія держались съ замѣчательной живучестью, характерной для всей духовной и умственной жизни Греціи, въ теченіе многихъ вѣковъ. Происхожденіе ихъ, правда, осталось неизвѣстно эллинамъ. Для этого не было благопріятныхъ обстоятельствъ, ибо вскорѣ надвинулась гроза изъ Персіи, и послѣ того, какъ Западъ одержалъ блестящую побѣду, восточное вліяніе отхлынуло далеко назадъ. Культурное превосходство Запада продолжается долго и, наконецъ, повидимому навсегда утверждается походами Александра Македонскаго. Александръ, однако, не только продвинулъ сферу греческаго вліянія до Инда, онъ снялъ также оковы со всего восточнаго движенія, о которомъ такія наглядныя свидѣтельства даютъ намъ послѣдующія времена. Между тѣмъ, какъ до сихъ поръ лишь отдѣльные греки писали о Востокѣ, теперь въ многолюдные ряды историковъ, занимающихся этимъ предметомъ, вступаютъ также настоящіе уроженцы Востока, которые на греческомъ языкѣ пишутъ книги по исторіи и о культурѣ древнѣйшаго Востока. Уже выше мы говорили о вавилонянинѣ *Берозѣ*; все его выдающееся значеніе стало ясно лишь въ новѣйшее время, когда было открыто вавилонское сказаніе о потопѣ, весьма близкое къ описанію Бероза. Начинается переводъ Ветхаго Завѣта, широкое распространеніе іудейства въ странахъ Стараго Свѣта. Числу эллинизированныхъ іудеевъ вполнѣ соотвѣтствовало число эллиновъ и римлянъ, примкнувшихъ къ іудейству и получившихъ, поэтому, имя «богобоязненныхъ». Въ то же время снова наростала и физическая мощь Востока. Хотя Александръ и уничтожилъ силу персовъ, тѣмъ не менѣе греко-македонское владычество надъ побѣжденной страной продолжалось не очень долго. Парѳянская династія сбросила чужеземное иго съ плечъ иранцевъ, парѳяне въ качествѣ великой державы Востока выступили противъ Запада, т. е. особенно противъ римлянъ. Несмотря на множество греческихъ культурныхъ элементовъ,—которые были извѣстны также парѳянской странѣ, особенно при дворѣ царей,—начинается побѣдное шествіе національной и религіозной реакціи, которая достигаетъ своего апогея въ позднѣйшія времена, благодаря возвышенію династіи сассанидовъ: иранизмъ, который, какъ говоритъ одинъ извѣстный изслѣдователь нашихъ дней, никогда не уступалъ своихъ позицій въ пользу эллинизма, пріобрѣтаетъ на короткое время почти такую же силу, какъ и Римъ: іудейскіе апокалипсисы видятъ приближеніе полчищъ парѳянскихъ всадниковъ. «Римское государство», говоритъ Моммзенъ, «жертвуетъ первымъ существеннымъ результатомъ политики Александра и такимъ образомъ кладетъ начало тому обратному движенію, послѣдними отпрысками котораго являются Альгамбра въ Гренадѣ и великая мечеть въ Константинополѣ».

Это гигантское движеніе несетъ на гребнѣ своихъ волнъ массу религіозныхъ элементовъ. Наступленіе Востока на Западъ характеризуется не только

проникновенiемъ iудейства, но почти въ такой же степени и пропагандой персидско-вавилонскихъ воззрѣнiй. Въ Вавилонѣ iудейство познакомилось съ иранской религiей, и въ дальнѣйшемъ развитiи перваго обнаруживается влiянiе второй. Это относится особенно къ апокалиптическимъ идеямъ, которыя мы выше разсмотрѣли во всей ихъ совокупности, не касаясь вопроса объ ихъ происхожденiи. Персидская апокалиптика въ теченiе тысячелѣтнихъ перiодовъ заставляетъ злое и доброе начала бороться за мiровое владычество. Время отъ времени является спаситель мiра, но зло постоянно прiобрѣтаетъ все большую силу. Наконецъ, является послѣднiй спаситель, герой, рожденный отъ дѣвы. Затѣмъ наступаетъ конецъ мiра, воскресенiе мертвыхъ и судъ. Съ неба низвергается огонь, который пожираетъ землю. Люди должны пройти черезъ огонь; между тѣмъ, какъ одни проходятъ черезъ него легко и благополучно, какъ черезъ теплое молоко, другiе, несовершенства которыхъ уничтожаются пламенемъ, испытываютъ тяжкiя муки. Въ концѣ концовъ, однако, всѣ спасаются. Ахура-Мазда побѣждаетъ своимъ словомъ, т. е. волшебнымъ молитвеннымъ заклинанiемъ, Аримана (Ангра-Майнiу), и на новой землѣ, лишенной вредныхъ животныхъ, начинается новая жизнь. Различiе между персидскимъ и iудейскимъ воззрѣнiями видно здѣсь ясно и опредѣленно; съ одной стороны—пессимизмъ евреевъ, которые вовсе не хотятъ видѣть всѣхъ людей спасенными и отрицаютъ полное очищенiе отъ грѣховъ, съ другой стороны—увѣренный въ будущемъ, возвышенный оптимизмъ персовъ, который въ концѣ концовъ видитъ всѣхъ людей окруженными райскимъ сiянiемъ. Но какъ разъ это-то различiе, въ связи съ чертами сходства, и подтверждаетъ внутреннюю связь обѣихъ религiй: болѣе послѣдовательное iудейство отбросило эту утѣшительную идею и замѣнило совершенно противоположной. Дуализмъ позднѣйшаго iудейства, съ его представленiемъ о борьбѣ Бога противъ дiавола, или антихриста, также обнаруживаетъ иранскiя черты.

Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ дальнѣйшiя подробности; наука о религiи все еще не чувствуетъ себя здѣсь вполнѣ увѣренно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что религiозныя идеи Востока обладали чрезвычайной силой и постоянствомъ, разъ внутри греческой и iудейской религiи встрѣчаются области, имѣющiя совершенно чуждый характеръ и указывающiя на вавилонскiй и иранскiй Востокъ. Но мы еще не упомянули относительно главной части этого развитiя, не указали на заключительное звено этой цѣпи: культъ Миѳры. Недавно по этому вопросу появился замѣчательный трудъ гентскаго профессора *Кюмона*. Миѳра—генiй небеснаго свѣта; при помощи солнца, мѣсяца и звѣздъ онъ оберегаетъ мiръ: онъ стоитъ между Ахура-Маздой, вѣчнымъ свѣтомъ, и Ариманомъ, духомъ зла, какъ «дѣятельный богъ», онъ «посланецъ, предводитель небеснаго воинства въ его безпрерывной борьбѣ съ богомъ тьмы». Миѳра родился изъ скалы, на головѣ его надѣта фригiйская шапочка; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ факелъ, въ правой—ножъ. *Пастухи явились, чтобъ поклониться ребенку, они принесли ему первенцевъ своихъ стадъ и плоды.* Вскорѣ мальчикъ окрѣпъ и вооружился для борьбы съ другими силами. Онъ одержалъ побѣду надъ богомъ солнца и заключилъ съ нимъ союзъ, затѣмъ, научивъ человѣка земледѣлiю, онъ укротилъ дикаго быка и сталъ съ страшными усилiями задомъ тянуть его въ свою пещеру; животное, однако вырвалось, и Миѳра долженъ былъ убить быка, изъ отдѣльныхъ частей котораго развились затѣмъ новыя существа. Такимъ образомъ произошли люди, и Миѳра сталъ на защиту ихъ отъ преслѣдованiй злого Аримана. Потопъ и огонь не въ состоянiи навсегда истребить человѣчество, родъ смертныхъ разрастается и благоденствуетъ подъ покровительствомъ Миѳры, и герой,

отпраздновавъ окончаніе своихъ трудовъ общей трапезой съ богомъ солнца и *другими соратниками*, считаетъ, наконецъ, исполненной свою миссію на землѣ и удаляется къ безсмертнымъ. Эта миѳологія, изображающая побѣдоносную борьбу свѣта съ тьмою при помощи «посредника», какъ называется Миѳра, создателя міра, слилась съ сущностью вавилонской религіи, звѣзднымъ міромъ евфратскаго народа. «Легенды обѣихъ религій сблизились другъ съ другомъ, божества ихъ отождествились. и семитическая астролатрія, чудовищный продуктъ долгихъ научныхъ наблюденій. стала брать перевѣсъ надъ натуралистическими миѳами иранцевъ». Планеты у вавилонянъ обладаютъ неимовѣрной силой. Каждой изъ нихъ подчиняется одинъ день въ недѣлю, каждой посвященъ одинъ металлъ, число 7 обязано количеству планетъ своей особой мистической силой. Души, спускающіяся на землю, получаютъ отъ планетъ свои характерныя черты. Такимъ образомъ, по воззрѣнію вавилонянъ, этимъ свѣтиламъ безпрекословно подчинено все земное, созвѣздія неограниченно владычествуютъ надъ нашимъ существованіемъ. Эти небесныя силы доступны, однако, умилостивленію, существуютъ благодѣтельные покровители, одолѣвающіе злыя силы; ихъ-то содѣйствія и нужно добиться. Миѳра поддерживаетъ благочестивыхъ, чистыхъ сердцемъ въ борьбѣ противъ бѣсовской злобы. Тотъ, кто здѣсь на землѣ ведетъ чистый образъ жизни и борется съ плотскимъ вожделѣніемъ, кто знакомъ съ священными мистеріями бога свѣта, тотъ можетъ быть спасенъ, будетъ участникомъ блаженства какъ въ этомъ, такъ и въ томъ мірѣ.—Устройство того міра довольно своеобразно. Душа праведника, подымающаяся въ горнія области, встрѣчаетъ небо, раздѣленное на семь сферъ, изъ которыхъ каждая принадлежитъ какой-либо одной планетѣ. «Нѣчто вродѣ лѣстницы, состоявшей изъ восьми поставленныхъ другъ на друга воротъ, изъ которыхъ первыя семь были сдѣланы изъ семи различныхъ металловъ, служило въ храмахъ символическимъ напоминаніемъ о томъ пути, который нужно было пройти для достиженія самой верхней области постоянныхъ звѣздъ. На стражѣ у входовъ изъ одного этажа въ другой постоянно стояли ангелы Ахура-Мазды. Лишь знакомый съ мистическими формулами могъ уговорить этихъ непреклонныхъ стражей. При своихъ переходахъ изъ сферы одной планеты въ сферу другой душа оставляетъ у каждыхъ воротъ по одному изъ своихъ качествъ и, наконецъ, освобожденная отъ всего земного, достигаетъ *восьмого* неба, гдѣ и остается навѣки участницей безконечнаго блаженства.—Совершенно правильно указывали на то, что эта этажная постройка того свѣта представляетъ собою лишь метафизическое изображеніе вавилонской башни. Это извѣстная башня семи планетъ, строеніе, состоящее изъ семи поставленныхъ другъ на друга башенъ, сверху которыхъ находится восьмая башня, представляющая истинный храмъ божества. Каждый этажъ. какъ показали изслѣдованія на мѣстѣ, былъ окрашенъ въ свою особую краску. Такимъ образомъ, въ этомъ замѣчательномъ культѣ, какъ было мѣтко сказано, соединены вмѣстѣ умозрительная спекуляція и натурализмъ.—Но Миѳра все-таки не высшій богъ этой восточной религіи. Вершину образуетъ безконечное время. совершенно такъ же, какъ и въ томъ греческомъ ученіи, съ которымъ мы познакомились выше. Это Эонъ, котораго изображали въ видѣ человѣкообразнаго чудовища съ львиной головой; вокругъ тѣла его обвивалась змѣя, въ рукахъ онъ держалъ по ключу отъ неба. Кромѣ того, у него были еще крылья, которыя должны были олицетворять быстроту его бѣга: змѣя должна была изображать извилистый путь эклиптики. «Онъ творитъ и разрушаетъ все, онъ господинъ и вождь четырехъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ вселенная, въ немъ, по его волѣ, соединяется мощь всѣхъ боговъ, которые

созданы имъ однимъ». Такимъ образомъ, это изображенiе боговъ представляется для насъ чисто восточнымъ явленiемъ, черты котораго полезно замѣтить, наряду со всѣми другими, указанными выше.

Но впрочемъ уже и теперь кое-что можно узнать въ этомъ направленiи. Культъ Миөры, занесенный солдатами съ Востока на Западъ и распространенный сирiйскими купцами и восточными рабами, получилъ въ римскомъ государствѣ такое распространенiе, какого не достигалъ до него ни одинъ культъ. Завладѣвъ сначала низшими слоями населенiя, къ концу II столѣтiя по Р. Хр. онъ становится религiей двора и еще столѣтiе спустя прiобрѣтаетъ уже особое покровительство цезарей; въ концѣ концовъ, этотъ звѣздный пантеизмъ, какъ говоритъ Кюмонъ, становится послѣднимъ прибѣжищемъ консерваторовъ въ борьбѣ противъ христiанства. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ религiи съ ожесточенiемъ нападали другъ на друга. Съ древними греческими богами, какъ мы уже видѣли, христiанство церемонилось очень мало, культъ же Миөры, наряду съ неоплатонизмомъ, представлялъ для него существенную опасность. Обѣ религiи, и Iисуса Христа, и Миөры, происходили съ Востока, обѣ, повидимому, распространялись съ одинаковой быстротой, обѣ требовали отъ вѣрующихъ чистоты души, обѣ давали множество обѣщанiй. Къ тому же нѣкоторую таинственную связь между ними не устранила даже фанатическая полемика христiанъ. Здѣсь, какъ и тамъ, пастухи поклонялись новорожденному младенцу; здѣсь, какъ и тамъ, праздновалось воскресенье и 25-е декабря—день рожденiя солнца; здѣсь, какъ и тамъ, существовалъ, наряду съ обрядомъ крещенiя, обрядъ причащенiя; здѣсь, какъ и тамъ, между высшимъ богомъ и людьми, стоялъ божественный посредникъ. Это сходство бросалось въ глаза язычникамъ, и они выводили изъ него свои рѣзкiя заключенiя, которыя были далеко не въ пользу христiанъ; послѣднiе, конечно, также не отрицали этихъ точекъ соприкосновенiя, но видѣли въ нихъ лишь бѣсовское навожденiе со стороны служителей Миөры. Мы пока должны воздержаться отъ какого либо вывода относительно этого сходства; цѣль нашего изложенiя лежитъ въ нѣсколько иномъ направленiи,

Намъ желательно, главнымъ образомъ, составить себѣ представленiе о самой сущности всего этого движенiя, о силѣ его стремленiя, о ходѣ того процесса, чистѣйшiй пунктъ кристаллизацiи котораго образуется въ христiанствѣ. Христiанство представляетъ собою лишь одинъ изъ факторовъ всего великаго религiознаго движенiя, которое, во всей своей силѣ, поддерживалось на Востокѣ вплоть до Магомета; правда, оно—наиболѣе сильный, наиболѣе твердый факторъ. Часть этихъ образованiй, въ извѣстномъ смыслѣ примыкающихъ къ христiанству или, по крайней мѣрѣ, не отвергающихъ его, мы теперь и разсмотримъ.

Здѣсь, прежде всего, мы встрѣчаемся съ замѣчательной сектой такъ называемыхъ *гностиковъ*, если вообще можно называть *сектой* вѣру, раздѣлившуюся на множество сектъ. Гностики—это «мужи познанiя», они стремятся къ *«гнозису»*, къ глубочайшему познанiю, хотя бы даже посредствомъ волшебства: они хотятъ узнать, какая сокровенная сила поддерживаетъ мiръ. Христiанство въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, является для нихъ лишь предварительной ступенью для этого, простыя слова Господни относятся, по ихъ мнѣнiю, къ чему-то иному, болѣе возвышенному. Вселенная, божество, его цѣли и его дѣянiя въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ представляютъ собою тайну (mysterium), и познанiя ихъ можно достигнуть только посредствомъ таинственныхъ мистерiй. На основанiи доводовъ, къ которымъ мы скоро обратимся, было высказано мнѣнiе, что гностицизмъ зародился на Востокѣ, и этотъ взглядъ, по моему, имѣетъ за себя многое. Гарнакъ, напротивъ, остается при

томъ мнѣніи, что это религіозное направленіе означаетъ лишь первую крупную попытку придать христіанству духъ эллинизма, и это свое мнѣніе великій теологъ основываетъ, разумѣется, на весьма вѣскихъ доказательствахъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ обѣ стороны правы. Въ эту эпоху, когда разлагаются старыя философскія системы, когда религіи проникаютъ другъ друга, когда культы переносятся съ одного мѣста на другое, когда даже различныя націи сливаются, повидимому, въ одинъ міровой народъ,—не можетъ быть болѣе рѣчи о вполнѣ чистомъ религіозномъ творчествѣ.

Несомнѣнно одно, что въ гностицизмѣ, который во II и III столѣтіяхъ грозилъ впитать въ себя ученіе апостоловъ, заключается сильная греческая примѣсь. Гностики подвергаютъ самой рѣзкой критикѣ цѣлый рядъ христіанскихъ воззрѣній и догматовъ. Выше мы видѣли, какъ высказываются языческіе противники христіанства объ отдѣльныхъ его положеніяхъ. Мы видѣли, что они прекрасно отличали Бога Ветхаго Завѣта отъ Бога Новаго Завѣта, что первый казался имъ гнѣвнымъ и грознымъ, второй же полнымъ любви. Ихъ философы нашли далѣе, что міръ созданъ далеко не вполнѣ совершенно, и что Богъ не имѣлъ никакихъ основаній быть имъ довольнымъ. Христосъ, какъ сынъ Божій, не могъ быть такимъ, какъ его изображаетъ писаніе; Богъ не можетъ страдать, плакать и умирать; кромѣ того его жизнь и дѣла не соотвѣтствуютъ предсказаніямъ Ветхаго Завѣта. Далѣе язычники совѣтуютъ гонимымъ христіанамъ не искать толпами смерти, ибо имъ, вѣдь, очень легко, посредствомъ какой-нибудь пустячной уступки, избавиться отъ бѣды. Замѣчательно, что гностики высказываютъ совершенно такія же мысли; они оказались подъ сильнымъ вліяніемъ полемики язычниковъ. Они говорятъ, что поклоненіе идоламъ и жертвы не имѣютъ никакого значенія, если только они не исходятъ отъ сердца; они убѣждены, что Христосъ имѣлъ лишь призрачное тѣло, что на самомъ дѣлѣ онъ не страдалъ и не рожденъ отъ человѣка; они указываютъ, что часть предсказаній Ветхаго Завѣта не можетъ относиться къ Христу; они признаютъ, что созданіе міра произошло иначе, чѣмъ это описывается въ Ветхомъ Завѣтѣ, иной творческой силой, они даже совершенно отвергаютъ Ветхій Завѣтъ изъ-за противорѣчій его съ Новымъ. Правда, мы видѣли уже, что Ветхій Завѣтъ сталъ очень рано возбуждать сомнѣніе. Частое аллегорическое толкованіе его доказываетъ, что уже перестали вполнѣ полагаться на буквальный смыслъ его словъ. Нѣкоторые дошли даже до того, что объявили Ветхій Завѣтъ созданіемъ діавола. Противъ этого взгляда возсталъ одинъ изъ знаменитыхъ гностиковъ II столѣтія по Р. Хр. Въ дошедшемъ до насъ письмѣ къ одной христіанкѣ его общины онъ опровергаетъ это мнѣніе слишкомъ горячихъ головъ, хотя и самъ не воздерживается отъ жестокой критики книги. Онъ признаетъ, что вся совокупность еврейскихъ законовъ не могла быть создана кѣмъ-нибудь однимъ, что законы эти написаны не только Богомъ, но и человѣкомъ, т. е. пополнены Моисеемъ. Законы Моисея стоятъ въ противорѣчіи съ закономъ Бога; Моисей вынужденъ былъ сдѣлать много уступокъ человѣческой слабости. Кромѣ того, въ законы вошли нѣкоторыя преданія болѣе древнихъ временъ. Древній, истинный законъ Бога либо усовершенствованъ Спасителемъ, либо совершенно отмѣненъ или одухотворенъ. Но Богъ, давшій законъ, хотя и не дьяволъ, конечно, но и не совершенный Богъ, а нѣчто отличное отъ того и другого. Это такъ называемый *Деміургъ* или создатель всего этого міра, посредникъ. Этотъ Богъ ниже совершеннаго Бога, онъ рожденъ,—въ противоположность отцу вселенной, который не рожденъ,—но тѣмъ не менѣе, онъ выше и величественнѣе, чѣмъ сатана. Эти идеи, подобно развитымъ ранѣе, носятъ не

столько сами философскій характеръ, сколько вызваны греческой философіей.

Впрочемъ, примѣсь греческихъ нитей не была очень сильна въ религіозной ткани гностиковъ. Наряду съ рѣзкой эллинской критикой преданія, которая вызвала восторженныя слова со стороны такого теолога, какъ Гарнакъ, мы видѣли здѣсь замѣчательное религіозное умозрѣніе, которое какъ бы переноситъ насъ въ фантастическое царство призраковъ и невольно напоминаетъ образы и духъ восточныхъ созданій. Чисто этическія или интеллектуальныя понятія превращаются въ пластическіе божественные образы, порождаютъ изъ себя другіе, борятся съ божественными силами, погибаютъ, побѣждаютъ: какая-то смѣсь то вполнѣ доступныхъ, то снова недосягаемыхъ спекуляцій, самаго дикаго произвола творческой фантазіи и древнѣйшихъ представленій восточной миѳологіи. Такое впечатлѣніе испытываемъ мы, знакомясь съ идеями *Симона*, Волхва, котораго преданіе называетъ первымъ гностикомъ. Согласно этому преданію, Симонъ выдавалъ себя за Бога, онъ говорилъ, что среди іудеевъ онъ явился, какъ Сынъ (Мессія), въ Самаріи—какъ Отецъ, среди язычниковъ—какъ Святой Духъ; во всѣ времена люди чтили его, какъ высшее божество подъ различными именами—Зевса, Ормузда и т. д. Онъ водилъ съ собою женщину, которую называлъ Еленой и про которую говорилъ, что она—божественное согласіе, мать всѣхъ, истинное изображеніе идеи Бога, которая руководила имъ при сотвореніи ангеловъ и архангеловъ, выйдя изъ него и завершивъ это твореніе. Эти ангельскія силы создали міръ. Послѣ этого они отвергли свою мать, оскорбили ее и заключили въ человѣческое тѣло. Такъ дѣлается она Еленой троянской войны и, переходя изъ одного тѣла въ другое, доходитъ, наконецъ, до Елены Симона. Она—потерянная овца, для спасенія которой Отецъ сошелъ на землю въ лицѣ Симона, чтобы принести блаженство людямъ. Ангелы плохо управляли міромъ, и такъ Богъ спустился къ людямъ въ трехъ вышеназванныхъ образахъ. На основаніи всего сказаннаго можно легко представить себѣ, какое негодованіе должно было вызывать въ апостолахъ и ихъ ученикахъ подобное ученіе, какъ постепенно образъ волшебника у нихъ и ихъ послѣдователей пріобрѣлъ чисто демоническія черты; тогда Симонъ превратился въ антихриста, и въ Римѣ видѣли даже, какъ онъ передъ всѣмъ народомъ летѣлъ по воздуху.

Если уже религіозныя построенія Симона вызываютъ у насъ головокруженіе, то другія гностическія системы невольно увлекаютъ насъ въ какой-то безумный водоворотъ миѳологическихъ представленій, въ какой-то дико клокочущій хаосъ. Здѣсь царитъ надъ всѣмъ сущимъ вселенская матерь «мудрость», тамъ міромъ управляетъ дѣвственный духъ свѣта, *Барбело*. Послѣдній создаетъ изъ себя демоническаго сына, *Ялдабаота*, который въ свою очередь производитъ новыя существа, и среди нихъ, въ концѣ концовъ, изъ глубинъ основной матеріи появляется сынъ, принимающій образъ змѣи. Этотъ сынъ навлекаетъ на себя гнѣвъ своего злого отца, живя вмѣстѣ съ нимъ на небѣ и въ раю. Ялдабаотъ восклицаетъ: «Я отецъ и богъ, и надо мною нѣтъ никого!» Тогда мать кричитъ ему: «Не лги, Ялдабаотъ, надъ тобою есть отецъ всѣхъ, первый человѣкъ и человѣкъ, сынъ человѣческій». Тогда Ялдабаотъ приходитъ въ смятеніе и призываетъ шесть своихъ соправителей: «Создадимъ человѣка по образу нашему». Другая секта, которая по греческому слову «змѣя» называла себя *«офитами»*, объявила райскаго змія вселенской матерью премудростью; онъ научилъ человѣка познанію добра и зла, и поэтому Моисей избралъ змія, какъ образъ божества. Но Ялдабаотъ изгналъ его. Однако. и этого всего еще недостаточно. Гностическая фантазія создаетъ еще множество идейныхъ божествъ; «вѣчный смыслъ (nus)», «мышленіе», «истина», «лю-

бовь», «воля» — все это превращается въ конкретныя божества; они заключаютъ между собою союзы, соединяются въ отдѣльныя группы, предпринимаютъ то тѣ, то другія дѣйствія, которыя будто бы упоминаются даже въ библіи; вообще это какая-то яростная пляска духовъ, съ поразительной быстротой переносящая насъ съ неба на землю и отсюда въ преисподнюю. Такимъ образомъ, нѣтъ почти никакой возможности отдѣлить всѣ эти представленія другъ отъ друга и вывести ихъ одно изъ другого, не говоря уже о томъ, чтобы дать здѣсь ихъ полное изображеніе. Изъ всего этого можно сдѣлать выводъ только относительно одного оріентализма этихъ фантазій. Къ нему, въ концѣ концовъ сводится большая часть ихъ. Прежде всего бросается въ глаза произвольность (по крайней мѣрѣ такъ кажется западному мышленію), дѣланность всѣхъ этихъ представленій. Далѣе, еще болѣе ярко-восточный характеръ носятъ различные отдѣльные факторы. Сюда относится дуализмъ всего этого міра, злые и помогающіе боги; мы видимъ здѣсь битвы боговъ, борьбу свѣта съ тьмою, неба съ адомъ и его существами, мы встрѣчаемъ здѣсь чисто восточныя созданія въ одно и то же время мужского и женскаго пола, наконецъ, эти эманаціи, эти самозарожденія.

Но этотъ оріентализмъ еще яснѣе проявляется въ отдѣльныхъ частностяхъ. Выше мы познакомились уже съ представленіемъ религіи Миѳры о поднятіи душъ до высшаго, чистѣйшаго бытія и помнимъ, что это было вавилонское ученіе, прообразомъ котораго послужила астрономическая башня въ Вавилонѣ. Совершенно также мыслитъ и гностикъ. Его ученіе, познаніе божественныхъ тайнъ, должно дать человѣку возможность посредствомъ мистерій достигнуть мѣста высшей полноты, такъ называемой *плеромы*. Весь міръ и каждый отдѣльный человѣкъ подчинены злому господству планетъ, семи страшныхъ силъ. Ради этого Господь сошелъ съ неба, виѳлеемская звѣзда смѣнила древній рядъ свѣтилъ. Однако, человѣку все еще необходимо побороть эти силы. Гностицизмъ ведетъ насъ прямымъ путемъ къ этой цѣли. Подобно тому, какъ орфики и религія Миѳры признавали одинъ главный принципъ, вѣчное время, *эонъ*, такъ гностики принимаютъ цѣлый рядъ изъ семи *эоновъ*, которые Христосъ прошелъ по своему пути на землю,—семь ступеней познанія, которыя снова должны быть пройдены душой подъ руководствомъ гнозиса. Но на стражѣ этихъ ступеней, этихъ эоновъ, стоятъ злые властители, такъ называемые, архонты, боги планетъ; ихъ надо одолѣть. Для этого человѣку служатъ священныя формулы, священные знаки, мистеріи. Онъ долженъ знать астрологію, съ ея помощью онъ одолѣетъ злыхъ властителей міра. Для этого же нужна магія; потому-то человѣкъ, желающій спастись, занимается этимъ искусствомъ на землѣ, чтобы послѣ побѣдить посредствомъ него. До насъ дошло множество самыхъ безсмысленныхъ формулъ, самыхъ причудливыхъ сочетаній буквъ, взываній къ Богу и пр.; про часть изъ нихъ гностики дерзновенно утверждали, что онѣ предписаны самимъ Христомъ своимъ ученикамъ, какъ средство спасенія. Крещеніе также подчинено вліянію бѣсовъ. При крещеніи произносятся поэтому сирійскія формулы, смыслъ которыхъ уже былъ совершенно забытъ въ эпоху ихъ примѣненія, и которыя, поэтому, имѣютъ лишь дѣйствіе волшебныхъ заклинаній. Подобнаго же рода существовало гностическое таинство мертвыхъ, которое совершалось надъ трупами, чтобы сдѣлать душу недоступной враждебнымъ силамъ.

Оставимъ, однако, дальнѣйшее разсмотрѣніе этихъ волшебныхъ заклинаній. Ибо у гностиковъ далеко не все сводится къ этимъ фокусамъ, хотя отцы церкви, конечно, особенно энергично трактуютъ объ этихъ вещахъ. На своихъ собраніяхъ гностики пѣли также гимны, которые, несмотря на мѣстами проникающій ихъ мистицизмъ, тѣмъ не менѣе показы-

ваютъ, что чувство вѣрующихъ было переполнено представленіями, которыя и нами могутъ быть оцѣнены по достоинству, ибо они свидѣтельствуютъ съ чисто человѣческой красотой о страхѣ и надеждѣ, объ упованіи на невыразимое или дышатъ твердой увѣренностью въ знаніи божественныхъ тайнъ. Вотъ одинъ изъ такихъ гимновъ:

Сначала создалъ вселенную духъ,
А первенецъ родилъ затѣмъ
Хаосъ, изливъ его изъ себя.
А послѣ того получила душа
Свою многотрудную жизнь.
И съ этихъ поръ, образъ оленя принявъ,
Ведетъ борьбу она съ смертью.
То въ гордости царской на свѣтъ глядитъ,
То стонетъ и плачетъ, глубоко скорбя,
То смѣхомъ и радостью вдругъ расцвѣтетъ,
То низвергается несчастная въ бездну страданія
Въ лабиринтахъ безконечно блуждая.
Рекъ Іисусъ: Взгляни, отецъ мой,
Какъ то существо земное,
Цѣль и жертва всѣхъ несчастій,
Отъ тебя вдали блуждаетъ.
Посмотри, какъ отъ хаоса,
Помощи нигдѣ не видя,
Убѣжать оно стремится.
Такъ пошли жъ меня, отецъ мой,
Я сойду съ печатью къ людямъ,
Чрезъ эоны пронесусь я,
Вѣсть святую принесу имъ,
Дамъ боговъ изображенье.
И открою я вамъ тайну,
Ко спасенью путь священный:
Гнозисъ—имя ей для васъ!

Въ одномъ изъ своихъ гимновъ гностики слѣдующимъ образомъ прославляютъ мудрость:

Эта дѣвушка—дочь свѣта,
На ней покоится гордый блескъ царей,
Внѣшность ея прекрасна
Она блещетъ лучезарной красотой
Одежды ея подобны весеннимъ цвѣтамъ,
Ароматъ цвѣтовъ исходитъ отъ нихъ.
Въ головахъ у нея находится престолъ царя,
Который даетъ своимъ подданнымъ божественную пищу.
Истина покоится на ея главѣ,
. . . .
Подобно *ступенямъ* подымается ея шея,
Ее создалъ первый строитель вселенной.
Обѣими руками указываетъ она на хоръ счастливыхъ эоновъ
Ея пальцы указываютъ на врата города.
Ея брачный покой свѣтелъ,
Полонъ запаха бальзама и другихъ благовоній,
Запаха мирры и пахучихъ корней.
Внутри разбросаны вѣтви мирры и благовонные цвѣты,
Входы украшены тростникомъ.
Вокругъ нея стоятъ ея дружки, числомъ семь,
Которыхъ избрала она сама;
Подружекъ ея также семь,
Онѣ ведутъ передъ ней хороводъ.
Двѣнадцать тѣхъ, которые служатъ ей
И подчинены ей.
Они напряженно смотрятъ на жениха,
Чтобы взоръ его освѣтилъ ихъ,
И они вѣчно будутъ при немъ для вѣчной радости,

И будутъ присутствовать на той свадьбѣ, на которую собираются знатные,
И на томъ пирѣ, который будетъ данъ въ честь вѣчныхъ.
И надѣнутъ они царскія облаченія и блестящія одежды,
И исполнятся оба радостью и весельемъ
И прославятъ отца всего,
Гордый свѣтъ котораго они восприняли,
И освѣтились взорами своего господина,
Божественную пищу котораго они взяли,
И пили его вино,
Которое не возбуждало въ нихъ ни жажды, ни желанія.
Хвалили и славили съ живымъ духомъ
Отца истины и мать мудрости.

Гораздо красивѣе звучитъ короткій отрывокъ изъ проповѣди одного замѣчательнаго гностическаго учителя и оратора: «Вы изначала безсмертны и дѣти вѣчной жизни, вы хотѣли распредѣлить смерть между собою, чтобы извести и истребить ее, и чтобы такимъ образомъ она умерла въ васъ и черезъ васъ. Ибо, если вы уничтожите міръ, сами же себя не уничтожите, то вы будете господами творенія и всего преходящаго».

Сдѣлавъ такимъ образомъ краткій и весьма неполный обзоръ великой секты, мы видимъ, съ одной стороны, какъ гностицизмъ воспринимаетъ греческую критику, съ другой же стороны, что умозрительныя спекуляціи о вселенной, вѣра въ познаніе посредствомъ мистерій, посредствомъ просвѣтлѣнія души вполнѣ соотвѣтствуютъ восточному мышленію и чувствованію; теперь для насъ выясняются также и тѣ пункты, въ которыхъ приспособляются другъ къ другу, повидимому, совершенно несоединимыя противоположности, оріентализмъ и эллинская философія. Гностики отвергли Ветхій Завѣтъ и его могучаго гнѣвнаго Бога; однако, они не отстранили послѣдняго вполнѣ, они объявили его лишь творческой силой, могучимъ, хотя и не высшимъ божествомъ: это вполнѣ соотвѣтствовало восточному мышленію. Также не вѣрили они и въ страданія Христа; такимъ образомъ, они опять проводили различіе между Іисусомъ, который страдалъ какъ человѣкъ, и Христомъ, который лишь временно жилъ въ немъ. Другіе предполагали, что Мессія, о которомъ предсказывалъ Ветхій Завѣтъ, и который, согласно этой книгѣ, можетъ быть лишь воинственнымъ княземъ, еще придетъ, и тогда истинный Христосъ будетъ бороться съ нимъ. Такъ посредствомъ своеобразнаго соединенія умозрѣнія и миѳологіи гностицизмъ старался устранить тѣ сомнѣнія, которыя возникаютъ у всякаго критически мыслящаго читателя, и, отбросивъ весьма употребительное аллегорическое толкованіе Ветхаго Завѣта, это жалкое убѣжище отъ сомнѣнія, сохранить въ извѣстномъ смыслѣ за древней книгой ея авторитетъ и органически связать ее съ Новымъ Завѣтомъ. Но тѣмъ не менѣе, гностицизмъ нельзя назвать чистой эллинизаціей христіанства.

Вѣрно во всякомъ случаѣ, что ненависть церкви и ея признанныхъ представителей со всей энергіей обрушивается также на все эллинское въ христіанствѣ. Уступками язычникамъ въ догматахъ рисковали потрясти самыя основы возникающей церкви, а то равнодушіе, съ которымъ христіане во время гоненій относились къ жертвоприношеніямъ языческимъ богамъ и къ отреченіямъ отъ христіанства, также ослабляло единство выступленія. Но и въ другихъ отношеніяхъ христіанство, въ собственномъ смыслѣ этого слова, должно было заботиться о томъ, чтобы его не смѣшивали съ гностицизмомъ. Враги христіанъ съ насмѣшкой указывали на гностическія мистеріи, на ихъ склонность ко всякимъ волшебствамъ, на близость ихъ къ восточнымъ культамъ. И здѣсь нужно было поднять забрало, нужно было заявить тѣмъ, которые называли себя христіанами, на дѣлѣ же не были таковыми, что они по духу не имѣютъ ничего общаго

съ христіанствомъ. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія думаютъ, что во время этой борьбы дѣло шло о томъ, будетъ ли или не будетъ христіанство поглощено волной языческихъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что тотъ исполинскій валъ, который вынесъ съ Востока христіанство, грозилъ снова захватить его въ свою мутную пучину. Однако, простой смыслъ апостоловъ и ихъ учениковъ, какъ позднѣе западный духъ отцовъ церкви, всѣми силами воспротивился этому и сумѣлъ отстранить великую опасность, которая угрожала со стороны гностицизма. Правда, одновременно съ этимъ было уничтожено и много хорошаго.

Сила восточнаго теченія въ то время была огромна. Подъ копытами персидскихъ коней, начиная съ III столѣтія, содрогается почва Малой Азіи; восточные императоры, съ увлеченіемъ прославляемые восточнымъ народомъ, вступаютъ на тронъ цезарей, и, наконецъ, греческій Востокъ получаетъ свою собственную столицу. То же происходитъ и въ области религіи. Послѣ гностицизма здѣсь выступаетъ ученіе, такъ называемыхъ, *манихеевъ*. Старый гностицизмъ находился уже въ упадкѣ, вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать господство въ римскомъ государствѣ, Христу или Миѳрѣ, также уже былъ почти разрѣшенъ, когда Востокъ еще разъ обнаружилъ свою исполинскую религіозную творческую силу, выдвинувъ противъ Запада ученіе вавилонянина, *Мани*. Это была послѣдняя и самая трудная борьба. Мани родившійся въ 215/6 году по Р. Хр. въ Вавилоніи, былъ такимъ же основателемъ религіи, какъ Магометъ. Его желаніемъ было дать персамъ лучшую религію, а не вытѣснить апостольское христіанство. Хотя онъ и примкнулъ къ одной гностической системѣ, но форма его ученія была болѣе языческой, чѣмъ гнозисъ. Какъ всѣ вѣроисповѣданія той эпохи, за исключеніемъ христіанства, его ученіе также восприняло самыя разнообразныя составныя части: мы находимъ въ немъ элементы парсизма, буддизма, вавилонской и восточно-христіанской религіи. Поэтому-то его ученіе и оказывало такое глубокое вліяніе: отъ высотъ Передней Азіи оно прошло по всему тогдашнему міру до Столбовъ Геркулеса и проникло въ Галлію, съ IV и почти до XII вѣка оно оспаривало господство у христіанства и доставило много тяжелыхъ часовъ отцамъ и князьямъ церкви. Къ Мани, разсказывало преданіе, явился ангелъ, который призвалъ его на служеніе Богу; послѣ этого Мани, на 28-мъ году жизни выступилъ какъ основатель новой религіи, онъ говорилъ, что послѣ Будды, Заратустры, Іисуса онъ является послѣднимъ посланникомъ Божіимъ. Его ученіе абсолютно дуалистическое; здѣсь мы снова встрѣчаемъ двѣ силы, свѣтъ и тьму, какъ первобытное состояніе міра. Первичный свѣтъ состоитъ изъ дважды пяти элементовъ, которые носятъ названія нравственныхъ состояній. Къ царству свѣта принадлежитъ еще земля свѣта, которою управляетъ богъ свѣта,—родъ отраженія человѣческой земли. Подъ царствомъ свѣта лежитъ тьма, которая персонифицируется, какъ вавилонская Тіаматъ; тьма также состоитъ изъ пяти элементовъ и также имѣетъ свою землю тьмы. Изъ тьмы выросъ сатана, который и началъ борьбу съ царствомъ свѣта. Въ этой борьбѣ выступаетъ множество крайне запутанныхъ новыхъ миѳологическихъ фигуръ; въ концѣ концовъ побѣждаетъ свѣтъ. Изъ смѣшенія элементовъ свѣта и тьмы возникаетъ видимый міръ. Въ немъ продолжается та же вражда между свѣтомъ и тьмою, она отражается также и въ человѣкѣ, тѣло котораго создано демонами, душа же принадлежитъ свѣту, при чемъ въ Адамѣ содержится болѣе свѣтовыхъ частицъ, чѣмъ въ Евѣ. Поэтому, къ людямъ посылается утѣшитель, Іисусъ, который разъясняетъ имъ это печальное состояніе. Затѣмъ съ разными дико-фантастическими украшеніями передается басня о Каинѣ и Авелѣ; въ концѣ концовъ Адамъ отправляется въ царство свѣта, Ева—въ адъ. Такой же необуздан-

ностью фантазіи отличается и изображеніе конца міра, мы, однако, не будемъ останавливаться на этомъ; достаточно сказать, что и здѣсь, какъ и въ другихъ воззрѣніяхъ манихеевъ, господствуетъ идея о конечномъ соединеніи всѣхъ существующихъ во вселенной свѣтовыхъ элементовъ и объ окончательномъ торжествѣ свѣта надъ тьмою.

Той же идеей свѣта проникнута и этика. Человѣку рекомендуется ѣсть опредѣленную пищу, которая содержитъ въ себѣ свѣтовыя частицы, по обратнымъ причинамъ онъ долженъ избѣгать нечистыхъ словъ, мыслей и занятій. Вѣрующіе, по степени выполненія этихъ заповѣдей, дѣлятся на «совершенныхъ» и «слушателей»; послѣдніе оказывали первымъ безконечное почтеніе, какъ праведнымъ. Религія свѣта характеризуется также и внѣшними обрядами; смотря по положенію солнца, ежедневно произносятся четыре различныя молитвы, содержаніе которыхъ относится ко всѣмъ свѣтлымъ единствамъ манихейской вѣры.

Взглядъ Мани на Христа сходенъ со взглядомъ многихъ гностиковъ. Распятаго іудеями Іисуса Мани называетъ «сыномъ бѣдной вдовы» и видитъ въ немъ родъ дьявола, истинный же спаситель обладалъ лишь призрачной видимостью человѣка, его рожденіе, крещеніе, его страданія были лишь кажущіяся. Съ этимъ связано точное различеніе истиннаго и неистиннаго въ библіи; пророкъ свѣта Мани считаетъ особенно истинной въ Новомъ Завѣтѣ, конечно, исторію преображенія и затѣмъ этику Христа. Ветхій Завѣтъ, разумѣется, совершенно отвергается имъ; Моисей—это апостолъ тьмы.

Манихейство было справедливо названо совершеннѣйшимъ гнозисомъ. Оно переняло элементы уже падавшей великой секты и еще разъ наводнило Востокъ и Западъ представленіями вавилонскаго язычества. Вѣдь и гностицизмъ въ основѣ своей былъ также проникнутъ вавилонскимъ духомъ. Церковь вновь обратилась противъ новаго врага. Съ нимъ, однако, было труднѣе справиться, чѣмъ съ собственно гнозисомъ. Хотя Августину, который самъ долгіе годы пробылъ въ лагерѣ манихеевъ, и удалось одолѣть нѣкоторыхъ отдѣльныхъ манихеевъ, но и онъ не добился большого успѣха въ своей борьбѣ противъ этой секты. Не смотря на жестокія преслѣдованія, она держалась до поздняго средневѣковья подъ именемъ «каѳаровъ» (т. е. людей чистоты). Наряду съ этимъ гностическимъ ученіемъ донынѣ сохранилось еще другое развѣтвленіе гностицизма, секта *мандеевъ*, которые называли себя учениками Іоанна. Мандеи живутъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ нижняго Евфрата и Тигра въ количествѣ приблизительно 1500 человѣкъ: это послѣдній, въ высшей степени замѣчательный остатокъ древняго гнозиса, упоминаніемъ о которомъ мы и закончимъ наше разсмотрѣніе этой секты.

* * *

Если мы еще разъ бросимъ взглядъ на развитіе древняго христіанства, то мы снова придемъ въ изумленіе передъ его исполинской силой. Оно предприняло тяжелую борьбу противъ языческой полемики, противъ греческаго скепсиса. Хотя, какъ мы неоднократно замѣчали, и трудно было добиться побѣды, тѣмъ не менѣе произошло все, что могло произойти при неустанномъ и рѣшительномъ выступленіи христіанъ противъ врага. Тяжела была также и борьба съ языческимъ государствомъ и его могучей организаціей. Однако, какъ разъ здѣсь христіанству помогло огромное число его приверженцевъ; систематическія преслѣдованія явились слишкомъ поздно. Гораздо серьезнѣе былъ споръ съ вновь пробудившимся языческимъ благочестіемъ, съ стремленіемъ язычниковъ къ Богу, которое у

народа выразилось въ широкомъ распространеніи культа Митры, у философовъ же—въ неоплатонизмѣ. Всего же труднѣе было христіанству побороть секты внутри самого себя. Церковь постоянно боролась противъ нихъ, какъ противъ измѣнниковъ, и добивалась уничтоженія ихъ также систематическимъ преслѣдованіемъ ихъ литературы. Но все-таки христіанство одержало побѣду въ этой гигантской борьбѣ, которая велась одновременно на нѣсколько фронтовъ. Каковы же были историческія причины этой побѣды? Постараемся, насколько это возможно, указать ихъ. Какъ на одну изъ такихъ причинъ, мы указывали выше на крайнюю концентрацію христіанства, другую причину мы нашли въ общемъ настроеніи той эпохи, въ потребности человѣка углубиться во внутреннюю жизнь духа. Но гораздо сильнѣе этихъ отдѣльныхъ факторовъ дѣйствовало, повидимому, общее развитіе вещей, т. е. въ этомъ случаѣ: религіозное вліяніе Востока; оно цѣликомъ завладѣло Западомъ, оно доставило и христіанству его первыя побѣды. Послѣднее, однако, скоро оттолкнуло отъ себя этотъ побѣдоносный оріентализмъ. Хотя христіанство само было восточной религіей, но оно представляло собою чудесное сочетаніе мистики, которая составляетъ принадлежность всякой религіи, и простой практической морали, вполнѣ совпадавшей съ божественнымъ символомъ христіанства. Въ эпохи возбужденія и христіанство принимало экстатическія формы; когда же снова наступали спокойныя времена, тогда оно во всей чистотѣ заполняло души своихъ приверженцевъ. Къ тому же, въ противоположность другимъ религіямъ Востока, христіанство, какъ чисто народная религія, предъявляло столь простыя требованія къ отдѣльной личности, что опасность притока новыхъ восточныхъ элементовъ была совершенно устранена. Борьба, которую затѣмъ пришлось вести апологетамъ съ учеными языческими врагами, снабдила ихъ философскимъ оружіемъ противниковъ и наложила на ихъ духъ печать эллинизма. Основной чертой послѣдняго всегда былъ извѣстный раціонализмъ. Этотъ-то раціонализмъ и отвергъ фантастическій духъ восточнаго гнозиса: такъ Западъ реагировалъ на Востокъ. Такимъ образомъ черты Востока были восприняты лишь сектами, а не сдѣлались принадлежностью всей религіи въ ея цѣломъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изданія „Вѣстника Знанія“ по исторіи культуры и исторіи религіи *).

Иллюстрированная исторія культуры, въ 3 частяхъ.

Часть 1. Древніе вѣка: a) Древнѣйшая культура (Египетъ, Мессопотамія, Аравія и др.). b) Культура древнеарійскихъ народовъ (Мизія, Малая Азія, арійцы, индуссы и др.). Цѣна 80, 60, 56.

Часть II. Древніе вѣка (продолж.). c) Атлантическая культура (первобытные жители Европы). d) Древне-греческій міръ. e) Римъ. Ц. 70. 53, 49.

Часть III. Средніе вѣка и новое время. (Исламъ, эпоха образованія европейскихъ государствъ, вѣкъ открытій и изобрѣтеній, развитіе абсолютизма, вѣкъ революцій). Съ приложеніемъ.

„Очерки исторіи русской культуры“, подъ редакціей проф А. Г. Тимофеева. Ц. 110, 83, 77. Всѣ три части вмѣстѣ—цѣна 200, 150, 125.

Изложеніе очень живое. Изданіе богато иллюстрировано рисунками.

Проф. Веберъ. **Панорама вѣковъ. Очеркъ всемірной исторіи.** Со. мн. рис. Ц. 1,00, 50, 30.

Великолѣпный, живо написанный очеркъ всемірной исторіи. Особенно оригиналенъ взглядъ автора на средніе вѣка. Книга значительно, почти на 1/3 дополнена редакторомъ, В. Битнеромъ, который, однако, написалъ дополненіе въ томъ же живомъ тонѣ, какъ и вся остальная книга, вслѣдствіе чего нельзя даже замѣтить вставокъ. Послѣднія, главнымъ образомъ, касаются доисторической культуры и России.

Проф. Андерсонъ. **Исторія погибшихъ цивилизацій Востока.**

Со многими рисунками. Содержаніе. Введеніе.—Происхожденіе человѣческихъ расъ.—Халдея и Вавилонія.—Древній Египетъ.—Хитты, финикіяне и евреи.—Иранъ или древняя Персія. Ц. 90, 60, 35.

Проф. Л. Блохъ. **Сословная и національная исторія римской республики.**

Со многими рисунками и картами. Цѣна 70, 45, 35. Очень хорошая книга, разсматривающая исторію Рима съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, экономическаго матеріализма.

Проф. Арнольдъ. **Культура эпохи возрожденія.** Ц. 50, 30, 25.

Содержаніе. Гуманизмъ.—Изобрѣтенія. — Открытія. Изученіе природы.—Исторія. — Гражданское и государственное право.—Философія.—Личность и общество.—Итальянская литература.—Внѣиталійская литература.

Гуманизмъ—это та эпоха, съ которой началась борьба за свободу мысли и совѣсти, борьба—до сихъ поръ не прекращающаяся, и знакомство съ первыми мучениками за правду и свободу является для всякаго обязательнымъ.

Проф. Гретцъ. **Іисусъ Христосъ и христіанство** съ приложеніемъ статьи **„Жизнь Іисуса“ Эрнста Ренана** и подр. библ. указателя. Съ рисунками. Ц. 40, 30, 20.

Замѣчательная книга, о появленіи которой на русскомъ языкѣ раньше и мечтать было невозможно. Это строго-научное изслѣдованіе, авторъ котораго сумѣлъ уберечься отъ ошибокъ Ренана, трудъ котораго не имѣетъ серьезнаго научнаго значенія.

Проф. Грантъ Алленъ. **Эволюція идеи божества**, въ 2-хъ частяхъ. Ц. обѣихъ ч. 1 р. 40 к., 105, 98.

Замѣчательная книга, принадлежащая перу извѣстнаго натуралиста. Перевед. на многіе европ. языки. Авторъ доказываетъ, что идея божества произошла изъ культа мертвыхъ.

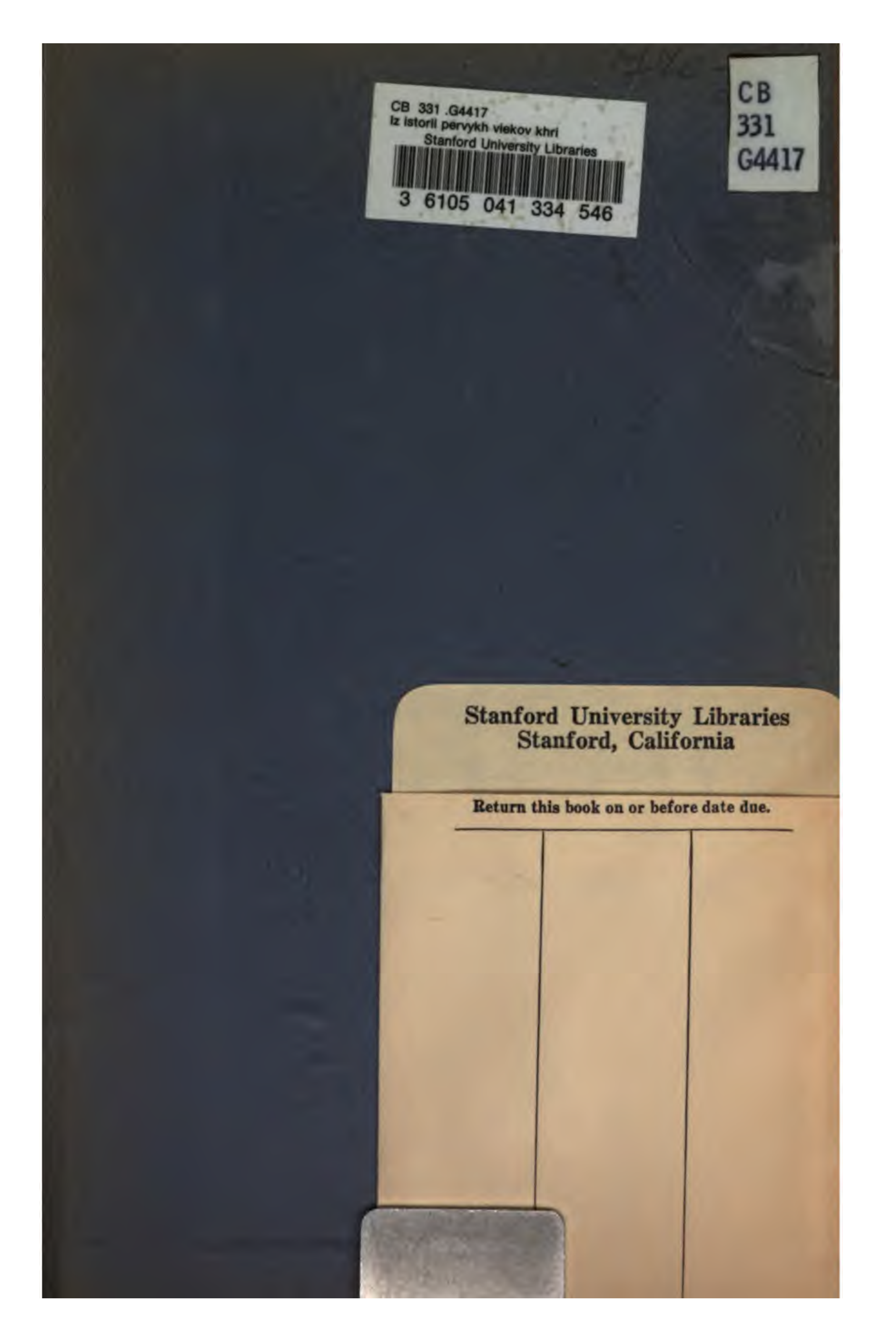
А. Мальверъ. **Наука и религія.**

Содержаніе. Происхожденіе религіи (Солнце и огонь) Культъ солнца. Культъ огня. Происхожденіе Евангелія. Происхожденіе и развитіе церковныхъ обрядовъ. Святые. Ц. 75, 56, 52.

---

*) Цѣны въ копейкахъ: первая—номинальная, вторая — для книжныхъ магазиновъ и подписчиковъ „Вѣстн. Зн.“, „Научн. Библ.“, „Нар. Ун.“ и „Наст. Энц.“, третья—для кружковъ и отдѣловъ Союза „В. Зн.“.

CB 331 .G4417
Iz istorii pervykh viekov khri
Stanford University Libraries
3 6105 041 334 546
CB
331
G4417
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

